

Международный издательский центр
«Этносоциум»

Ким А.С.
Довгополов Е.Ю.

**Институционализация
этнической политики
в современной России
(на примере
Дальневосточного региона)**

Москва 2016

УДК 323/324(470+571)(082)
ББК 65.9(2Рос.)

Рецензенты:

Завалишин А.Ю., заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук ФГБОУ ВПО «Хабаровский государственный университет экономики и права», доктор социологических наук, доцент.

Радченко А.Ф., кандидат политических наук, эксперт.

Михайлова Н.В., доктор политических наук, профессор кафедры политических наук Российского университета дружбы народов.

Рябова Е.Л., кандидат социологических наук, доктор политических наук, профессор.

Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация
этнической политики в современной России
(на примере Дальневосточного региона): Монография. – М.:
Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. 166 с.

Монография посвящена выявлению и раскрытию проблем институционализации этнической политики в современной России. Раскрывается социальная сущность институционализации этнической политики. Анализируется исторический опыт институционализации этнополитики. Выявляются проблемы институционализации этнополитических практик в современной России (на примере Дальневосточного региона). Книга предназначена для широкого круга научно-исследовательских и научно-педагогических кадров, магистрантов, соискателей ученых степеней, государственных служащих, осуществляющих деятельность в сфере реализации государственной национальной политики.

© Ким А.С., Довгополов Е.Ю., 2016.

© Международный издательский центр «Этносоциум», 2016.

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Социальная сущность институционализации этнической политики	
1.1. Сочетание социологического и политологического под- ходов в раскрытии сущности политической институционали- зации общества.....	7
1.2. Институционализация этнополитики как вид полити- ческой институционализации.....	33
Глава 2. Исторический опыт институционализации этнополитики	
2.1. Роль этнонационалистической парадигмы в институ- ционализации советской этнополитики.....	48
2.2. Этнический национализм как фактор институциона- лизации этнополитики в постсоветской России.....	68
2.3. Мультикультуралистская практика: значимость для России.....	83
Глава 3. Институционализация национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России	
3.1. Этнополитика на Дальнем Востоке России в ракурсе институционализации мультикультурализма.....	102
3.2. Процессы институционализации региональной этни- ческой и миграционной политики на Дальнем Востоке России (на примере Хабаровского края).....	121
Заключение.....	148
Список литературы.....	156

Введение

В результате тектонического сдвига современной цивилизации от «модерна» к «постмодерну» произошло выдвижение ранее периферийных ценностей и традиционных форм механической солидарности (в том числе этнических) на весьма значимые позиции в процессах общественного развития. Так, в условиях глобализации у этничности открылось «второе дыхание», что проявляется в интенсивном преобразовании этносов из традиционных субъектов культуры в субъекты права и политики. Политика оказалась наиболее эффективным и распространенным способом выражения и мобилизации этнической идентичности. Так, политическая идеология и практика национализма выступили главными формами проявления «этнического ренессанса» в условиях транзycji, в которых вот уже более четверти века пребывает посткоммунистическое пространство бывшего СССР и Восточной Европы. Беспрецедентное усиление межэтнической напряженности в этих регионах вполне закономерно, поскольку кардинальное переустройство всех сфер общественной жизни привело к тому, что значительная часть людей в ситуации утраты обществом прежней системы и мировоззренческой парадигмы межэтнического регулирования пытается найти социально-психологическую поддержку в этнической идентичности.

В вышеупомянутом контексте представляется весьма актуальной проблема формирования политических институтов, имеющих способность адаптироваться к динамично меняющейся социальной среде, характеризующейся открытым информационным пространством и отсутствием общенациональной идеологии. Необходимость данных институтов весьма значительна, в том числе и в сфере этнополитики. Низкий уровень общегражданской (российской)

идентичности и этнологической культуры, аморфность и неустойчивость базовых ценностей, определяющих этнополитическую ориентацию в решении этнонациональных проблем, образуют этнополитическую конфликтность, то есть конфликтный потенциал, составляющей которого является ментальная, социально-психологическая предрасположенность постсоветского общества к позитивному восприятию этнического национализма и экстремизма, являющихся главными идейно-психологическими катализаторами этнополитических конфликтов. Особую группу риска представляет молодежь. Будучи в наибольшей степени интегрированной в современные информационно-образовательные процессы, молодежь максимально подвержена влиянию разнообразных идейно-политических воздействий, составляющих глобальные информационные потоки. Исходя из этого, следует говорить о насущной необходимости исследования проблемы формирования институтов этнополитики, эффективно осуществляющих политическую социализацию и регулирование межэтнических отношений.

Исследование проблем институционализации этнополитической сферы весьма актуально с точки зрения разработки и реализации конструктивной политики, направленной на гармонизацию межэтнических отношений и формирование единой российской нации. Политическая деятельность в области национально-этнических отношений в настоящей работе будет именоваться как этническая политика (этнополитика). Сфера этнополитики включает повседневную деятельность всех управленческих институтов и институтов гражданского общества. Институты этнополитики, как и любые политические институты, обладают контрольно-регулятивными и мобилизационными функциями, позволяющими придать направленность и определить характер жизнедеятельности национальных (этнических) общностей, а также их отношениям между

собой (согласие, подчинение, господство и конфликт). Институты этнической политики обуславливают, таким образом, способы взаимодействия между индивидами различной национальной и этнической принадлежности (культура, язык, менталитет, традиции и обычаи). Не случайно в сфере этнополитики особую значимость имеют процессы формирования и функционирования политических институтов и политических практик, определяющих характер и направленность управления межэтническими взаимодействиями и этнополитическими отношениями. Эти процессы, собственно, и являются процессами институционализации этнической политики.

Целью настоящей работы является выявление и раскрытие проблем институционализации этнической политики в современной России. Поставленная цель достигается посредством решения следующих задач:

- раскрытие социальной сущности институционализации этнической политики;
- анализ исторического опыта институционализации этнополитики;
- выявление проблем институционализации этнополитики в современной России (на примере Дальневосточного региона).

Глава 1. Социальная сущность институционализации этнической политики

1.1. Сочетание социологического и политологического подходов в раскрытии сущности политической институционализации общества

Институционализация общественной жизни отражает проблемы установления определенных процедур социальных взаимодействий, обеспечивающих самовоспроизводящийся и налаженный характер процесса удовлетворения социально значимых потребностей людей. Именно поэтому социальные институты являются одним из важнейших объектов социологического анализа.

Первоначально термин «социальный институт» был введен Г. Спенсером. При этом он не наполнил его конкретным содержанием. По логике Г. Спенсера, социальные институты представляют собой некие органы общественного суперорганизма, позволяющие вести совместную жизнь и деятельность людей. Именно Г. Спенсеру принадлежит идея двух сторон развития социальных институтов – интеграции и дифференциации. М. Вебер определял социальные институты как «фабрики» по воспроизводству социальных связей. Он усматривал приоритетность нормативности этих связей, поскольку их содержание устанавливается обществом в целях удовлетворения потребностей его членов. Э. Дюркгейм делал акцент на том, что противоречит целям стабилизирующих функций социальных институтов, – социальной аномии, а также анализировал общественное разделение труда и различные формы религии. М. Вебер внес серьезный вклад в разработку проблемы институционализации общества, анализируя протестантскую этику и труд при капитализме [4. С. 412–413].

Проблематика социальных институтов занимает одно из

главных мест в современной зарубежной и отечественной социологии. Именно этим можно объяснить возникновение и оформление такой специальной отрасли социологической науки, как институциональная социология. Предметом данного направления в социологии являются устойчивые формы регулирования и организации общественной жизни. Социальный институт анализируется в качестве нормативно устоявшейся общественной практики, подвергающейся социальному контролю. Он рассматривается также как структурированная организация и система функционально обусловленных действий и взаимодействий. При этом содержание такого подхода к рассмотрению социальных институтов представлено различными точками зрения. Так, Ф. Бейтс и Р. Харви трактуют социальный институт следующим образом. Во-первых, институты представляют собой сложные социальные практики, подверженные обширному социальному контролю (например, институт частной собственности, институт брака). Во-вторых, социальный институт является сложной организацией большого масштаба (например, университет, тюрьма, больница и т.д.). В-третьих, социальные институты определяются в качестве сложных систем действий и взаимодействий, выполняющих определенные социальные функции (например, институт экономики, институт образования). В-четвертых, социальный институт понимается как нормативная и устоявшаяся социальная практика, а процесс институционализации способствует тому, что любая система социальных действий становится институтом [15. Р. 132].

А. Джонсон рассматривает социальный институт как «прочную систему идей и отношений, организованных вокруг достижения наиболее важных (значимых) целей» [17. Р. 606]. Н. Смелзер вкладывает в содержание термина «социальный институт» такое его понимание, как «совокупность ролей и статусов, предназначенных для удовлетворения определенной социальной потребности» [10. С. 659].

Т. Парсонс полагает важнейшим предназначением институциональной структуры общества обеспечение социального порядка, стабильности и интеграции [18. Р. 231–232].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что социальные институты – это организованные социальные системы, характеризующиеся устойчивостью структуры, интегрированностью их элементов, определенной изменчивостью их функций. Их образование является мультипликативным эффектом, который возникает в результате взаимодействия следующих факторов:

1) возникновение потребности, удовлетворение которой требует совместных организованных действий, а также условий, обеспечивающих это удовлетворение;

2) формирование общих целей того или иного сообщества;

3) появление ценностей, социальных норм и правил поведения в ходе стихийного социального взаимодействия, осуществляемого методом проб и ошибок;

4) отбор в ходе общественной практики приемлемых образцов и стереотипов поведения, которые через повторение и оценку превращаются в стандартизированные обычаи;

4) закрепление шаблонов поведения в качестве обязательных норм сначала на основе общественного мнения, а затем и санкционирования формальными организациями.

Если основываться на устоявшихся социологических традициях, то институционализация в значительной степени позиционируется как совокупность процессов формирования социальных институтов, предполагающих:

1) определение и закрепление социальных ценностей, норм, образцов поведения, статусов и ролей;

2) приведение их в систему, которая способна действовать в направлении удовлетворения определенных социально значимых потребностей;

3) использование этой системы в качестве инструмента, гарантирующего сходное поведение людей, согласовывающего и направляющего в общезначимое русло их определен-

ные стремления, устанавливающего способы удовлетворения их жизненно важных потребностей, обеспечивающего состояние равновесия и стабильности в рамках той или иной социальной общности и общества в целом.

Таким образом, с точки зрения традиционного социологического подхода, институционализация общественной жизни отражает проблемы установления определенных процедур социальных взаимодействий, обеспечивающих самовоспроизводящийся и налаженный характер процесса удовлетворения социально значимых потребностей людей. Как мы увидели, традиционный (нормативный) социологический институционализм трактует институты как социальные нормы, имеющие конституирующее значение, т.е. детерминирующие представления и действия социальных акторов – субъектов социального взаимодействия. Такие нормы «первичны», они существуют независимо от индивидов как «объективная реальность» и имеют для них принудительную силу [7. С. 36]. Сторонники другого варианта традиционного институционализма, находящиеся на позиции рационального выбора, напротив, исходят из методологического принципа индивидуализма и концентрируют свое внимание на регулятивных аспектах социальных институтов: «Институты – это «правила игры» в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [6. С. 17]. Однако, несмотря на вышеуказанные различия, оба варианта классического институционализма базируются на позитивистской парадигме.

Однако, существует и неоинституционалистский подход, базирующийся на парадигме социального конструктивизма. При всех различиях между конструктивистскими направлениями все они рассматривают окружающую социальную среду не как объективную реальность, а как нечто в этой среде, чему придается определенное значение. Индивиды конструируют классифицирующие основания в виде

схем типологизации, которые позволяют им производить дифференциацию. С помощью этой процедуры они придают некоторым сторонам объектов социальное значение [1]. В такой интерпретации институты рассматриваются как выступающие в виде схем мыслительные образы и социальные практики, которые ими поддерживаются.

Конструктивистские течения, которые делают акцент на вышеуказанном подходе, развивают когнитивную концепцию институтов, в соответствии с которой институты понимаются как когнитивные схемы (cognitive schemes), фреймы, фоновое знание (background knowledge), общие смыслы (shared meanings) и т.п. [19]. Другие варианты конструктивизма, напротив, акцентируют внимание на практиках. Они рассматривают институты как относительно устойчивые социальные практики или «модели (образцы, паттерны) социального взаимодействия (поведения)». Подобная концептуализация сама по себе имеет достаточно глубокие корни как в политической, так и социологической науке. Например, классической стала дефиниция С. Хантингтона: «Институты – это устойчивые, значимые и воспроизводимые формы поведения. Организации и процедуры могут сопровождаться различным уровнем институционализации. Институционализация – это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость» [13. С. 32]. Разумеется, хантингтоновское определение не было изначально конструктивистским, но его легко интерпретировать в конструктивистском ключе [7. С. 37–38].

Как полагает пермский политолог П.В. Панов, «Об институционализации социальных практик, или об институционализированных социальных практиках можно говорить тогда, когда они приобретают значительную степень устойчивости» [7. С. 38]. По его мнению, «Такая устойчивость возникает по мере того, как в процессе повторяющихся социальных взаимодействий происходит согласование субъективных смыслов, и появляются эмпирически значимые взаимные ожида-

ния, которые постепенно обретают «коллективный смысл» и превращаются в норму» [7. С. 38]. П.В. Панов полагает, что постепенно происходит объективация сложившихся норм, но хотя объективированная норма воспринимается индивидами как нечто внешнее, имеющее принудительное значение, она «существует» лишь постольку, поскольку акторы воспроизводят ее в социальных практиках. Акторы каждый раз заново «определяют ситуацию», поэтому устойчивость социальных практик всегда относительна [7. С. 38].

Следует отметить, что трактовка социальных институтов как относительно устойчивых социальных практик признает совокупность когнитивных схем, смыслов и значений как важную составляющую процесса институционализации, однако не как институты, а как «культурные основания» процессов институционализации. Необходимость различения институциональных практик и культурных оснований институционализации обусловлена также определенной их самостоятельностью относительно друг друга. «Так, на базе одних и тех же культурных оснований могут возникать различные институциональные практики и, наоборот, акторы могут воспроизводить достаточно устойчивые социальные практики, основываясь на разных культурных смыслах» [7. С. 38].

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что традиционный (нормативный) институционализм и неинституционализм не противоречат друг другу, а, скорее, взаимодополняют друг друга. Первый акцентирует внимание на том, что социальные институты – это исторически сложившиеся формы совместной деятельности людей, предназначенные для обеспечения удовлетворения их социально значимых потребностей, на основе выполнения индивидами социальных ролей, задаваемых социальными ценностями, нормами и образцами поведения. Второй обращает внимание на другое обстоятельство: социальные институты представляют собой устойчивые социальные практики, то есть выделяется деятельностный аспект пред-

назначения и функционирования институтов. В самом деле, упорядочивание социальной жизни людей происходит в виде определенных социальных практик, которые фиксируются, формируются и воспроизводятся в определенных устойчивых организационных и ценностных стандартах, моделях поведения, способах взаимодействия.

Логика анализа процесса институционализации приводит к рассмотрению вопроса о соотношении содержания понятий «социальные институты» и «социальные организации». Прежде всего, следует отметить, что феномен социальной организации в содержательном отношении тесно взаимосвязан с феноменом социального института с точки зрения следующих оснований.

1. Во-первых, социальная организация в своей структуре и функциях концентрирует базовые социальные процессы, которые присущи регламентации и регулированию со стороны социальных институтов. И обусловлено это тем, что социальная организация включает в себя индивидов, интегрированных в совместную деятельность и ориентированных на достижение общезначимых целей, связанных с обеспечением удовлетворения жизненно важных (социально значимых) потребностей.

2. Во-вторых, социальная организация изначально предполагает контроль за поведением и деятельностью людей, входящих в ее состав. Для этого она использует механизмы социального контроля (средства социальной культуры) в качестве базового инструмента социальной регуляции. Именно поэтому можно с уверенностью полагать, что организации присуща такая базовая функция, как обеспечение социального порядка во имя достижения общих целей. Более того, некоторые основоположники социологии, например, Т. Парсонс, считали феномен организации и организованности краеугольным элементом предмета всей социологической науки [8].

На основе вышеуказанного, возможно предположить, что феномены социальных институтов и социальных организаций имеют некую общую природу. И заключается

она, на наш взгляд, в том, что основанием для возникновения и организации, и института является потребность в осуществлении людьми совместной кооперированной деятельности, в достижении неких общих целей. В самом деле, необходимыми условиями функциональной деятельности и организации, и института являются:

1) их оформление в качестве социальных образований, возникающих для достижения общезначимых целей коллектива индивидов;

2) соединение их разнородных взаимодействий в единый процесс, синхронизация их усилий во имя достижения общих целей;

3) установление определенного социального порядка, заключающегося:

- во-первых, в изначальном ограничении свободы, автономии и активности каждого субъекта совместной деятельности;

- во-вторых, в установлении определенных правил, регулирующих социальное взаимодействие;

- в-третьих, в формировании пространства для стандартизации и воспроизводства этих отношений путем создания различных институциональных механизмов.

В силу вышеизложенного, целесообразно сделать вывод о том, что в широком смысле слова и социальные организации, и социальные институты – это исторически сложившиеся социальные практики, включающие в себя: 1) совместное достижение целей на основе выполняемых индивидами социальных ролей; 2) социальные ценности, нормы и образцы поведения; 3) реализацию социально значимых функций для обеспечения удовлетворения жизненно важных потребностей.

Вместе с тем, в содержании понятий «социальная организация» и «социальный институт» есть и различия.

Так, американский социолог П. Блау полагает, что к собственно организациям могут быть причислены только лишь те социальные образования, которые являются формальными. А именно:

- 1) имеющие четко определенную и декларированную систему целей;
- 2) выполняющие определенные и достаточно устойчивые функции по отношению к социуму;
- 3) использующие принципы разделения труда и специализации;
- 4) имеющие достаточно жестко структурированную и формализованную систему деловых отношений;
- 5) содержащие совокупность определенных юридически закрепленных должностных позиций, наделенных властными полномочиями [2. С. 93].

Специфика организации как социального феномена прослеживается на основе подходов Ч. Барнарда, П. Друкера, К. Маркса, Ф. Тейлора, А. Файоля. Их анализ позволяет сделать вывод о том, что специфическим основанием для возникновения социальных организаций является необходимость выделения управленческой деятельности в особую сферу деятельности и вызванная этим последующая специализация и профессионализация индивидов, осуществляющих управленческие функции. Таким образом, из самой природы совместной деятельности следует необходимость ее координации.

Вышеизложенная позиция не противоречит трактовке социальной организации, включающей в себя подходы Дж. Марча, Г. Саймона, П. Блау, У. Скотта, М. Крозье. Несмотря на различия этих подходов, их объединяет такая общая черта, как признание социальной организации в качестве определенной системы, для которой характерно формирование системы рациональных взаимодействий, необходимых для координации связей между людьми, возникающих в процессе совместной деятельности в рамках определенных структур взаимодействий и функций.

По мнению представителей классической школы социологии организации и управления, важнейшим условием возникновения организации является рациональное разделение сфер коллективного труда. Такое разделение обознача-

ется как разделение труда по горизонтали, предполагающее:

- 1) специализацию базовой деятельности;
- 2) профессионализацию индивидов, включенных в специализацию;
- 3) выделение целевых групп вследствие специализации и профессионализации;
- 4) выделение специализированных структурных подразделений различного профиля [3, 5, 11, 12].

Целевые группы (коллективы) и структурные подразделения, выделяющиеся вследствие разделения и специализации базовой деятельности, являются объектом первостепенного изучения в концепциях социологии организации, поскольку полагаются первоосновами формирования организаций, базовыми элементами ее структуры.

Еще М. Вебер обращал особое внимание на такую особенность организации, как безличность. Последняя проявляется в том, что организация рассчитана не на конкретных персон, а на абстрактных индивидов, выполняющих специализированные функции (должностные обязанности). Данное обстоятельство характерно для формальных социальных организаций, которые целесообразно рассматривать как бюрократические системы. М. Вебер внес значительный вклад в исследование формальной организации, изучая бюрократию как специфическую форму организации современного общества. Он выделил следующие характеристики бюрократической организации:

- 1) эффективность, достигаемая посредством определенного разделения обязанностей между индивидами, являющимися членами организации;
- 2) жесткая властная иерархия, осуществляющая контроль за выполнением функций и заданий;
- 3) введенная и установленная в данной организации система правил, обязательных для исполнения всеми ее членами;
- 4) безличность административной деятельности [4. С. 378].

Таким образом, социальную организацию можно опре-

делит как систему отношений, которая, выступая в форме элемента социальной структуры общества, интегрирует социальных индивидов для достижения социально значимых целей посредством формирования внутренней упорядоченности и согласованности частей целого (создаваемого социального объединения). Спецификой социальной организации является то, что ей присуща деятельность, основным назначением которой выступает координация действий и интеграция связей и отношений социальных индивидов.

Именно в последнем обстоятельстве и заключается существенное отличие социальной организации от социального института. В содержании понятия «социальная организация» больше выдерживается смысловая нагрузка, связанная с обозначением такого аспекта, как поддержание целостности социальных объединений посредством обеспечения скоординированности и управляемости поведения составляющих его индивидов, их взаимодействий и достижения ими коллективных целей. В содержании же категории «социальный институт» прослеживается несколько другой смысл, а именно: упорядочивание, введение в русло ценностно-нормативной регуляции взаимодействий социальных индивидов, осуществляющих совместную деятельность для удовлетворения своих жизненно важных потребностей.

В то же время следует отметить, что невозможно реализовать базовые институциональные цели без конкретных форм организации совместной деятельности социальных индивидов. Именно поэтому целесообразно полагать феномен социальной организации формой проявления, существования и реализации социальных институтов. Так, например, политические институты реализуются в форме государственных, общественных, партийных и других организаций. Когда говорится об эффективности тех или иных социальных институтов, то рано или поздно речь заходит об эффективности социальных организаций, их реализующих. В этом смысле целесообразно отметить значимость

исследования тех условий, которые влияют на степень эффективности организации и ее развитие.

Важнейшим социальным институтом является институт политики. Именно в сфере политики формируется и функционирует базовое организационное первоначало общественной жизни, которое направляет деятельность индивидов и социальных общностей в различные каналы социального взаимодействия. В связи с этим неудивительно, что система политических институтов является одним из важнейших объектов социологического анализа. В чем же заключается социологический ракурс рассмотрения политических институтов?

Во-первых, институционально-социологический подход особенно ярко проявляется именно в политической сфере. Здесь в наиболее концентрированном и ярко выраженном виде проявляются основные атрибуты институциональности:

- 1) нормативность;
- 2) использование властных санкций и ресурсов;
- 3) социальные роли, определяющие набор функций;
- 4) механизм социального контроля;
- 5) формирование и функционирование специализированных социальных организаций.

Во-вторых, политическая надстройка общества как устойчивая самостоятельная форма социального регулирования появляется в связи с необходимостью воспроизводства норм внешнего по отношению к социальным субъектам контроля. И связано это с тем, что если в компактных первичных группах срабатывает внутренняя система нравственных норм, на которые ориентированы в своей жизнедеятельности социальные индивиды, то на уровне общества в целом и его подсистем необходима система опосредованного взаимодействия, требующая иных механизмов социального контроля – политических. Таким образом, политическая жизнь изначально возникает для выполнения функции управления социальными отношениями, поддержания социаль-

ного порядка и именно поэтому сосредотачивается на проблемах завоевания, удержания, использования и развития власти как в той или иной степени легитимного насилия.

В-третьих, социальная институциональность политики очень ярко выражена в феномене политической социализации. Связано это с тем, что последняя является процессом усвоения ценностей, позиций, ролей и моделей поведения, характерных для определенной социальной среды, имеющей политический характер. Социальные же институты политики как раз и выступают механизмами политической социализации, поскольку осуществляют регуляцию политического поведения индивидов посредством выполнения ими определенных политических ролей.

В-четвертых, социологическая аспектность рассмотрения политических институтов заключается в том, что нормативность политической жизни, политическое поведение и политическая культура проявляются в рамках политических организаций как особых видов организаций социальных. Более того, политические институты являются ничем иным, как формой политики, представляющей собой ее организационную структуру – специализированные организации и учреждения, реализующие нормативно-властные функции.

Обобщая вышеизложенное, целесообразно отметить, что, по нашему убеждению, в политике наиболее глубоко выражаются стремления к удовлетворению социально значимых потребностей людей. Именно поэтому в процессах формирования и функционирования политических институтов в концентрированном виде проявляются коренные интересы социальных общностей. Следовательно, институционально-социологический подход следует рассматривать методологической основой объективного научного исследования институтов политики.

С точки зрения такого подхода, естественно полагать, что политические институты могут реализовывать свои функции только посредством соответствующих политических органи-

заций. Политическую организацию можно определить как систему отношений, которая, выступая в форме элемента политической системы общества, объединяет социальных индивидов для достижения значимых политических целей посредством формирования внутренней упорядоченности и согласованности частей политического объединения. Спецификой политической организации является то, что основным назначением ее деятельности выступает координация действий и интеграция связей и отношений социальных индивидов с целью удовлетворения политических потребностей и реализации политических интересов.

С точки зрения методологии нашего исследования, следует признать, что предметом изучения политической организации является совокупность связей и отношений, которые обуславливают ее формирование, функционирование и развитие. В наиболее общем виде содержанием предмета теории политической организации в социологическом ракурсе являются следующие компоненты:

- 1) проблемы моделирования, проектирования, формирования и адаптации политических организаций в социальном пространстве политических институтов;
- 2) вопросы определения и разработки целей и задач политических организаций;
- 3) проблемы функционирования и развития политических организаций.

На наш взгляд, методологической основой исследования вышеуказанных проблем является комплекс исследовательских методов социологической концепции организации. Основными составляющими этого комплекса являются следующие подходы.

1. Системный подход представляет собой соответствующий способ исследования, который позволяет анализировать политическую организацию как целостную систему составляющих ее элементов, их взаимосвязей, а также взаимодействий между ними и внешней средой.

2. Комплексный подход является методом изучения политической организации во взаимосвязи с другими организациями с различных сторон с применением различных теоретико-методологических подходов, присутствующих в различных областях научного знания.

3. Исторический подход дает возможность анализа политической организации в ракурсе исторической динамики, в содержании которой отражается изменение различных характеристик в социальном пространстве и времени.

4. Конкретно-социологический подход, выражающийся в комплексе прикладных методов социологического исследования, позволяющих формировать представления о состоянии, статусе и роли политических организаций.

5. Сравнительный анализ представляет собой научный подход, на основе которого происходит выявление специфических особенностей политической организации в сравнении с аналогичными субъектами социальной деятельности.

Вместе с тем, социальные организации в рамках политических институтов представляют собой важный, но не единственный институциональный атрибут. Социальная организация выступает как одна из подсистем социальной регуляции поведения и деятельности. Она выступает лишь результатом, итогом реализации следующих атрибутов социальных институтов:

1) распределение функций, прав и обязанностей субъектов институционального процесса (взаимодействия);

2) разделение труда и профессиональная специализация функций;

3) особый тип регламентации, предполагающий установление определенных деперсонифицированных прав и обязанностей для участников институционального взаимодействия (воспроизводство условий, требований и обязанностей посредством стандартизации);

4) рационально обоснованный и обязывающий характер механизмов социальной регуляции, характеризующийся применением четко фиксированных и однозначно толкуе-

мых образцов поведения – социальных норм, а также санкций, стимулирующих желательное поведение и блокирующих нежелательное.

Использование социологического подхода позволяет увидеть, что социальные организации существуют в виде различных учреждений и групповых объединений, в которых организуется функционирование социальных институтов, в частности, политических. Таким образом, проблема изучения характера и содержания политических институтов, исследования их функционирования, изменчивости, динамики развития – это во многом анализ конкретных проявлений политических институтов – политических организаций. При этом механизм социологического исследования природы политических институтов основан на положении о том, что институционализация политической власти – это естественный процесс, в основе которого лежат действия людей, преследующих определенные интересы, но в формате ожиданий окружающей социальной среды.

Исходя из вышеизложенного, целесообразно предположить, что многообразие форм политических институционализированных практик обусловлено отбором определенных правил взаимодействия в процессе институционализации политической власти. Этот процесс приводит к формированию устойчивых механизмов регулярного воспроизводства властных политических отношений. В самом деле, механизм институционального воспроизводства предполагает то, что люди в своих действиях и взаимодействиях вынуждены ориентироваться на нормативно-ценностные модели, созданные предыдущими поколениями. Именно поэтому в процессе институционализации политической власти происходит деперсонализация, поскольку вся система норм, ценностей и санкций направлена на обеспечение власти не конкретного индивида, а определенной статусной группы (например, правительства, династии, президентской администрации и т.п.).

Вместе с тем, полноценное понимание природы полити-

ческого института возможно только лишь при попытке ответа на вопрос: «Что побуждает людей постоянно прибегать к помощи институционального механизма воспроизводства политической власти?». Прежде всего, следует отметить, что стремление к власти детерминируется потребностями воздействия на решения общественных проблем с точки зрения определенных социальных интересов. Дифференциация и различие интересов различных социальных групп в сочетании с нехваткой (дефицитом) ресурсов их реализации делает эти интересы несовместимыми, порождая политическую борьбу. А раз так, то политика как социальный феномен возможна только в условиях конфликтогенности различных социально-групповых интересов. Но при этом реализация последних и сохранение господства одних групп над другими невозможны без наличия в той или иной степени консенсуса между акторами политического процесса, перед которыми рано или поздно возникают задачи по управленческому воздействию на конфликты с тем, чтобы вводить их в приемлемое с точки зрения их интересов русло. Именно в этом кроется причина появления политических институтов как механизмов конфликтопредупреждения, конфликторегулирования и конфликторазрешения. Таким образом, люди стремятся воспроизводить и использовать институциональные механизмы как с целью реализации своих интересов, так и для нахождения различных форм их сочетания, баланса.

Возможность более глубокого понимания природы политической институционализации дает подход к политике как к сфере власти, представленный М. Вебером, Г. Лассуэллом, М. Дюверже, Р. Ароном, Р. Далем, Р.М. Гудином, Х.-Д. Клингеманном и др. Эти исследователи относят к сфере политики всю совокупность фактов, отношений и взаимодействий, связанных с борьбой за власть, ее сохранением, укреплением и использованием. Так, Р. Даль трактует политику как «любую устойчивую форму человеческих отношений, в которой присутствует значительный элемент

контроля, влияния, власти или авторитета» [16. Р. 4; 9. С. 78]. Именно поэтому к политическим организациям следует относить не только государство и партии, но и различные общественные объединения – профсоюзы, разного рода общественные организации (например, некоммерческие), национально-культурные автономии, конфессиональные и диаспорные общины, клановые объединения и т.д. Авторы крупного энциклопедического издания по политической науке [14], определяют политику как «ограниченное применение социальной власти», делая упор на следующих моментах:

- сущность политики заключается в ограничениях, которые устанавливаются применительно к деятельности политических деятелей;

- изучение политики должно быть направлено на изучение сущности и источников этих ограничений, а также технологии использования социальной власти в рамках последних.

Понимание политики как сферы власти как раз и является методологической установкой, акцентирующей внимание на процессе взаимодействия различных социальных общностей, стремящихся реализовать свои интересы посредством взаимного ограничения власти. Из этого следует, что политика включает в себя совокупность связей и отношений, имеющих характер доминирования, влияния, господства, зависимости, подчинения, согласия, противоборства и т.п. Такая система социального взаимодействия неизбежно включает в себя: различного рода торги, переговорные процессы, компромиссы и договоренности между различными акторами, преследующими различные интересы. Таким образом, в пространстве политики как сферы власти осуществляется разрешение (или его попытки) различных социальных проблем посредством установления, поддерживания и использования определенных правил продвижения и удовлетворения социально-групповых интересов. Для ограничения власти одних социальных субъектов другими в обществе создаются различные институ-

циональные механизмы, призванные функционировать в поле социального взаимодействия. Именно в этом и состоит природа институционализации политики.

Вышеуказанный методологический подход позволяет расширить рамки распространенного толкования политики, включающего в ее сферу по преимуществу государственные институты, а также институты, непосредственно связанные с государством. Нередко можно встретить и утверждения о том, что политика включает в себя взаимодействие различных социальных групп по поводу завоевания и использования государственной власти, влияния на нее. Между тем, концепция трактовки политики как сферы власти не просто механически расширяет пространство политики, а выделяет предметную область политической институционализации общества. Эта область состоит в совокупности связей и отношений, в которых проявляются такие общественно значимые формы совместной деятельности, в которых фокусируются проблемы власти на уровне общества в целом, его социетальных систем и крупных социальных общностей. При этом в политику не включаются властные проявления, имеющие частный, социально-локальный характер, которые не влияют принципиально на функционирование крупных социальных систем и общностей. Именно последнее обстоятельство определяет масштаб, формат политической институционализации общества.

Как отмечалось выше, институционализация включает в себя совокупность определенных социальных практик. Каковы же те источники, которые определяют основные направления формирования и функционирования практик в рамках политической институционализации? При ответе на этот вопрос целесообразно исходить из трех основных факторов, обуславливающих институционализацию политических практик.

Во-первых, это использование легитимной власти. Собственно, само государство возникает как результат институционализации определенных практик, способствующих

легитимации интересов доминирующих групп. С этой точки зрения, завоевание и использование государственной власти дает уникальную возможность обладать легальными средствами насилия и других форм принуждения для реализации социально-групповых интересов. В свою очередь, возникшее при определенных условиях государство определяет формирование соответствующих политических практик, которые продуцируют новые государственные институты и институты поддержки государства, «начиная» ими пространство публичной политики, а также способствуют перегулированию функций старых институтов.

Во-вторых, это стремление к целенаправленному (прямому или косвенному) воздействию на государственные институты с целью оказания политического влияния на принимаемые решения. Поскольку в рамках данного источника политической институционализации присутствуют не только государственные, формальные институты, нетрудно предположить, что создаются серьезные предпосылки для складывания неформальных политических практик. В самом деле, влиятельные субъекты политического процесса вполне могут быть вне формальных государственных структур (бизнес-элита, лидеры общественно-политических и религиозных движений, вожди кланов, старейшины этнических общин, лидеры диаспор) или находиться в тех из них, которые лишь исполняют волю вышестоящих инстанций (военные, полицейские, интеллигенция и т.п.).

В-третьих, это мотивация завоевания политической власти стремлением навязать определенное мировоззренческое восприятие общественного устройства, доминировать в формировании политического сознания у различных групп общества с целью поддержки политического курса. С этой точки зрения следует отметить, что политические практики в значительной степени обусловлены когнитивными схемами, смыслами и значениями политического сознания, выступающими в качестве «культурных оснований» про-

цессов политической институционализации. Достаточно устойчивые политические практики воспроизводятся различными акторами политического процесса на базе разных смыслов политической культуры. Эти смыслы составляют ядро политических ценностей и установок, ориентируют политические знания и складываются в убеждения. Трансформация вышеперечисленных феноменов в политические традиции, нормы и образцы поведения приводит к появлению соответствующих политических практик. Их совокупность, собственно, и составляет содержание политических институтов. В свою очередь, потребность и стремление руководить формированием «культурных оснований» политических практик определяют содержание, характер и направленность политической институционализации как по отдельным направлениям, так и в целом.

Вышеприведенное изучение проблемы политической институционализации общества позволяет сформулировать следующие методологические положения, способствующие раскрытию ее сущности.

1. В исследовании проблемы политической институционализации был использован институционально-социологический подход. В соответствии с ним, институционализация общественной жизни заключается в установлении определенных процедур социальных взаимодействий, которые обеспечивают самовоспроизводящийся и налаженный характер процесса обеспечения удовлетворения жизненно важных потребностей социальных индивидов. С этой точки зрения институционализация политической сферы общества отражает базовое организационное первоначало общественной жизни, которое направляет деятельность индивидов и социальных общностей в различные каналы социального взаимодействия. Именно в политической сфере общества в наиболее концентрированном виде проявляются такие основные атрибуты институциональности, как: нормативность; использование властных санк-

ций и ресурсов; социальные роли, определяющие набор функций; механизм социального контроля; формирование и функционирование специализированных социальных организаций. Институты политики выступают механизмами политической социализации, поскольку осуществляют регуляцию политического поведения индивидов посредством выполнения ими определенных политических ролей.

Использование институционально-социологического подхода позволяет увидеть, что функционирование политических институтов реализуется в виде деятельности различных учреждений и групповых объединений, посредством которых организуется политический процесс. Социологическое исследование природы политических институтов приводит к выводу о том, что институционализация политической власти – это естественный процесс, в основе которого лежат действия людей, преследующих определенные интересы, но в формате ожиданий окружающей социальной среды. Итак, институционально-социологический подход является методологической основой объективного научного исследования сущности политической институционализации общества.

2. Однако признание важности институционально-социологического подхода несколько не умаляет главенствующей роли политической науки в выделении предмета исследования политической институционализации общества, включающего совокупность связей и отношений, в которых фокусируются проблемы власти как на уровне общества в целом, так и его социетальных систем и крупных социальных общностей. Властные же проявления, имеющие частный, социально-локальный характер, принципиально не влияющие на функционирование крупных социальных систем и общностей, не включаются в политико-институциональные процессы, как и вообще в сферу политики. Такого рода ограничение, собственно, и определяет масштаб, формат и рамки политической институционализации общества.

Специфика предмета политической науки заключается

в исследовании тех факторов, которые, возникая на уровне общества в целом, трансформируются в политические феномены, определяющие формирование устойчивых механизмов регулярного воспроизводства властных политических отношений. Субъекты (акторы) этих отношений стремятся воспроизводить и использовать институциональные механизмы как с целью реализации своих интересов, так и для нахождения различных форм их сочетания, баланса. Именно в этом и состоит природа институционализации политики, определяющая в конечном счете характер и направленность процесса институционализации политической власти.

3. Институционализация политической власти происходит из необходимости регулирования социального взаимодействия, характеризующегося отношениями доминирования, влияния, господства, зависимости, подчинения, согласия, противоборства и т.п. Регулирование же неизбежно предполагает различного рода торги, переговоры, компромиссы и договоренности между акторами политического процесса, преследующими свои специфические интересы. Однако сам по себе процесс политической институционализации имманентно содержит предпосылки конфликта между сторонами (субъектами) предполагаемого консенсуса. Почему это так? Дело в том, что нередко можно наблюдать рассогласованность культурных оснований и институциональных практик, и, следовательно, рассогласованность ценностей и действий различных акторов политического процесса, политических институтов, ими продуцированных. Более того, не исключаются варианты возникновения и актуализации острых противоречий, созревающих в процессе взаимодействия перечисленных феноменов. А коли так, то сам процесс политической институционализации изначально приобретает конфликтный характер.

Подводя итог рассмотрению результатов сочетания социологического и политологического подходов в анализе

политической институционализации, следует соотнести содержание терминов «политическая институционализация общества» и «институционализация политики (политической власти)». На наш взгляд, в содержательном плане эти понятия в целом синонимичны. В самом деле, институционализация как процесс формирования и реализации определенных социальных практик проявляется как в определенной сфере общества, так и в обществе в целом. Если же мы ведем речь о политике, то ее институционализация как социетальной системы вполне может быть обозначена как политическая. При этом институционализация политическая неизбежно приобретает общесоциальный (общественный) характер, поскольку специфика политических процессов в том и состоит, что они протекают на уровне общества в целом и содержат властные проявления, которые по своему воздействию принципиально влияют на функционирование крупных общественных подсистем и социальных общностей.

Исходя из вышепроведенного анализа, целесообразно обозначить следующие тезисы, содержание которых может объяснить методологическую значимость раскрытия сущности политической институционализации для исследования феномена институционализации этнополитики, которое будет предпринято в последующих параграфах.

1. Найдена возможность постановки и исследования вопроса о природе и структуре той общественной потребности, которая вызывает необходимость институционализации этнополитики. Отсюда неизбежно следует необходимость выявления различных акторов данного вида институционализации и изучения широкого спектра их интересов. Кроме того, интересно будет проанализировать взаимодействие этих интересов как с точки зрения согласованности, интеграции, так и с позиции рассогласованности и конфликтности.

2. Несомненный исследовательский интерес будет прояв-

лен в части изучения взаимодействия культурных оснований и институциональных (социальных) практик этнополитики. Весьма интересно будет изучить степень влияния различного рода компонентов политической культуры, проявляющихся на разных уровнях общественной жизни, на складывание и развитие соответствующих политических практик.

3. Большую эвристическую ценность имеет анализ институтов этнополитики как результатов соответствующих институциональных практик. В этом смысле интересно рассмотреть формирование и реализацию функций данных институтов с точки зрения адекватности управленческим потребностям общества по регулированию национально-этнических отношений. Неизбежно в поле такого исследования попадут и предпосылки, причины и факторы возможных дисфункций институтов этнополитики.

4. Кроме того, следует признать необходимым и рассмотрение институтов этнополитики с точки зрения иерархии политических институтов общества в целом. Следует подвергнуть изучению вопросы места и роли институтов этнополитики в политической системе общества, их взаимодействия с другими политическими институтами.

Решение перечисленных исследовательских задач необходимо для раскрытия сущности институционализации этнополитики как сложного процесса формирования практик социального взаимодействия в поле межэтнических, национально-этнических и этномиграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Литература

1. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 336 с.

2. Блау, Питер М. Исследования формальных организаций / Питер М. Блау // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / пер. В.В. Воронин, Е.В. Зиньковский; ред. Г.В. Осипов. – М. : Прогресс, 1972. – 392 с. – С. 93–105.

3. Дункан, Джек У. Основополагающие идеи в менеджменте / Джек У. Дункан. – М. : Дело, 1996. – 272 с.
4. Зборовский, Г.Е. Общая социология : учебник для вузов / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург, 2003. – 720 с.
5. Мескон, М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М. : Дело, 1997. – 704 с.
6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
7. Панов, П.В. Электоральные практики: проблемы концептуализации и варианты институционализации / П.В. Панов // Власть в России: элиты и институты : материалы седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки; Социологический институт РАН. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – С. 36–56.
8. Парсонс, Т. Введение / Т. Парсонс // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / пер. В.В. Воронин, Е.В. Зиньковский; ред. Г.В. Осипов. – М. : Прогресс, 1972. – 392 с. – С. 25–36.
9. Политология : учебник / под ред. В.И. Буренко. – М. : КНОРУС, 2013. – 392 с.
10. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. З.П. Вольской. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
11. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор; пер. А.И. Зак. – М. : Контроллинг, 1991. – 104 с.
12. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер., науч. ред. и предисл. Е.А. Кочерина. – М. : Контроллинг, 1992. – 111 с.
13. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон; пер. В.Р. Рокитянского. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.
14. A New Handbook of Political Science / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1998. – 829 p.
15. Bates, F. Social Institution / F. Bates, P. Harvy. – N.Y., 1973. – 220 p.
16. Dahl, Robert A. Modern Political Analysis / Robert A. Dahl. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice Hall, 1991. – 157 p.
17. Johnson, A.G. Human Arrangements. An Introduction to Sociology / A.G. Johnson; ed. by R. K. Merton. – N.Y., 1992. – 754 p.
18. Parsons, T. Essays in Sociological Theory / T. Parsons. – N.Y., London : Free Press, Macmillan, 1964. – 460 p.
19. The New Institutionalism in Organizational Analysis / ed. by Paul J. DiMaggio, Walter W. Powell. – Chicago : University of Chicago Press, 1991. – 486 p.

1.2. Институционализация этнополитики как вид политической институционализации

Необходимость институционализации соответствующего вида политических отношений исторически обусловлена потребностью в достижении эффективности управления социальными процессами. И в этом обстоятельстве заключается, на наш взгляд, главная предпосылка институционализации какого-либо вида политической деятельности.

Прежде всего, следует отметить, что институционализация политической власти во многом обусловлена ее дифференциацией. Если на ранних ступенях развития общества политические отношения носили синкретический характер, то по мере усложнения социальных взаимодействий в обществе политическая власть постепенно приобретает все более сложную конфигурацию. В изменяющихся условиях в рамках отношений политической власти возникают качественно новые институты, призванные упорядочивать и регламентировать воздействие на субъект политической власти. Так, например, возникли институты всеобщего избирательного права, политических партий, групп давления, общественных организаций и движений и т.п. Таким образом, каждый новый политический институт возникал, складывался и начинал функционировать в ответ на сформировавшуюся общественную потребность. Характерными признаками ее проявления были:

- 1) целенаправленные действия сторонников установления и фиксации определенного вида социального взаимодействия;
- 2) одобрение в той или иной форме их действий устойчивым большинством, готовым интегрироваться в новые институциональные структуры;
- 3) непротивление нововведениям значительной части правящей элиты и масс населения.

В свою очередь, каждый политический институт внутренне дифференцируется, что проявляется в огромном количестве различных организаций и учреждений. Так, например, институт исполнительной власти характеризуется разветвленной сетью таких структур. Институт парламентаризма представлен не только законодательными органами, но и формальными и неформальными группами, оказывающими поддержку и содействие избранным депутатам. Таким образом, политическая власть в процессе развития общества становится по своим внутренним структуре и содержанию довольно сложным образованием. Более того, в рамках ее отношений теряется даже конкретность в определении субъекта власти. Периодически проходящие выборы, референдумы, регулярная практика воздействия на государственные институты деформируют состав и структуру политической власти как специфической формы взаимодействия, при котором субъект, используя определенные ресурсы, может добиваться своей цели. В современном обществе субъект власти оказывается функционально разделенным, находясь в зоне воздействия и влияния различных сил, в том числе тех, которые формально должны ему подчиняться.

Из вышеизложенного исходит следующая предпосылка политической институционализации, связанная с неопределенностью и труднопрогнозируемостью политических процессов ввиду сложности и неоднозначности феномена политической власти в современном обществе, что крайне затрудняет его исследование. Американский политолог Р. Даль [2. С. 37–38], называет современную политическую власть полиархичной (от греч. *poly* – много, *archi* – старший, главный), выделяя такой ее атрибут, как наличие нескольких институтов, регулирующих отдельные сегменты отношений политической власти, нескольких центров принятия автономных управленческих решений, нескольких центров влияния на процесс принятия этих решений.

Сложность политической институционализации определяется не только многообразием складывающихся социальных институтов и организаций, но и выполнением ими не только явных, но и латентных функций, что порождает более сложные внутренние зависимости как внутри поля отношений политической власти, так и при воздействии политической власти на общество.

При постановке вопроса об определении общественных потребностей, вызывающих необходимость институционализации соответствующего вида политических отношений, вышеуказанная сложность изучения феномена политической власти обуславливает необходимость обратиться к методологии системного подхода к анализу политических систем, разработанного канадско-американским политологом Д. Истоном. Напомним, что этот исследователь полагал политической систему организмом, развивающимся, функционирующим и саморегулирующимся посредством связей с внешней средой (обществом). Политические системы, в свою очередь, состоят из политических институтов. Следовательно, именно институты политической системы являются механизмами всех входов, преобразований и выходов импульсов, идущих от внешней общественной среды.

Вообще, Д. Истон сравнивал политическую систему с гигантской фабрикой, в которой сырые материалы (потребности) перерабатываются в первичный материал – требования, имеющие две основные формы: 1) собственные требования системы к окружающей среде, трансформирующиеся во властные решения; 2) требования, демонстрирующие настроения различных групп, составляющих политическую систему [8. С. 225–226]. Причем под требованиями понимается обращенное к властным органам мнение по поводу желательного или нежелательного распределения ценностей в обществе, прежде всего таких, как безопасность, самостоятельность личности, политическое

участие, потребительские блага, статус и престиж, равноправие и т.п. [8. С. 225].

Помимо требований, «вход» в политическую систему представлен также так называемой поддержкой, проявляющейся в двух видах: внутренней (потенциальной) и внешней. Первая выражается в настроениях приверженности данной политической системе, толерантности, патриотизме и т.п., вторая – в принятии ценностей данной системы и практических действиях на ее стороне [8. С. 226]. Поддержка способствует стабильности институтов политической системы, которые преобразуют требования окружающей среды в определенные политические решения. Кроме того, она формирует совокупность предпосылок для использования различных способов и механизмов, посредством которых осуществляются эти преобразования. Значимость поддержки заключается в обеспечении стабильного и устойчивого функционирования институтов политической системы. Именно поэтому соответствующие политические институты пытаются сформировать и внедрить в сознание масс посредством механизмов политической социализации ценности, которые укрепляют их (институтов) легитимность, как и легитимность политической системы в целом.

С учетом вышеизложенного, есть основания полагать, что такие две стадии процесса «входа» в политическую систему, как артикуляция и агрегация, являются предпосылками институционализации соответствующих видов деятельности, связанных с определенными отношениями политической власти. В самом деле, если артикуляцию понимать как формирование, осознание и выражение интересов индивидов и групп, а агрегацию, соответственно, как трансформацию артикулированных интересов в программы, декларации и политические решения, то становится очевидным, что эти две функции, сопровождающие ввод требований и поддержки, являются источниками проду-

цирования процессов политической институционализации. Неслучайно такой известный исследователь феномена политической системы как Г. Алмонд в качестве одной из трех ее подсистем наряду с информационно-коммуникативной и нормативно-регулятивной выделял институциональную подсистему как совокупность политических институтов и взаимодействий между ними. Трансформация вызовов, сигналов, импульсов, поступающих извне в политическую систему, сама по себе уже предполагает процесс институционализации, который завершается на выходе не только символами, лозунгами, программами, но и конкретными действиями и решениями сформированных и развивающихся в ходе такой трансформации политических институтов.

Институционализация политической власти основана на реализации функций артикуляции и агрегации политических систем. Для этого последние должны иметь достаточные способности или возможности. Г. Алмонд выделял следующие типы возможностей политических систем [7. С. 103–104].

Экстракционная (от лат. *extrahere* – извлекать) возможность политической системы характеризуется способностью извлечения из общества интеллектуальных, социально-экономических, социально-культурных и других ресурсов. Происходит вовлечение социальных индивидов в политические отношения в качестве избирателей, госслужащих, общественных и партийных активистов. Кроме того, осуществляется идеологическая и экспертно-аналитическая поддержка политических структур, использование механизмов налогообложения, добровольных взносов, спонсорских вливаний и других источников пополнения бюджета политических институтов. Политическая система существует лишь постольку, поскольку обществоставляет ей свои ресурсы.

Регулирующая возможность политической системы ха-

рактируется способностью регулирования и координации поведения индивидов и групп с целью обеспечения эффективности политического управления и взаимодействия с гражданским обществом. Чем масштабнее и интенсивнее используется экстракционная возможность, тем сильнее как зависимость политической системы от гражданского общества, так и степень ее регулирующей возможности. Последняя осуществляется как посредством формального принуждения – через законы и другие установления, так и через косвенные механизмы социального регулирования – воздействие на формирование цен и заработной платы, занятости и рынка труда, общественного мнения и т.п.

Дистрибутивная (от англ. distribution – распределение, размещение) возможность политической системы – одна из слагаемых регулирующей возможности. В связи с ее особым значением и автономностью Г. Алмонд выделяет ее как отдельную, поскольку ее назначение заключается в перераспределении национального богатства. Эффективное осуществление дистрибутивной возможности требует развитого общественного контроля за распределением. Только в демократическом обществе возможна оптимизация широкого использования дистрибутивной возможности, и чем больше потребность в перераспределении, тем более демократичной должна быть осуществляющая его политическая система.

Символизирующая возможность определяется способностью политической системы обращаться к социальным индивидам и общностям посредством популярных деклараций и лозунгов, формировать привлекательную символику, необходимые мифы и стереотипы. От способности воздействовать на общественное сознание зависит степень консолидации общества, а значит, и реализация других вышеуказанных возможностей политической системы.

И наконец, интегральной возможностью политической

системы является так называемая реагирующая возможность, которая составляется из вышеупомянутых и других возможностей системы. Именно способность адекватного реагирования на изменение внешних и внутренних условий, успешной адаптации к ним делает политическую систему стабильной и способной к устойчивому функционированию и саморазвитию.

Политологические воззрения, заключающиеся в том, что для любой политической системы характерно обязательное выполнение некоторых определенных функций, способствовали продвижению на весьма значимую ступень в разработке методологических оснований институционализации отношений политической власти. С точки зрения Г. Алмонда, в природе не может быть идеального разделения функций. Различные секторы политической власти, партии, группы интересов практически с неизбежностью выполняют не одну, а несколько функций. По его мнению, любая, даже достаточно узкоспециализированная политическая структура является многофункциональной [1, 3, 6, 11].

Поскольку по мере своего развития политическая система становится более дифференцированной, что проявляется в специализации ее структурных образований, постольку будет продолжаться процесс выполнения соответствующим политическим институтом каждой из ее функций. Так, в современных демократических специализированных системах существуют структуры, отмечает Г. Алмонд, функции которых четко определены и которые стремятся играть регулирующую роль в выполнении данной функции в рамках политической системы в целом [1]. При этом системы с более развитой структурной специализацией обладают нередко и большими финансовыми, информационными, организационно-техническими и кадровыми ресурсами, эффективными политическими организациями, а также массовыми ценностными уста-

новками, необходимыми для сопровождения кардинальных социальных преобразований. Системы же, которые являются по своему характеру и структуре менее специализированными и дифференцированными, испытывают нехватку этих ресурсов для эффективной адаптации к потрясениям, нарушающим их равновесие и структурный баланс (Ч.Ф. Эндрейн) [11].

Вышеприведенный методологический анализ весьма значим с точки зрения определения концептуальной схемы, на основе которой возможно выявление предпосылок, источников и механизмов институционализации соответствующих видов политических процессов или политической деятельности. Применительно к институционализации этнополитики следует отметить, что, во-первых, импульсы «входа» в политическую систему характеризуются теми требованиями, которые вызваны процессами межэтнических и национально-этнических отношений. Во-вторых, внутри политической системы осуществляется взаимодействие (нередко конфликтное) различных ее акторов по «переработке» этих требований. В-третьих, могут исчезать «старые» (прежние) и появляться новые акторы – субъекты этнополитики. В-четвертых, созревают, формируются и активно используются (применяются) различные культурные основания этнополитики в виде мировоззренческих ценностей, идеологических взглядов, лозунгов, программ, деклараций. В-пятых, отмирают, возникают, формируются, функционируют и развиваются соответствующие институциональные структуры, вызванные к жизни потребностями реализации различных интересов и ценностей в сфере межэтнических и национально-этнических отношений.

Следует отметить, что «обратная связь» политической системы проявляется в том, что на выходе мы имеем дело с решениями, законами, символами, знаками и сообщениями, которые адресуются окружающей национально-этнической среде.

Рассматривая этнонациональную политику, следует обратить внимание на то, что она во многом приобрела характер этнической политики, поскольку анализ проблем современной цивилизации показывает, что в настоящих условиях во многих странах процессы актуализации и мобилизации этнической идентичности становятся значимым (а нередко и определяющим) фактором социально-политического развития.

Российский исследователь К. Султанов отмечает, что «этническое включает в себя то, что можно назвать вневременным субстратом жизни народа, онтологически значимой основой, которая сохраняется в потоке исторических изменений». Национальное же – это «определенное состояние этноса, одна из фаз его развития, предполагающая превращение народа из природно-этнографического материала в субъект истории» [9]. Именно поэтому в содержании термина «этнонациональная политика» отражается «органическое единство вечного, непреходящего и актуализированного, социально значимого, отражающего состояние и динамику развития народа в данный исторический отрезок времени» [10. С. 136].

«Главнейшей целью этнополитики, проводимой на основе принципов демократии и гуманизма, является не только предупреждение возможных деструктивных конфликтов, но и формирование и поддержание устойчивых и позитивных бесконфликтных межэтнических взаимодействий на основе своевременного разрешения возникающих национально-этнических противоречий в согласительной, консенсусной форме. Поскольку такая направленность этнополитики предполагает миростроительство с целью достижения этнополитического консенсуса, целесообразно, на наш взгляд, для терминологической ясности предложить для последующего употребления понятие «консенсусная этнополитика» [4. С. 81–82]. Наряду с последним целесообразно также предложить к использованию синонимич-

ный ему термин «позитивная этнополитика», вводимый в оборот Ж.Т. Тощенко. По его мнению, позитивная этнополитика представляет собой способность властвующих в данной стране политических сил строить отношения с конкретными этническими общностями таким образом, чтобы не ломать функциональные основы общественной системы, вести научно-продуманную этнически сбалансированную политику во всех сферах [10. С. 143].

В целом же следует отметить, что для объяснения сущности этнической политики необходимо, прежде всего, выявить те исходные принципы, которыми она руководствуется или на которые, по крайней мере, ориентируется. Именно их вариации и определяют различные виды этнополитики. Исходя из вышеизложенного, не составляет особого труда объяснить, почему, например, в процессе национально-этнического развития огромную роль начинают играть этнократические силы: они превращают стихийный процесс в сознательно регулируемые мероприятия, служащие мощным инструментом политической борьбы. В такой ситуации вполне естественный, хотя и противоречивый процесс национально-этнического развития превращается в нечто надуманное, служащее исключительно корпоративным, эгоистическим групповым целям, провоцирующим и стимулирующим этнонациональную предубежденность, недоверие и этнофобию [10. С. 183.].

С тем чтобы понять логику вышеуказанной трансформации, обратимся к постмодернистской парадигме трактовки политической власти, которая, по мнению российского политолога А.С. Панарина, «начисто исключает такие «романтические» понятия, как конечные цели политики, ценности, во имя которых она осуществляется, общественные интересы, которым она призвана служить» [5. С. 140]. Как полагает А.С. Панарин, «Политика здесь выступает как игра профессионалов, сделкой которых является выигрыш как таковой, т.е. власть в качестве самоценной категории, и внимание

которых всецело поглощено не «публикой» (избирателем), а партнерами по игре» [5. С. 140].

Из вышеизложенного вытекают следующие выводы, связанные с мотивацией действий субъектов этнополитики, рассматриваемой в дискурсе постмодернистской социально-политической мысли.

Во-первых, идейно-ценностная ориентация субъектов этнополитики – это скорее ограничитель (тормоз, барьер), который связывает конкретных политических игроков в выборе алгоритмов и технологий, жизненно необходимых для выигрыша. Это ведет в той или иной степени к утрате способности уделять внимание игре: «отвечать на ходы партнера адекватными ходами, менять поведение в зависимости от ситуации, мобилизовать новые источники поддержки и отказываться от старых, неэффективных» [5. С. 140]. Ведь «Полноценно участвовать в игре – значит мобилизовать нужные ресурсы, невзирая на их происхождение, и вступать в коалиции, которые ценностно ориентированному сознанию показались бы предосудительными» [5. С. 140]. Таким образом, постмодернистский подход выявляет противоречие между политической эффективностью и ценностной, мировоззренческой ориентацией этнополитики.

Во-вторых, этнические, национальные общности со своими потребностями и интересами, этнокультурное и этносоциальное пространство в целом являются средствами давления на партнера – игрока. Как справедливо полагает А.С. Панарин, «В модернистской системе «среда» («народ», «избиратели») тоже рассматривалась как политически несuverенная, как средство. Но это средство выступало не в контексте самоценного процесса производства власти как таковой или простого козыря в политической игре, а в контексте высших миропасательных целей – прогресса, построения «великого общества» и т.п. Идентификация с той или иной «высшей необходимостью» не исключала политического профессиона-

лизма, не уменьшала, а, напротив, усиливала политическую эффективность актора. Теперь же, напротив, всякая добро-совестная идентификация с высшими целями считается признаком непрофессионализма и в самом деле выводит политика из круга игроков «высшей лиги» [5. С. 141]. Исходя из такого подхода, становятся понятны процессы этнополитической мобилизации, разыгрывания «этнической карты» противоборствующими политическими элитами.

В-третьих, из логики постмодернистского подхода следует, что статус, то есть место и роль индивидов, групп и организаций, в системе этнической политики является исключительно результатом «специфического политического производства, в котором, с одной стороны, генерируются события, создающие поле игры, с другой – задействованы игроки, вынужденные подтверждать свой статус (репутацию) постоянным участием в соревновании по переработке «сырья» событий в «конечный продукт» – политические акции и решения» [5. С. 141]. Данное обстоятельство предполагает существование и функционирование в системе этнополитики особого слоя этнополитических предпринимателей – этнических антрепренеров, «статус которых аналогичен статусу обычных рыночных предпринимателей в том, что он не является гарантированным, а требует перманентного воспроизводства в ходе взаимодействия с потребителями и конкурентами» [5. С. 141]. Отсюда – мотивация и стремление к «изобретению», «внедрению», «запуску» с последующим функционированием всевозможных организационно-управленческих, общественно-политических и социально-культурных структур (министерств, агентств, управлений, партий, общественных объединений, национально-культурных автономий, этнокультурных ассоциаций, фронтов, движений и т.п.). При этом, чтобы получить искомую «прибыль» – политическое влияние, этнические антрепренеры постоянно генерируют спрос на него, провоцируя события, требующие в глазах

публики политического вмешательства и политических решений. Этнополитические события – это приглашение профессионалам-бюрократам, профессионалам-чиновникам, профессионалам-антрепренерам, то есть всей совокупности этнических предпринимателей поучаствовать в новых соревнованиях на предмет мобилизации этнической идентичности. Как справедливо отмечает А.С. Панарин, «Парадоксальность постмодернистской системы состоит в том, что она сознательно генерирует конфликты и трения, ибо они создают новый спрос на политику. Расширение спроса означает и расширение предложения, т.е. рост числа продавцов политического товара и новые формы увлекательного соревнования между ними» [5. С. 141].

Эвристическая ценность неомодернистской парадигмы институционализации этнополитики мультиплицируется обращением к неоинституционалистскому подходу, который, как было отмечено в предыдущем параграфе, базируясь на парадигме социального конструктивизма, трактует социальные институты как относительно устойчивые социальные практики и признает совокупность когнитивных схем, смыслов и значений как важную составляющую процесса институционализации, которая представлена не институтами как таковыми, а «культурными основаниями» процессов институционализации. Различая институциональные практики и культурные основания институционализации, можно полагать, что на базе последних могут воспроизводиться достаточно устойчивые социальные практики применительно и к управлению этнополитическими процессами. Так произошло, в частности, с опытом этнополитики в западноевропейских и североамериканских государствах, воспринявших и реализовавших ценности мультикультурализма. Он выступает как идеология и социальный дискурс, на основе которых реализовывались институциональные практики признания культурного плюрализма (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ).

Таким образом, вышеприведенный анализ позволяет вывить следующие составляющие представления об институционализации этнополитики как виде политической институционализации.

1. Институты этнической политики формируются и развиваются под влиянием доминирования в правящих элитах определенных «культурных оснований» институционализации в виде мировоззренческих ценностей, рациональных подходов и знаний, под влиянием которых складываются определенные смыслы, представления и поведенческие установки.

2. Постмодернистская парадигма содействует пониманию феномена «этнического предпринимательства», которое включает в себя акции по воспроизводству в том числе и институтов, необходимых для поддержания конструируемой этнополитической реальности. В таком случае этническая политика институционализируется в большей степени не как ответ на общественные вызовы, но как корпоративный вариант этнополитической мобилизации, осуществляемой в интересах самосохранения и самовоспроизводства политических элит. Отсюда несоответствие объективным интересам этнических общностей, дисбаланс идентичностей (прежде всего, гражданской и этнической), а также огромный массив этнополитической конфликтности, порождаемый дискриминацией, сепарацией и этническим национализмом.

3. Формирование новых этнополитических институтов определяется тем, что властные группы зачастую вынуждены разрабатывать и реализовывать соответствующие политические практики в связи с объективной необходимостью реагировать на новые общественные вызовы при всей заинтересованности этих групп исходить, прежде всего, из своих корпоративных интересов. Следовательно, в известном смысле, политические элиты нередко заинтересованы в достижении соответствующего качества управления национально-этническими процессами. Именно поэтому целе-

сообразно предположить, что одним из основных противоречий, процесс разрешения которого служит источником развития этнополитической институционализации, является противоречие между стремлением к воспроизводству и самосохранению политических элит и необходимостью их реагирования на общественные вызовы в сфере национально-этнических взаимодействий.

Литература

1. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
2. Даль, Р. Полиархия, плюрализм и пространство / Р. Даль // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 37–48.
3. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т.А. Алексеева. – В 5 т. – Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. – М. : Мысль, 1997. – 830 с. – С. 629–642.
4. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким; под научн. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
5. Панарин, А.С. Политология : учебник / А.С. Панарин. – М. : ТК Велби, 2004. – 440 с.
6. Парсонс, Т. Система современных обществ : монография / Т. Парсонс; пер. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
7. Политология : учебник / коллектив авторов; под ред. В.И. Буренко. – М. : КНОРУС, 2013. – 392 с.
8. Политология : учебник / под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М. : Высшее образование, 2009. – 692 с.
9. Султанов, К.К. Пределы этноцентризма в полиэтничном обществе / К.К. Султанов // Независимая газета. – 1997. – 29 июля.
10. Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки : монография / Ж.Т. Тощенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
11. Эндрайн, Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования / Ч.Ф. Эндрайн; пер. И.И. Мюрберг. – М. : ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. – 318 с.

Глава 2. Исторический опыт институционализации этнополитики

2.1. Роль этнонационалистической парадигмы в институционализации советской этнической политики

Исключительно важное значение для формирования и развития институциональных практик этнической политики имеют доминирующие в научном и общественном дискурсах, как в правящих элитах, так и в широких слоях общества, концептуальные подходы и ценностные установки, рациональные взгляды и представления в сфере познания национально-этнических процессов. Они, будучи составной частью культурно-гносеологических оснований институционализации этнополитики, в значительной степени обуславливают формирование смыслов, мировоззренческих и поведенческих установок, определяющих характер и направленность развития как институциональных практик, так и самих политических институтов. С этой точки зрения необходимо учитывать их значимость как основ формирования соответствующих парадигм этнополитики. При этом целесообразно интерпретировать парадигму, в самом общем виде, как модель, задающую логику, направленность и характер концептуально-методологического (а зачастую и мировоззренческого) рассмотрения какой-либо проблемы или явления.

В данном параграфе будет предпринята попытка анализа той роли, которую играет парадигма этнического национализма (этнонационалистическая парадигма) в процессе институционализации этнической политики в нашей стране.

Прежде всего, следует отметить, что центральным политико-идеологическим положением этнонационалистической парадигмы является тезис о том, что нация предшествует государству. Данная методологическая установка выражает устойчивую концептуальную традицию, сло-

жившуюся в германском общественном сознании на протяжении XVIII – XX вв., которая была впоследствии воспринята в Восточной Европе и в России. Такое толкование нации проистекало из представления о ней как этнокультурной, более того, даже кровной общности. Так, немецкий философ И.Г. Гердер определял в мистическом духе народы как проявление божественных мыслей, а государство, являющееся естественным феноменом, как один народ с одним национальным характером [5]. Его известный соотечественник, первый канцлер Германской империи О. фон Бисмарк вообще призывал немецкий народ мыслить не разумом, а своей кровной сущностью [2].

В противоположность французской политико-идеологической традиции, в рамках которой феномен «нация – государство» представлялся как политический проект, рожденный в политической борьбе третьего сословия, в германской политической мысли превалировало примордиалистское, этнокультурное представление о нации как о коллективном субъекте государства. Именно в этом ракурсе следует понимать высказывание современного германского политического философа К. Хюбнера о том, что «Нация представляет собой индивидуальную культурную историческую форму с особенной исторической судьбой, которая, как и судьба отдельной личности, может быть поведена» [17. С. 52]. В соответствии с таким толкованием нации, в ее рамки включаются только те, кого связывает общность языка, происхождения и культурная идентичность. По сути дела, в германской политической мысли речь идет об этнической концепции нации, противопоставляемой выраженным во французской либеральной традиции представлениям о нации как общности граждан, как коллективном суверенитете, основанном на общем политическом участии.

Политико-идеологическая составляющая этнонационалистической парадигмы наложила на примордиалистские концепции современной западной социальной фило-

софии и социологии (П. Ван ден Берге, К. Гирц, Р. Гамбино, У. Коннор, У. Самнер, Э. Шилз и др.). Независимо от принадлежности к социобиологическому, социокультурному или психологическому направлению примордиализма, его представители полагают изначальность этнических категорий, трактуют этничность как извечное свойство человеческой природы.

В России были восприняты как политико-идеологические, так и социально-философские (примордиалистские) установки этнонационалистической парадигмы. Так, в XX в. именно немецкое толкование нации породило в русском языке употребление понятия «национальность» в этническом смысле, не связанном с государственностью, что вносит и сегодня терминологическую путаницу в российское общественное сознание. В советских общественных науках господствовало представление о нации как высшей форме этнической общности, сложившейся в эпоху становления капитализма, которое базировалось на знаменитом определении И.В. Сталина: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры (...) ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствие хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [15. С. 6].

В теоретико-методологическом плане в советском общественном сознании господствовал примордиалистский подход к изучению этнических процессов. Социобиологическое понимание этничности наиболее ярко представлено было оригинальной концепцией пассионарности Л.Н. Гумилева, считавшего этнос биофизической реальностью, облеченной в ту или иную социальную оболочку [6. С. 227]. Социокультурная версия примордиализма представлена В.Ю. Бромлеем. Он дал следующее определение этноса, ставшее классическим для марксистско-ленинского обществоведения:

«Этнос ... может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [4. С. 57–58].

Результатом реализации в советской политической практике вышеупомянутых политико-идеологических и социально-философских установок стала специфическая иерархия этнических общностей и национально-государственных образований. Нациями считались только те народы, которые наделялись государственными или административно-территориальными институтами (союзные республики, автономные республики, автономные области и национальные округа). На этой почве произросла институциональная практика ранжирования народов на коренные и некоренные, сформировались культурно-гносеологические основания институционализации этнонационализма в виде установок и представлений о приоритете так называемых титульных этносов, об их преимущественном праве в пользовании ресурсами национальных государств. Именно они в последующем послужили идеологическим обоснованием «выдавливания» русскоязычного населения из бывших советских республик.

Таким образом, есть достаточные основания полагать, что доктринальной основой советской этнополитики было этнонационалистическое мировоззрение, соединившее в себе этническую трактовку нации с примордиалистским пониманием этнических общностей. Несмотря на то, что большевики были носителями интернационалистской идеологии, они по достоинству оценили политический потенциал этнического национализма как инструмента для свержения режима самодержавия и победы над своими противниками,

выступавшими под лозунгами «единой и неделимой России». Советским режимом путем огромных материальных затрат и массовых репрессий проводилось так называемое национально-государственное строительство. В результате была создана лжефедерация так называемых национально-государственных образований в сочетании с иерархией этнических общностей. Такая иерархия характеризовалась беспрецедентным ранжированием: 15 из них были наделены статусом наций, имевших свои государства и конституции с формальным правом выхода из СССР, другая часть имела так называемые автономные республики, области и округа в составе союзных республик и, наконец, существовали этносы, обреченные на ассимиляцию, поскольку им было отказано в праве на самоопределение – прежде всего это касалось диаспор [9. С. 98–99].

Советская институционализация этничности осуществлялась через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиканских образованиях, через систему преференций и квот на административно-бюрократический персонал, профессии и образование. Через систему обязательной регистрации этнической принадлежности («национальности») в гражданских паспортах этничность стала социальной характеристикой. Национальность как бюрократический параметр этничности стала ранжиром социальной стратификации в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные «двойные меньшинства» внутриреспубликанских автономных образований [16. С. 41].

В двусмысленном положении оказались представители так называемых нетитульных этносов и этносов, у которых не оказалось государственных образований внутри СССР. В последнем случае речь идет о советских немцах, поляках, корейцах, греках и других. С одной стороны, большинству из них, обладающих советским гражданством, на декларативном уровне гарантировалось обеспечение их прав в области

языка и культуры. Но с другой стороны, не имея институтов реализации своих национально-этнических интересов, эти народы были обречены на вынужденную ассимиляцию. Советская система, осуществившая эксперимент по созданию уникального полиэтнического государства, основанного на идеологеме «права наций на самоопределение», и предрекавшая так называемые «сближение и слияние наций», вообще не признавала национальные меньшинства (диаспоры) в качестве автономных этнических общностей. Между тем, как уже упоминалось выше, коренные многочисленные и малочисленные народы (за некоторым исключением) наделялись государственными или административно-территориальными институтами (союзные и автономные республики, национальные округа и автономные области).

Двойственность «ленинской национальной политики» можно понять, если рассматривать ее в контексте реализации сталинской концепции «обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма». С одной стороны, на декларативном уровне постулировались равноправие и братский союз всех народов СССР, их право на свободное социалистическое развитие в едином советском государстве. С другой же, в повседневной реальности в угоду борьбе с «врагами народа» и «агентами империализма», реализовывалась антидемократическая практика: душилась самостоятельность, сводилось на нет право на самоопределение, ущемлялись интересы многих этнических общностей. Институционализация национально-этнической политики тоталитарного государства происходила не только в виде так называемого национально-государственного строительства, но и посредством ликвидации институтов поддержки идентичности национальных меньшинств и диаспор, их отрыва от обжитых мест, служивших очагами этнической культуры и этнической жизни.

Так, сталинскими властями в 1937 г. было осуществлено насильственное переселение более чем 170 тысяч советских

корейцев с территорий Приморского и Хабаровского краев, а также Амурской и Еврейской автономной областей в регионы Средней Азии и Казахстана [14. С. 87]. Впоследствии насильственной депортации подверглись курды из пограничных с Турцией районов Армении, поляки из Белоруссии и Украины, иранцы из Азербайджана, немцы из Украины и Поволжья [9. С. 161].

Следует отметить, что сталинский режим уделял особое внимание деинституционализации этничности национальных меньшинств и диаспор, что проявлялось, прежде всего, в репрессировании и уничтожении их политической и интеллектуальной элиты. Так, известный российский исследователь проблем российских корейцев, директор Международного центра корееведения МГУ им. М.В. Ломоносова М.Н. Пак считает: «Чтобы беспрепятственно осуществить насильственное переселение корейцев Дальнего Востока, сталинский режим лишил их признанных руководителей – аресту и расправам подверглись многие тысячи партийных работников, государственных служащих и военных деятелей. Достаточно вспомнить, что уже в 1935 году были расформированы корейские национальные воинские части в Красной Армии (76-й и 77-й полки, располагавшиеся в Спасске и Никольск-Уссурийском), личный состав которых почти на 70 % представляли антияпонские партизаны, активные участники Гражданской войны на Дальнем Востоке. Все они подверглись репрессиям: были расстреляны или погибли в преисподней ГУЛАГа» [13. С. 87].

Кроме того, деинституционализация этничности советских корейцев проявилась в ликвидации институтов поддержки этнокультурной идентичности. Так, в результате насильственного рассеивания этнических корейцев перестали существовать корейский педагогический институт и педагогический техникум, печатные издания на корейском языке [8. С. 96]. Таким образом, в процессе депортации советские корейцы лишились этнотерриториальной и этнокультур-

ной общности, трансформировавшись за долгие годы проживания в среднеазиатских республиках в этномаргинальное меньшинство, практически полностью утратив язык, большинство традиций и обычаев. Деинституционализация этничности проявилась и по отношению к корейскому населению территорий, вошедших в состав СССР после Второй мировой войны. Так, в начале 1960-х гг. перестал преподаваться корейский язык в Сахалинской области, а до середины 1980-х гг. без гражданства оставалась большая часть проживавшего там корейского населения [9. С. 163].

Факты деинституционализации этничности существовали и в других странах, где господствовали коммунистические режимы. Так, в Румынии при режиме Н. Чаушеску была фактически легализована ассимиляторская линия в отношении трансильванских венгров. И даже после падения тоталитарного режима в стране была создана открыто антивенгерская организация «Румынский очаг». В Болгарии режим Т. Живкова заставлял турок отказываться от своей национальности и принимать болгарские имена, выселял из страны. Попытка же послеживковской власти отойти от политики насильственной ассимиляции, оболгаривания тюркоязычного и мусульманского населения, уравнивать турок в правах с болгарамы вызвала вспышку шовинистических великоболгарских настроений. Ряд населенных пунктов заявил о своих «суверенных правах» и решил не отходить от старой политики. Была создана «Ассоциация свободных болгарских городов» (Кырджели, Шумен, Силистра, Разград и др.) [3].

Конечно, исходя из объективного понимания природы и генезиса институционализации этнонационалистической политики, ее нельзя полностью относить на счет коммунистических режимов. История полиэтничных государств полна сюжетов, связанных с национально-этнической напряженностью. Ее истоки берут свое начало в давних, многовековых межэтнических и межконфессиональных противоречиях.

Так, напряженность между сербами и хорватами, болгарами и турками, армянами и азербайджанцами, осетинами, абхазами и грузинами, территориальные споры между соседними народами, дискриминация и геноцид национальных меньшинств, диаспор существовали во времена Османской, Австро-Венгерской и Российской империй [7. С. 168].

Однако, есть существенная разница в характере и направленности институционализации этнонационалистических практик в коммунистических и некоммунистических государствах. Так, сущность этнонационалистической политики классических колониальных империй заключалась в этнополитическом факторе, то есть в стремлении одной нации, одного этноса господствовать над другими. Сущностью же советской этнонационалистической политики, а также этнополитики других коммунистических полиэтнических государств являлся фактор социально-политический. Он заключался в господстве номенклатурно-бюрократического класса над всеми этническими общностями и национальными меньшинствами в целях подчинения коммунистической идеологии и укрепления административно-командной системы. Имперские черты советского государства вытекали из централизации тоталитарной власти – стремления к тотальному контролю над всеми сферами общественной жизни. Этнонационалистическая доктрина и дискриминационная политика применялись не одним этносом или нацией в отношении других, как, например, было в нацистской Германии, а правящим режимом в интересах укрепления своего безраздельного господства над всеми народами. Именно поэтому, например, нет оснований полагать, что русский народ, культура которого была в СССР государствообразующей, пользовался какими-либо преференциями и угнетал другие народы.

В пользу вышеупомянутого говорит официально реализованная советской властью институциональная практика «дружбы народов». В ней, как и во всем остальном, было

много бюрократического и показного. Но было бы необъективным не замечать тех достижений, которые были результатом советской этнополитики. Государство проявляло заботу о развитии национальных культур, о создании национальной интеллигенции и кадров квалифицированных рабочих. Около 50 народностей (в основном так называемых малых) впервые в своей истории приобрели письменность [7. С. 170]. Различными льготами и преференциями обладали так называемые коренные малочисленные народы Севера и Дальнего Востока.

При всей своей ограниченности и тенденциозности советские политико-идеологические институты интенсивно работали на обоснование расового и национально-этнического равноправия, межнационального сотрудничества и интернациональной солидарности. В СССР функционировала всеобъемлющая система так называемого «патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся», которая, пусть и с помощью административно-командных, бюрократических методов, являлась идейно-политическим механизмом блокирования этнической и расовой ксенофобии, сдерживания открытых националистических проявлений. В результате сформировалась достаточно высокая культура межэтнического общения. Ее главной особенностью было то, что как на официальном, так и на бытовом уровнях ксенофобия, неуважение к национальному достоинству осуждались и считались дурной манерой мышления и поведения.

Однако, если внимательно присмотреться к несомненным достижениям советской власти в решении так называемого национального вопроса, то можно увидеть, что касаются они в основном титульных и так называемых коренных малочисленных этносов. Что же касается представителей национальных меньшинств и диаспор, то советская этнополитика привела к тому, что им оставалось только ассимилироваться в составе советского народа как «новой исторической общности». Деинституционализация этнич-

ности национальных меньшинств и диаспор привела к их вынужденной ассимиляции, в результате которой многие этнические общности стали обладать свойствами этнической маргинальности. Данный феномен характеризуется специфическим положением индивида или группы в социальном пространстве, когда они оказываются на стыке различных этнокультурных систем, не принадлежа ни одной из них, или просто вытесняются на периферию социальной жизни. Например, российские корейцы, при всем желании, так и не смогли ассимилироваться ввиду этнорасовых различий и элементов конфуцианской ментальности. С другой стороны, они перестали быть не только частью корейской нации, но и этнической общностью с точки зрения обладания основными этническими компонентами.

Деинституционализации этничности в СССР в некоторых случаях приводила не только к ассимиляции и маргинализации, но и к этнической сепарации народов. Вышеупомянутая дискриминация корейской диаспоры Сахалина породила этнопсихологическое обособление многих ее представителей. Даже тогда, когда сахалинским корейцам удавалось переселиться с острова на другие территории, они образовывали относительно замкнутые кланы по этнотерриториальному признаку и противопоставляли себя не только русскоязычному, но и местному корейскому населению (если таковое имелось).

За годы тоталитарного режима сформировалось устойчивое предубеждение государственных (особенно правоохранительных) органов к представителям национальных меньшинств и диаспор. В советское время это проявлялось в недоверии (хотя и прикрытом камуфляжем из лозунгов о дружбе народов). Имеется в виду, например, перестраховка в кадровых назначениях в государственных и партийных органах, армии, милиции, органах местного самоуправления [9. С. 166]. Все это вызывало настроения этнонациональной ущемленности и ощущение социально-этнической

дискриминации, что объективно способствовало снижению потенциала интернационалистской идеологии в обществе и переходу установок этнонационалистической парадигмы на уровень массового сознания. Впоследствии этнонационалистические представления, установки и практики в огромных масштабах были использованы общественно-политическими движениями и политическими элитами в эпоху распада СССР и постсоветский период.

Справедливости ради следует признать, что в самые последние годы своего существования под влиянием демократических тенденций в «перестроечном» СССР правящая коммунистическая элита, руководимая ее реформаторской частью во главе с М.С. Горбачевым, встала на путь демократизации этнической политики. Первым шагом стало принятие Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г. документа под названием «Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС)» [11]. В нем признавалось, что одной из серьезных причин обострения национальных проблем явились массовые репрессии, в особенности переселение целых народов из мест их традиционного жительства в другие республики и регионы. При этом предлагалось обеспечить все права и условия для сохранения национальных традиций, развития культуры и языка граждан, которые живут за пределами своих национально-территориальных образований или не имеют таковых в СССР, их представительство в органах власти. Полагалось предусмотреть возможность образования общесоюзных государственно-общественных институтов для представительства граждан, относящихся к народам, которые не имеют собственной территориальной автономии. Для развития контактов представителей экстерриториальных национальных меньшинств с гражданами других государств, с которыми их объединяет общее этническое происхождение или культурное наследие, признавалось необходимым предусмотреть в законодательстве право национальных культурных центров

и общественных организаций поддерживать культурные связи с аналогичными культурно-просветительными организациями этих государств. Отдельной строкой выделялась необходимость принять все меры к решению проблем крымских татар, советских немцев, греков, курдов, корейцев, турок-месхетинцев и других диаспорных народов.

Практически-политическим шагом на пути реализации вышеупомянутых деклараций стало принятие нормативного правового акта, инициировавшего формирование институтов поддержки этнической идентичности национальных меньшинств. Речь идет о введении в действие 26 апреля 1990 г. Постановлением Верховного Совета СССР Закона СССР «О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР» [12]. Принятый закон гарантировал правовое равенство и равные возможности во всех сферах общественной жизни гражданам СССР диаспорального происхождения или относящимся к национальным меньшинствам. В законе определялись основы разграничения полномочий Союза ССР, союзных и автономных республик в сфере обеспечения прав граждан различных национальностей и этнических групп. В нем также прописывались условия, при которых могли бы образовываться такие институты поддержки этнической идентичности, как национальные районы, национальные поселки и национальные сельсоветы в местах компактного проживания этносов, составляющих большинство населения данной местности и не имеющих своих национально-государственных образований на территории СССР. При этом особо оговаривалось, что основанием образования национальных административно-территориальных единиц является добровольное волеизъявление большинства населения в местах компактного проживания национальных меньшинств. Подчеркивалось, что такие единицы могут образовываться только по согласованию с соответствующей

союзной или автономной республикой.

В соответствии с данным законом, административно-территориальные единицы национальных меньшинств возглавлялись советами народных депутатов, которые, наряду с решением общих вопросов местного значения, наделялись полномочиями обеспечения: представительства в исполнительных и распорядительных органах; свободного использования родного языка; создания национальных групп в детских дошкольных учреждениях, национальных классов и школ; развития национальной культуры, традиций и быта; получения информации на родном языке. Законом устанавливались элементы не только национально-территориальной, но и национально-культурной автономии национальных меньшинств и диаспор. Ее субъектами определялись такие институты, как национальные культурные центры, национальные общества и землячества, которые наделялись и определенными политическими функциями: иметь при местных советах народных депутатов и их исполнительных комитетах своих уполномоченных представителей, мнение которых должно учитываться при принятии решений, затрагивающих национальные интересы граждан; устанавливать связи с родственными им национальными образованиями в СССР; поддерживать и развивать связи с культурно-просветительскими организациями за рубежом. Для координации деятельности вышеупомянутых национальных общественных объединений могли создаваться союзные, республиканские и иные территориальные ассоциации, представляющие интересы соответствующих этнических групп в союзных и республиканских органах.

Между тем, вышеуказанные правовые положения вряд ли смогли бы эффективно реализоваться в условиях демократизации советской политической системы в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, вышеупомянутый закон носил половинчатый, непоследовательный характер. С одной стороны, он был ре-

акцией на объективную потребность в коренном переосмыслении законодательства в сфере национально-этнической политики, постулируя необходимость создания институтов реализации интересов национальных меньшинств, диаспор, то есть реальным шагом в направлении политического признания этнокультурных различий в советском обществе. И в этом смысле он сыграл судьбоносную роль, став плацдармом для последующей институционализации в теории и практике уже суверенного российского государства демократической этнополитики. С другой стороны, закон по своим базовым положениям носил явно конфликтогенный характер, что проявилось в: 1) положениях о необходимости возврата к довоенному советскому административному делению, допуская введение национальных районов, поселков и сельсоветов, реанимация которого привела бы к еще большей громоздкости и без того усложненной национально-территориальной системы, возникновению в условиях разваливающейся советской власти межэтнической напряженности; 2) правовой казуистике, выразившейся в расплывчатости основополагающих понятий (например, «места компактного проживания», «большинство населения» и т. д.) и юридических формулировок (например, «в местах традиционного расселения малочисленных народов национальные районы, национальные поселки и национальные сельсоветы могут образовываться и в случае, если их национальные группы не составляют большинства населения»); 3) политико-правовой безответственности, проявившейся в неоговоренности финансирования деятельности упоминавшихся в законе национально-административных образований, фактическом возложении ответственности за практическую реализацию многих его положений на нижестоящие органы исполнительной и законодательной власти (например, вопросы создания и ликвидации национально-административных образований отсылались к компетенции союзных и автономных республик) [12].

Во-вторых, существует обстоятельство более фундамен-

тального порядка. Его объяснением выступает концепция этнополитического действия, выдвинутая Т. Гурром в его исследовании «Меньшинства как группы риска» [19]. Исходя из анализа демократизирующихся автократий, Т. Гурр сделал вывод о неизбежности резкого всплеска этнополитических конфликтов в полиэтнических государствах, переходящих от авторитаризма к демократии. Это происходит вследствие того, что в начальный период демократизации бывших авторитарных обществ новые институты выражения этнического протеста и согласования этнических интересов еще недостаточно развиты (или не существуют), а старые институциональные механизмы, позволявшие авторитарными методами сдерживать этнополитическую мобилизацию, уже не работают.

Но есть и другая позиция относительно возможности эффективной реализации демократических преобразований в поставторитарных обществах. Британский политолог А. Браун, разделяя в целом парадигму демократического транзита (основную теоретическую модель, посредством которой современная политология пытается изучать трансформации коммунистических режимов), тем не менее, считает, что у СССР был исторический шанс «войти в XXI век» [18. Р. 5.]. Поскольку в консолидированных авторитарных системах мирная трансформация может быть запущена только «сверху», Браун глубоко убежден, что судьба перестройки решалась исключительно на уровне деятельности М.С. Горбачева и других членов высшего партийного руководства СССР [10. С. 170]. По мнению британского ученого, именно две роковые ошибки, допущенные М.С. Горбачевым, привели к блокированию возможностей продолжить и углубить демократические преобразования в СССР. К первой А. Браун относит отказ от прямых президентских выборов весной 1990 г., ко второй – стремление во что бы то ни стало сохранять единство КПСС [10. С. 169].

Таким образом, ответ на вопрос о возможности и эффек-

тивности демократической институционализации этнополитики в условиях трансформации коммунистических режимов во многом зависит от объективных и, самое главное, беспристрастных, не отягощенных грузом идеологических и личных амбиций, политических исследований исторической эпохи так называемого реального социализма. Как справедливо полагает российский политический философ О.Ю. Малинова, «Именно изучение нашего недавнего (а может быть – уже давнего?) прошлого может дать ключ к ответу на вопрос о механизмах изменения «авторитарных» систем, который остается актуальным и сегодня» [10. С. 171].

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о двойственной природе этнополитики в коммунистических политических системах. Советское интернациональное государство представляло собой де-юре – интеграционное объединение национальных государственных образований в рамках единого союзного государства, а де-факто – имперскую многонациональную систему, ядром которой являлась коммунистическая номенклатурная бюрократия. Используя этнонационалистические установки в качестве ориентиров национально-государственного строительства, она выстроила этнополитическую и этносоциальную структуру советского общества на основе системы подчинения по вертикали национально-государственных и административно-территориальных образований союзному центру. Центр, представленный партokratической элитой, использовал в качестве одного из важнейших инструментов власти синтез этнического национализма, интернационалистской идеологии, советской общенациональной культуры, основанной на русском языке и ценностях (разрешенных цензурой) преимущественно русской культуры. Коммунистическая партokratия подчиняла национально-этнические процессы системе своего господства, поддерживая определенную стабильность, при которой, с одной стороны, происходило развитие многих народов, а с другой,

проводилась тоталитарная дискриминационная политика. Коммунистические режимы так и не смогли разрешить многие национально-этнические противоречия, хотя, в известной степени, им удалось смягчить и ослабить некоторые из них. Таким образом, советская этнополитика носила авторитарно-ассимиляционный характер, закамуфлированный идеологическими практиками социалистического интернационализма и дружбы народов.

После крушения коммунистического строя бывшая партократия в своей значительной части возглавила процессы суверенизации в распадающихся тоталитарных государствах. Так, в условиях развала СССР представители бывшей номенклатурно-бюрократической элиты, отбросив интернационалистический камуфляж, официально взяли на вооружение идеологию этнического национализма. Используя последнюю как инструмент этнополитической мобилизации, они осуществили приватизацию власти и других ресурсов в новых национальных государствах, провозглашая приоритетные права так называемых коренных (титულных) этносов. Это привело к образованию дискриминируемых меньшинств, массовому оттоку русскоязычного населения, разрушению интернациональной культуры межэтнического (межнационального) общения. Что касается постсоветской России, то элиты национальных республик воспроизводили «на местах» модель политических и социальных сообществ мобилизационного, авторитарного типа [1. С. 138]. Вышеперечисленные обстоятельства образуют фундаментальную основу формирования нового конфликтного потенциала в современной России, который подпитывает глубоко укоренившаяся еще в СССР примордиалистская парадигма, проявляющаяся в смешении понятий национального и этнического.

Последнее обстоятельство предполагает значимость дальнейшей разработки этнополитических концепций современного уровня, преодолевающих устаревшие догмы и

парадигмы этнического национализма. Речь идет, прежде всего, об инновационном, согласующемся с реалиями современного мира взгляде на концепт этничности, разграничении национального и этнического, преодолении застарелой традиции примордиалистского толкования этнической идентичности, заключающегося в автоматическом приписывании индивида к определенной этнической группе по факту его происхождения. Формирование научных представлений о феномене этничности будет способствовать размытию ментальной основы этнонационалистической парадигмы, а следовательно, препятствовать ее укоренению в сознании масс и элит, от настроений которых в значительной степени зависит характер и направленность формирования институциональных практик и самих институтов этнической политики. Это в решающей степени зависит от того, какую политико-идеологическую платформу закладывает государство в управлении национально-этническими отношениями. Содержанием этой платформы должна стать пришедшая на смену интернационалистской идеологии система ценностей, на основе которых, собственно, и должно происходить объединение различных народов в единое полиэтничное государство, формироваться демократическая этнополитика и культура межэтнического общения в условиях формирования российской гражданской нации.

Литература

1. Ачкасов, В.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России / В.А. Ачкасов, С.А. Бабаев; С.-Петербург. гос. ун-т; С.-Петербург. философское общество. – СПб., 2000. – 144 с.
2. Бисмарк, Отто фон. Мысли и воспоминания / Отто фон Бисмарк ; перевод с немецкого. – М. : Бизнеском, 2009. – 286 с.
3. Бовин, А. Кризис социализма и национальный вопрос / А. Бовин // Известия. – 1991. – 11 мая. – С. 4.
4. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 418 с.
5. Гердер, И.Г. Мысли, относящиеся к философической истории че-

ловечества, по разумению и начертанию Гердера / И.Г. Гердер. – СПб. : Типография Н. Греча, 1829. – 302 с.

6. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев ; под ред. В.С. Жекулина. – Л. : Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.

7. Дзарасов, С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм / С.С. Дзарасов. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. – 335 с.

8. Ким, А.С. Сочетание конфликтогенной и консенсусной парадигм в этнополитологическом исследовании диаспор : монография / А.С. Ким. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2008. – 241 с.

9. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.

10. Малинова, О.Ю. Как возможно невозможное: взгляд на перестройку двадцать лет спустя / О.Ю. Малинова // Политические исследования. – 2007. – № 5. – С. 167–171.

11. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) : принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г. // Правда. – 1989. – 24 сентября. – № 267.

12. О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР : закон СССР от 26 апреля 1990 г. // Правда. – 1990. – 7 мая. – № 127.

13. Пак, М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды / М.Н. Пак. – М. : Вост. лит., 2003. – 911 с.

14. Пан Беннюль. Слободка Синханчхон и корейская община в России // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация) : матер. науч. конф. «60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию» (Москва, август – сентябрь 1997 г.). – М., 2004. – С. 53–91.

15. Сталин, И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / И.В. Сталин. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1938. – 232 с.

16. Тишков, В.А. Этнология и политика : статьи 1989–2004 гг. / В.А. Тишков. – М. : Наука, 2005. – 240 с.

17. Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер ; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М. : Канон+, 2001. – 400 с.

18. Brown, A. Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspective / A. Brown. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 372 p.

19. Gurr, T.R. Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical conflicts / T.R. Gurr. – Washington, DC. : USIP Press Books, 1993. – 448 p.

2.2. Этнический национализм как фактор институционализации этнополитики в постсоветской России

К сожалению, волна этнического национализма захлестнула пространство бывшего СССР. В значительной степени это было обусловлено идеологическим состоянием постсоветского общества, проявившимся во фрагментации общественного сознания, на которую накладывалась чрезвычайно быстрая трансформация социальных ценностей и норм. Принципиально новые масштабы мобильности населения сделали весьма ощутимым миграционное давление, «что, в свою очередь, влечет за собой расширение кроссэтнической коммуникации и, как следствие, повышение значимости этнического фактора» [13. С. 55]. Сменившая коммунистический режим новая политическая элита России, апеллируя к ценностям демократического развития, не озаботилась решением проблемы формирования новой национальной идеологии и общероссийской идентичности, не уделяла должного внимания научному обоснованию государственной национально-этнической политики.

В условиях обретения Россией национально-государственного суверенитета этнонационалистические взгляды и убеждения стали стремительно заполнять освобождаемую от накопленных в СССР интернационально-патриотических ценностей идейную нишу. Опасность данного обстоятельства стала понятной в контексте рассмотрения вставшей перед новым государством проблемы формирования общероссийской идентичности. Пространство ее разрешения ограничивалось двумя противоречивыми обстоятельствами. С одной стороны, государствообразующими основами Российской Федерации в массовом сознании представлены русский народ и русская культура, и в рамках такого подхода Россия – государство русского нацио-

нального большинства. С другой стороны, Россия – полиэтничное государство, в котором наряду с русскими как метаэтнической общностью представлены меньшинства, включающие народы бывших советских республик, народы, исконно проживающие на территории России, этнические диаспоры выходцев из других государств, длительно проживающих или недавно прибывших в Россию.

В вышеприведенном контексте заслуживает внимания позиция екатеринбургского этнополитолога М.А. Фадеичевой, состоящая в том, что в постсоветской России «... под влиянием целого комплекса социально-экономических, политических и социально-психологических факторов начал складываться идеологический дискурс, который условно можно обозначить как дискурс «нашизма»» [13. С. 55]. По мнению М.А. Фадеичевой, современный российский дискурс «нашизма» существует в трех формах, каждая из которых отличается собственным подходом к различению «нашего» и «не нашего». «В рамках националистического «нашизма» «своими» считаются все россияне, т.е. критерием отнесения к «нашим» выступает принадлежность к складывающейся в России полиэтничной гражданской нации. Этнонационалистическая версия «нашизма» дополняет «гражданский» принцип этническим. Распознавание «наших» по антропологическим признакам характерно для «нашизма» расистского толка» [13. С. 56]. С этой точки зрения исключительное значение имеет формирование этнополитической ориентации массового сознания прежде всего русского населения России, от ценностных ориентиров и установок которого решающим образом зависит и сохранение межэтнического мира в стране, а также направленность, характер и результаты политических трансформаций российского общества в современных условиях [1. С. 48].

Превращение этнического национализма в значимый феномен постсоветского массового сознания интенсифицировалось в 1990-е гг. целенаправленной политической

проблематизацией этничности в общественном и в научном дискурсах. Так, например, стало происходить излишне расширительное толкование и употребление термина «диаспора». Как справедливо полагает М.А. Фадеичева, «Под влиянием политической и журналистской моды, позволяющей пользоваться словами без адекватного понимания их значений, «меньшинства» превращаются в «диаспоры». Сконструированные вербальные структуры порождают некие самостоятельные сущности, которые начинают жить своей жизнью, обретают виртуальное бытие в качестве этнополитического института, претендующего на особое отношение к нему со стороны государства и общества. Любая этническая группа превращается в диаспору независимо от того, относятся ли ее члены к «коренному населению», беженцам или трудовым мигрантам» [12. С. 140].

С позицией М.А. Фадеичевой согласуется точка зрения В.А. Тишкова, полагающего, что «Процесс «диаспоризации всей страны» должен быть остановлен. Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны» [11. С. 357]. По мнению известного российского этнолога, «внутри государства граждане не могут делиться на диаспоры, за исключением новожителей – иммигрантов или старожителей, продолжающих считать своей основной родиной страну исхода и соответственно демонстрирующих это в своем поведении» [11. С. 287]. В этой связи можно согласиться с известным иркутским исследователем феномена диаспоры В.И. Дятловым, который считает, что «через новые слова или новые смыслы старых слов может формироваться новая реальность, новые социальные связи и отношения. Вот почему расширяющееся применение термина «диаспора» в социально-политической практике, чрезвычайно свободная его трактовка вкупе с широко распространенным об-

щинно-сословным пониманием природы, человека и общества может чрезвычайно осложнить и без того непростые межнациональные отношения» [4. С. 138].

Мировоззренческим фактором подготовки почвы для произрастания в массовом сознании устойчивых этнонационалистических стереотипов выступает примордиалистский дискурс, свойственный значительной когорте государственных служащих, которым надлежит осуществлять управление межэтническими отношениями и которые, по меткому замечанию В.И. Дятлова, «находятся в лихорадочном поиске объекта управления» [4. С. 131]. Поскольку национально-этнические проблемы превратились в предмет открытой государственной политики, это привело к необходимости характеристики и объяснения феноменов мультикультурности и полиэтничности современного общества со стороны соответствующего административного персонала. И объект бюрократического управления массово вводился в речевую практику чиновников, в терминологию и стилистику бюрократического делопроизводства. В частности, это произошло с термином «диаспора». Поскольку данное понятие стало использоваться без учета заложенных в нем исторических смыслов, оно постепенно стало неким клише, а зачастую даже ярлыком. «Нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп, живущих вне пределов соответствующих государств или «национальных очагов» [4. С. 132].

Более того, в 1990-е гг. появились примеры того, как новоявленные термины стали приобретать институциональный характер, поскольку внедрялись бюрократическим аппаратом в практику юридического нормотворчества, например, в таком документе как Концепция национальной политики Республики Бурятия (одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия от 29 сентября 1997 г. № 336). В соответствии с текстом данного документа, вы-

страивалась определенная иерархия этнических статусов населения республики: «народы», «коренные малочисленные народы», «этноконфессиональные группы», «этнокультурные группы», «диаспоры, проживающие на территории Бурятии». При этом в такой иерархии бурятский народ выделяется как государственнообразующий, а буряты, русские и эвенки в совокупности трактуются как «основа многонационального народа Бурятии» [2. С. 90–93].

Таким образом, происходит толкование диаспоры как специфического социального организма, к которому принадлежат по факту этнической принадлежности. Примечательно то, что участие и принадлежность к диаспоре трактуется не как результат личного выбора, самоорганизации, а как следствие изначальной принадлежности к определенной этнической общности. Самое печальное, что в результате такого подхода в массовом сознании формируется представление о том, что человек по факту врожденной этничности изначально должен быть приписан к группе, которая, как предполагается, должна нести за него коллективную ответственность перед государством и обществом. Вышеуказанная ситуация привела к появлению феномена «этнического антрепренерства» в среде самих меньшинств, которое проявляется в различных спекуляциях на этнополитической проблематике с целью добиться власти, влияния и общественного признания как у властей, так и у своих «соплеменников». Не этим ли объясняется то, что в кругах активистов общественных объединений некоторых меньшинств постоянно возникают проекты придания своим организациям квазигосударственных функций? «Так, созданное в 1994 г. в Иркутске азербайджанское национально-культурное общество «Даяг» провозгласило своей основной целью установить контроль над всеми въезжающими в город азербайджанцами. ...Совет «Даяга» планировал выявлять «позорящих честь нации азербайджанцев» и при необходимости высылать их на родину» [4. С. 135].

Реализации примордиалистского дискурса в виде институциональных практик также способствовал, несмотря на благие пожелания своих разработчиков, и принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии». Национально-культурная автономия (НКА) трактуется этим законом следующим образом: «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры» [7].

По мнению А. Позднякова, советника Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ, по долгу службы осуществлявшего разработку проблем взаимодействия государства с национально-культурными организациями, НКА задумывалась не только как инструмент государственной политики. Предполагалось, что это будет институт, объединяющий усилия всех общественных объединений этнической общности. Именно с этим «объединением объединений» и должно работать государство в сфере решения проблем этнокультурного развития этноса. Внутри этого объединенного сообщества и формируются основные цели и задачи национально-культурных автономий – это решение вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и национальной культуры. И только после этого происходит предметный «диалог» с государством на предмет оказания содействия [8]. Неудивительно, что при такой постановке вопроса одни лидеры национально-этнических объединений восприняли новоявленный институт НКА как посягательство на свои права, а другие – как некий «ярлык» государства на «княжение» среди своих коллег, требуя признания своего верховенства в решении всех вопросов [8]. Так, на III съезде

Общероссийского объединения корейцев, состоявшемся в июне 2008 г. в Москве, руководитель корейской национально-культурной автономии г. Санкт-Петербурга заявил, что, по его мнению, все несколько тысяч представителей корейской диаспоры, проживающие в этом городе, автоматически являются членами возглавляемой им общественной организации [5. С. 299].

Вышеуказанный пример является яркой иллюстрацией того, что субъекты массового политического сознания в лице как активистов национально-культурных организаций, так и их рядовых членов, находясь в плену все того же примордиалистского дискурса, невольно становились источниками интенсификации этнонационалистических установок и представлений. Как справедливо полагал В.А. Тишков, в начале 2000-х гг. просматривалась тенденция создания НКА и их деятельности с целью деления населения страны на экстерриториальные этнические корпорации с всеобщим охватом и с единым представительством, а тем более с правом политического представительства или даже политического давления. «Некоторые лидеры автономий и их объединений (например, Союз диаспор России или Союз армян России) стали узурпировать право говорить от имени всех представителей той или иной российской национальности или осуществлять вмешательство в государственные дела или даже межгосударственные дела» [11. С. 284].

Между тем, по мнению В.А. Тишкова, «в противовес фундаменталистским трактовкам этничности, как неких «миров» и «статусов», многие россияне совершили или совершают переход в другую «национальность» по предпочтительному (экономически или политически более выгодному) выбору или же изобретают для себя «отдельную» идентификацию: эрзя вместо мордвы, кряшены и булгары вместо татар, поморы и казаки вместо русских и т.п. ... Часть россиян отказывается от некогда престижной при-

надлежности к «социалистической нации» аварцев, удмуртов, тувинцев, хакасов или алтайцев в пользу еще более узких идентичностей – так называемых субэтнотетносот, количество которых уже исчисляется десятками» [10. С. 152]. Кроме того, сами понятия «этническая общность» и «этническая община» в мегаполисах и крупных городах – весьма условны и не имеют сколь-нибудь значительных фактических и правовых оснований, что определяет отсутствие у национально-культурных общественных объединений полномочий представлять интересы всех тех, кто себя с такими общностями идентифицирует.

Таким образом, сложившийся к настоящему времени российский общественно-политический дискурс, построенный на этнонационализме и схоластическом восприятии этноса, не способен внятно ответить на вопросы, связанные с политикой признания поликультурной общности россиян [10. С. 155]. Именно сложная (гибридная) культурная целостность, как например, цельная российская культура на основе преимущественно русского языка, который не принадлежит только этническим русским [10. С. 155], «не гомогенное целое» (выражение М.М. Бахтина), а не абстракция «межнациональных отношений» и даже не многокультурность заслуживают настоящего внимания со стороны как научных экспертов, так и управленцев» [10. С. 155].

Вышеперечисленные обстоятельства вызвали идеологический сдвиг в сторону широкого распространения этнонационалистических установок и настроений в массовом политическом сознании. Не потому ли опросы, проведенные в марте 2006 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 44 регионах России, показали, что 12 % населения считают, что в «фашизме есть что-то положительное», а каждый четвертый думает, что фашистские методы решения национальных проблем «особой опасности не представляют» [6]? По данным ФОМ, «только один из

пяти опрошенных осудил погромщиков в Кондопоге. Тех, кто их поддерживает, – в два с половиной раза больше. В их глазах люди там отстаивали свои права, боролись с засильем приезжих с Кавказа» [14]. Социологическое сообщество бьет тревогу: «больше половины россиян поддерживают идею «Россия – для русских» [14]. Согласно опросу Левада-центра, «34 % из нас согласны с тем, что «во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей». 42 % предлагают ограничить проживание на территории страны выходцев с Кавказа, 41 % – китайцев, 23 % – жителей среднеазиатских республик» [14].

Спустя 4 года, в 2010 г., исследования ВЦИОМ показали, что 47 % граждан отмечают ухудшение межнациональных отношений в стране. 32 % (ФОМ) считают, что многонациональность России скорее приносит больше вреда, чем пользы, а 24 % испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. 56 % (Левада-центр) считают, что массовые кровопролитные столкновения на национальной почве возможны [9].

Данные, представленные ВЦИОМ в 2014 г., показывают обеспокоенность половины граждан России (49 %) ростом напряженности и нетерпимости в сфере межнациональных отношений. Жители Москвы и Санкт-Петербурга настроены по этому поводу особенно скептически (64 %). Оценка россиянами стала более негативной, нежели в предыдущие годы (см. таблицу 1) [3].

Кроме того, этнонационалистический вектор общественного мнения проявляется и в этнических предпочтениях опрошенных. Так, среди многочисленных национальностей наши сограждане, в первую очередь, симпатизируют «русским» (40 %). В особом расположении ко всем «славянским народам» признались 5 % опрошенных, еще по 2 % выделили «кавказцев» и «татар». Только каждый десятый респондент (11 %) одинаково относится ко всем и не отдает предпочтение ни одной национальности. Треть

наших сограждан (31 %) не смогла выделить ни один народ (см. таблицу 2) [3].

Таблица 1.

Как на Ваш взгляд, за последний год изменились межнациональные отношения в России? (закрытый вопрос, один ответ)					
	2006	2008	2010	2011	2013
Они стали напряженнее, нетерпимее	36	24	32	39	49
Какими были, такими и остались	40	40	44	40	39
Стали более терпимыми	17	27	16	11	9
Затрудняюсь ответить	7	9	8	10	3

Таблица 2.

К людям какой национальности Вы испытываете чувство наибольшей симпатии? (открытый вопрос, любое число ответов, в таблице указаны ответы, названные не менее чем 1% опрошенных)	
	Все опрошенные
Русские	40
Славянские народы	5
Кавказцы (адыги, армяне, грузины, кабардинцы)	2
Татары	2
Белорусы	1
Украинцы	1
Европейцы (англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы)	1
Народы Средней Азии (таджики, узбеки, казахи)	1
Буряты	1
Ко всем национальностям отношусь одинаково	11
Таких народов, национальностей нет	31
Другие	1
Затрудняюсь ответить	4

С вышеизложенным подходом согласуются данные, полученные в ходе социологического опроса, проведенного некоммерческим партнерством «Дальневосточный институт социально-политических исследований» 2–9 июля 2015 г. в г. Хабаровске под руководством известного дальневосточного политолога И.Ф. Ярулина (подобные опросы по сходной методике проводились в Уфе (2006 г.), Краснодаре (2007 г.), Астрахани (2009 г.), Хабаровске (2010 г.) [15. С. 131]. В рамках исследования миграционной ситуации представителям местного (в большинстве своем русского) населения были заданы вопросы, связанные с их предпочтениями в отношении того, представителей каких национальностей следует принимать на Дальнем Востоке (см. таблицу 3) [15. С. 132].

Таблица 3.

С какими из перечисленных утверждений Вы согласны?

Вариант ответа	%
Дальний Восток должен принимать преимущественно русских из бывших республик СССР	25,5 %
Дальний Восток должен принимать всех мигрантов, желающих здесь жить и работать, независимо от национальности и страны происхождения	8,1 %
Россия должна принимать только беженцев, независимо от их национальности	9,8 %
Чем меньше на Дальнем Востоке мигрантов, тем лучше	44,3 %
На Дальнем Востоке нужно принимать всех мигрантов	3,8 %
Затрудняюсь ответить	8,5 %

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что этнические предпочтения в большинстве своем связаны с желательностью приема в основном русских, что свидетельствует «об очевидности «этнической» и ограничительной ориентации миграционной политики на федеральном уровне» [15. С. 132]. Складывающееся общественное мнение, таким образом, основано в значительной степени на

противопоставлении по линии «наши» – «не наши». При чем по своей глубинной природе оно носит, по нашему убеждению, нормативно-ориентационный характер. С этой точки зрения, целесообразно согласиться с И.Ф. Ярулиным, полагающим, что «Важным моментом в системе межэтнической коммуникации является нормативная ориентация, которая понимается как стандарт выбора, в соответствии с которым цель связывается с ситуацией» [15. С. 128]. Несовпадение целей этнических мигрантов с тем образцом, который представляется желательным для населения принимающего общества, является существенным проблемообразующим фактором в системе взаимодействий этих социальных субъектов. Такое взаимодействие содержит конфликтогенный потенциал, поскольку в нем актуализируются столкновения идентификаций и интересов. Именно поэтому «вероятностная кривая направленности межэтнических интеракций отклоняется в сторону негативных стратегий взаимодействия» [15. С. 128].

Исходя из вышеизложенного, логично предположить, что представления, установки и убеждения этнического национализма являются превращенными формами массового сознания, выражающими социальное недоверие к общностям, которые позиционируются как «социально другие» [15. С. 128] и от которых, по мнению местного этнического большинства, исходит культурная, социальная, физическая или иная угроза.

Таким образом, преодоление парадигмы этнического национализма является значимым условием институционализации этнополитики в процессе формирования российской нации и в решающей степени зависит от того, какую политико-идеологическую платформу закладывает государство в управлении национально-этническими отношениями. В основе этой платформы должны находиться четко определенные принципы, обусловленные системой ценностей, на основе которых институты государственной власти объеди-

няют различные народы в единое полиэтническое государство. Такая ценностная система должна быть публично заявлена и выполнять ориентационную функцию в процессе формирования в общественном дискурсе установок гражданского патриотизма и этнической толерантности, что, несомненно, будет способствовать развитию институциональных практик демократической этнополитики.

Демократическая этнополитика должна содержать прецеденты как раннего (глубокого) предупреждения ксенофобии, расизма и этнического национализма, так и их жесткого пресечения. Кроме того, необходимо делать факты активности государственных институтов в этом направлении достоянием широкой общественности. Что касается национально-культурных организаций, то следует поддерживать и развивать в них такие позитивные функции, как: 1) выстраивание конструктивного диалога с властями на разных уровнях; 2) сохранение этнических традиций и языка; 3) устранение проявлений дискриминации в различных сферах общественной жизни.

Целесообразен анализ и современное осмысление неоднозначного опыта по «интернациональному и патриотическому воспитанию трудящихся», накопленного в советский период, что будет способствовать научному обоснованию и практической реализации новой институциональной системы формирования демократической этнополитики и культуры межэтнического общения в условиях формирования российской гражданской нации. Последнее обстоятельство предполагает значимость дальнейшей разработки этнополитических концепций современного уровня, преодолевающих устаревшие догмы и парадигмы этнического национализма. Речь идет, прежде всего, об инновационном, согласующемся с реалиями современного мира взгляде на концепт этничности, разграничении национального и этнического, преодолении застарелой традиции примордиалистского толкования

этнической идентичности, заключающегося в автоматическом приписывании индивида к определенной этнической группе по факту его происхождения.

Несомненно, формирование научных представлений о феномене этничности будет способствовать размыванию ментальной основы этнонационалистической парадигмы, а следовательно, препятствовать ее укоренению в массовом политическом сознании, от содержания которого в значительной степени зависят характер и направленность формирования институциональных практик и самих институтов этнической политики. Применительно к современной России речь идет о двух типах ориентации этнической политики: 1) этническо-ограничительной, предполагающей культурное и политическое доминирование этнического большинства (закамуфлированной лозунгами о значимости общероссийской идентичности); 2) подлинно гражданско-национальной, заключающейся в настойчивом формировании российской гражданской нации – интеграции полиэтнического населения России на основе русского культурного кода в единую гражданскую общность. Этим, соответственно, обуславливается и формирование двух трендов институционализации этнической политики: 1) институциональные практики и институты этнического ограничения и исключения, ведущие, в конечном счете, к этнической сепарации и продуцирующие межэтнические конфликты; 2) институциональные практики и институты согласия и конфликтопредупреждения, нацеленные на формирование взаимного доверия в кроссэтнической коммуникации на основе конструкции общегражданской идентичности.

Литература

1. Ачкасов, В.А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России / В.А. Ачкасов // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения : междунар. на-

уч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2007 г.) / науч. ред. В.А. Ачкасов, Д.З. Мутагиров. – СПб., 2007. – С. 43–49.

2. Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992 – 2001) / авт.-сост. Ю.Н. Пинигина. – М.; Иркутск, 2002. – 311 с.

3. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114690>.

4. Дятлов, В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России / В.И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–138.

5. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.

6. Костиков, В. Мигранты: быть или не быть? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2006. – № 15. – С. 8.

7. О национально-культурной автономии : федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2965.

8. Поздняков, А. Прописано законом, изменено жизнью / А. Поздняков // Российские корейцы. – 2008. – Май. – № 103. – С. 4.

9. Россия – для кого? // Аргументы и факты. – 2011. – № 7. – С. 6–7.

10. Тишков, В.А. О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – 2006. – № 1 (24). – С. 150–168.

11. Тишков, В.А. Этнология и политика : статьи 1989–2004 гг. / В.А. Тишков. – М. : Наука, 2005. – 240 с.

12. Фадеичева, М.А. Диаспора и состояния этнического индивида / М.А. Фадеичева // Диаспоры. – 2004. – № 2. – С. 140–154.

13. Фадеичева, М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России / М.А. Фадеичева // Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 53–60.

14. Цепляев, В. Станет ли Россия одной большой Кондопогой? / В. Цепляев // Аргументы и факты. – 2006. – № 38. – С. 8.

15. Ярулин, И.Ф. Концепт «доверие» при анализе этнических миграций / И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49). – С. 128–133.

2.3. Мультикультуралистская практика: значимость для России

Процесс распада СССР predetermined выбор Россией уже в 1990 г. (с принятием Съездом народных депутатов РСФСР Декларации о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [5]) модели нации-государства. Российское суверенное государство, названное Российской Федерацией в 1993 г. в соответствии с Конституцией Российской Федерации, изначально представлялось пришедшими к власти реформаторами как основополагающий момент процесса nation-building – строительства нового российского государства, а следовательно, формирования новой российской нации. С этой точки зрения справедливо высказывание В. Малахова о том, что «наши европейские соседи, в отличие от Северной Америки и Австралии, привыкли считать себя «национальными государствами» [11. С. 77]. Если в США, Канаде и Австралии нации складывались в результате иммиграции (вследствие чего произошла самоидентификация этих стран как «иммиграционных»), то в Западной Европе и «в историческом плане, и в плане официально поддерживаемого нарратива иммиграция не являлась основополагающим моментом процесса nation-building. В этом смысле Россия – типично европейская страна» [11. С. 78]. Таким образом, Россия как суверенное государство находится в состоянии трудного поиска адекватной модели сочетания многонациональности и полиэтничности с необходимостью конструирования общероссийской идентичности, предполагающей формирование новой российской нации.

Выполнение этой новой исторической задачи осложнено следующими обстоятельствами современной постсоветской истории России.

Во-первых, это отсутствие новой общенациональной

государственной идеологии. В настоящее время не ясно, какими мировоззренческими принципами руководствуется государство в управлении современной Россией. Следовательно, возникают серьезные трудности с определением ценностной основы формирования российской национальной идентичности, и, как результат этого, происходит торможение разработки современной модели российского патриотизма.

Во-вторых, непрекращающаяся в отношении России со стороны Запада политика санкций, политическая ситуация в Украине, военные действия в Сирии, а также неблагоприятные последствия зависимости российской экономики от мировых цен на энергоносители способствуют росту изоляционистских настроений и усиливают ориентации на чрезвычайные меры, силовые, авторитарные способы управления государством. В таких условиях происходит блокирование формирования установок на позитивное сотрудничество, созидательную деятельность и модернизацию общественных отношений.

В силу вышеуказанных причин огромное научное и практически-политическое значение имеет продолжение творческо-критического анализа и учета в управленческой практике зарубежного опыта регулирования социальных процессов. В этой связи весьма актуально рассмотрение реализации мультикультуралистской модели, которая весьма значима для России не только в связи с ее полиэтничностью, но и давлением глобальной этнической миграции. Но насколько возможно в условиях современного российского общества использование потенциала мультикультурализма? Основания отказа от последнего коренятся в обсуждении негативных последствий его реализации в Западной Европе и Северной Америке. Особенно показательными в этом отношении стали заявления с признанием краха мультикультуралистской политики, сделанные лидерами западноевропейских государств Д. Кэмероном, А. Меркель,

Н. Саркози в начале 2011 г.

Нескончаемые потоки этнической миграции, захлестнувшие Западную Европу с конца лета 2015 г., явственно показали, что европейская реакция на эти процессы весьма далека от тех ценностных установок, которые доминировали еще в 1980–90-е гг. в практике реализации мультикультурализма. Так, 13 сентября 2015 г. Германия прекратила железнодорожное сообщение с Австрией и ввела контроль на границе. При этом в Баварии местные жители перекрыли железнодорожные пути. В ночь на 14 сентября 2015 г. в Брюсселе состоялась экспертная встреча ЕС по вопросам миграционных квот, закончившаяся безрезультатно, поскольку многие европейские страны (особенно недавно вступившие в Евросоюз) вообще не хотят принимать беженцев с Ближнего Востока и Северной Африки [8. С. 6].

В контексте вышеизложенного важно выявить обстоятельства, определившие именно такой исход (а может быть, провальный конец?) практики мультикультурализма. Однако существенным упущением является то, что потенциал мультикультурализма в России еще недостаточно раскрыт, мало известен. Объем литературы, посвященной этой проблематике, весьма скромен. Мультикультурализм нередко наделяется негативными коннотациями и пристрастными преувеличениями. Например, он ассоциируется с категорически отрицаемой западной «политкорректностью» или с «варварскими» обычаями меньшинств, противоречащих либеральным ценностям развитых стран [12. С. 15]. Попытаемся рассмотреть вопрос извлечения уроков из мультикультуралистской практики в контексте объективно-критического анализа ее исторической динамики, актуальность которого весьма значительна и в контексте современных российских реалий.

В России на рубеже XX и XXI вв. под влиянием требований нового этапа нацистроительства и постсоветских тенденций началась деинституционализация этничности и

«перемещение» ее в сферу приватного, личного, семейного. Первым шагом в этом направлении стали новые внутренние паспорта, исключившие упоминание этнического статуса и выдвинувшие на первый план гражданскую и государственную идентичность владельцев. При этом этничности были по умолчанию на федеральном уровне приравнены к частному делу индивида и семьи [12. С. 16–17]. В таком контексте при рассмотрении мультикультуралистской практики должны быть учтены следующие особенности российского общества: 1) управление полиэтничностью происходит в стране на фоне убывания численности автохонных (коренных) народов и масштабных потоков этнической иммиграции из стран «ближнего зарубежья»; 2) процессы перехода от советской системы межэтнического взаимодействия к новой модели демократической федерации протекают на основе сочетания национально-территориальной и национально-культурной автономии.

Обращаясь к «классическим» формам политики мультикультурализма, следует отметить две его разновидности. Первая из них связана со странами, население которых формировалось и продолжает формироваться за счет иммиграции: Австралия, Канада, США. Вторая характерна для экономически развитых европейских национальных государств, которые сравнительно недавно были метрополиями – центрами огромных колониальных империй. Именно поэтому для Европы мультикультурализм как идеология и политическая практика – это во многом заимствованный, своеобразно понимаемый в силу политико-культурной специфики и в известном смысле чуждый рецепт разрешения проблемы интеграции культурно инородных иммигрантских меньшинств [3. С. 390].

В этой связи весьма показательное следующее рассуждение известного германского философа Ю. Хабермаса: «В отличие от Америки европейские нации относительно гомогенны. В их истории почти не встретить преданий о

принятии чужаков или ассимиляции иммигрантов. Поэтому пришествие в Европу множества людей иного цвета кожи, иных традиций, иной веры вызывает серьезные опасения, тем паче, что происходит оно на фоне распада европейских государств» [16. С. 374]. По мнению Ю. Хабермаса, западноевропейский мультикультурализм вызван к жизни специфическими для континента историческими процессами, а именно:

1) массовой иммиграцией нескольких последних десятилетий и комплексом проблем, ею вызванных;

2) активизацией региональных этнокультурных и этнополитических движений, стимулируемых как процессами глобализации, так и европейской интеграции [16. С. 374].

Ряд исследователей, сравнивая американскую практику с западноевропейской, противопоставляют их как примеры негативного (США) и позитивного мультикультурализма. По мнению В. Иноземцева и Е. Кузнецовой, позитивный характер европейского варианта связан с провозглашаемым единством континента, основанном на динамическом равновесии культурных, политических и территориальных факторов [9. С. 11]. Европейские государства жизненно заинтересованы в культурно-политической интеграции проживающих у них иммигрантов, особенно если таковые имеют статус их граждан. И в этом, как справедливо отмечает В.А. Ачкасов, заключается их принципиальное отличие от США, Канады, Австралии, история которых определялась потоками иммигрантов и которые уже в силу своей величины могут позволить себе роскошь сосуществования своеобразных этнических и расовых диаспор [3. С. 391]. Как полагает другой российский исследователь С.В. Погорельская, «Наличие параллельных обществ» – реальная опасность для западноевропейских демократий, особенно перед лицом новых (глобальных) угроз [13. С. 98].

Действительно, в североамериканской и в некоторой степени западноевропейской этнополитической практике

определяющую роль довольно длительный период играли ассимиляционные установки. В их основе были представления западных политиков и ученых о слиянии различных этнических групп в единую национальную общность, о возможности интеграции выходцев из различных стран мира в принимающее общество полиэтничных государств. Особенно большие надежды на такие концепции возлагались в США. Их приверженцам страна представлялась большим «плавильным котлом», в котором происходила ассимиляционная переплавка различных этнорасовых групп в единую американскую нацию. Реализация интеграционных концепций ассимиляционного толка правительствами США, Канады, Великобритании привела к значительному снижению этнической и расовой напряженности. В первую очередь тому способствовали повышение уровня жизни представителей диаспор и этнорасовых групп, уменьшение дискриминации при трудоустройстве, выборе места жительства, в сферах образования и управления. Интеграционная политика стимулировалась борьбой этнорасовых групп против различных форм дискриминации. Их выступления получали нарастающую поддержку толерантных сил в среде доминирующих этносов.

Проведению такой политики способствовали и принятые международные правовые акты, осуждающие расизм и шовинизм. Их невыполнение влекло за собой моральные и политические санкции. Так, в рамках ООН на протяжении длительного времени действует комиссия по преодолению дискриминации, защите прав меньшинств и поддержке права наций на самоопределение. В 1950 – 1951 гг. ЮНЕСКО выступила с документами, подготовленными специалистами по проблемам этничности, в которых раскрыта несостоятельность биологических теорий расы, сыгравших в политике фашистской Германии и Японии роковую роль во время Второй мировой войны. В 1965 г. ООН содействовала заключению Международной конвенции о ликвидации всех

форм расовой дискриминации. Спонсируются исследования этнополитических проблем: Институт Объединенных наций по социальному развитию с 1985 г. профинансировал исследование этнических конфликтов в 15 странах, на основе которых были выработаны рекомендации, касающиеся проблем школы, трудовой сферы, миграций [15. С. 148].

Однако, определенные позитивные изменения сопровождались значительными издержками как в США и Канаде, так и в некоторых развитых европейских странах, воспринявших элементы интеграционно-ассимиляционных установок у североамериканских партнеров. Получение льгот меньшинствами вызвало недовольство у этнических групп, лишенных таких льгот. Последние расценили такую практику как «расизм наоборот». В то же время недостаточная решенность проблем социально-экономического и политико-правового равноправия определила неудовлетворенность и тех этнорасовых групп, которые имели льготы от государства. Этнополитическая напряженность в 1970–80-е гг. обострилась и в связи с неравномерным экономическим и социокультурным развитием этнических регионов. В Канаде это проявилось в стремлении к суверенитету франкоязычной провинции Квебек. В Великобритании активизировались автономистские движения в отставших в своем развитии от других регионов Шотландии и Уэльсе, во Франции – в Бретани и на Корсике, в Бельгии – в Валлонии [10. С. 89–90].

Проблема отношений между местными этническими группами дополнилась проблемой взаимодействия автономного населения и мигрантов, огромная масса которых стала прибывать из бывших колониальных стран и стран бывшего социалистического лагеря. Вместе с притоком дешевой рабочей силы этнорасовые проблемы, вспышки ксенофобии и этнонационализма стали возникать также и в благополучных в этнополитическом отношении странах (Швейцария, Швеция, Дания, Норвегия и др.). Поток ми-

грантов привел к увеличению числа безработных и преступности, формированию диаспор и этнических гетто. Все это вызвало отрицательную реакцию со стороны доминирующих этнических общностей и местных этнических меньшинств [10. С. 90].

Модель мультикультурной демократии основана на тезисе о возможности параллельного сосуществования различных расовых и этнических групп, сохранения на длительную перспективу этнических меньшинств в рамках национального государства. Мультикультурализм – это идеология, политика и социальный дискурс, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма, уместность и значимость многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). В контексте мультикультурализма непохожесть и отличительность рассматриваются не как второсортное и «чуждое», а как просто «другое» [12. С. 14].

Мультикультуралистская идеология и политика утверждаются в 1970-х гг. в Канаде и Австралии, а начиная с 1990-х гг. – в США, а также во многих западноевропейских странах в контексте поиска ответов на многие вопросы, связанные с несправедливостью и дискриминацией, которые актуализировались в условиях глобальной миграции и диаспоризации иммиграционных сообществ. Причем западноевропейская практика мультикультурализма принципиально отличается от предшествующих ей интеграционно-ассимиляционных практик в США, поскольку базируется на формировании консенсуса между различными группами, сохраняющими этнокультурную и конфессиональную самобытность и составляющими целостное гражданское сообщество. В консенсусной этнополитике видное место занимают политика по делам иммиграции, преодолению расизма и этнофобии, по сочетанию поддержки мультикультурного разнообразия с развитием потенциала гражданского общества, «аффирмативных» (ут-

верждающих, позитивных) акций общественности за права меньшинств [15. С. 147]. По мнению Ж.Т. Тощенко, «Как рациональные можно определить усилия государств по стимулированию не ассимиляции, а аккультурации этнических групп, по их планомерному превращению в полноправные гражданские общности, по обеспечению их функциональной социальной мобильности через систему образования, включение в достаточно широко понимаемые рамки культуры данной страны и т.д. Школы, язык, духовная жизнь, политическая культура и местные практики – конкретные инструменты решения проблемы» [15. С. 144–145].

Весьма показательна в вышеупомянутом отношении политика мультикультурализма в Канаде, введенная премьер-министром П.Э. Трюдо в 1971 г. Много средств было потрачено на то, чтобы позиционировать ее как политику многокультурности [7. С. 62]. Зрительный образ ситуации межэтнических отношений в этой стране реализуется в терминах «Канадская мозаика», «Салатная тарелка», «Мраморный торт» (с переливами, слоями) [7. С. 58]. Именно поэтому канадская модель является мультикультурной, в основе которой находится «Закон о многокультурности», или, как его еще называют, «Закон о мультикультурализме». Он создает юридическую базу для защиты прав этнических меньшинств не только в области поддержки национальных культур и языков, но и в области экономики [7. С. 57].

В Канаде правительство поддерживает национальные меньшинства и создает для этого ресурсы. Так, в крупных городах построены большие культурные центры для французов [7. С. 59]. Существует 115 центров для коренных народов, которые расположены в небольших городках, которыми управляют представители этих народов и в которых предоставляются услуги для коренных жителей [7. С. 65]. На основе «Закона об индейцах» и «Акта об индейцах» в стране функционирует Министерство по делам индейцев. Оно финансирует 70 центров и решает все вопросы, свя-

занные с образованием местного населения [7. С. 64–65].

В Канаде существует «Бизнес-Совет по национальным вопросам (BCNI), с суммарным бюджетом в 7 миллиардов долларов, объединяющий 2 миллиона работников, оказывающих огромное влияние на политиков» [7. С. 60]. В 1980 г. был основан Этнический Совет Канады, субсидируемый Министерством культуры и этническими общинами, от которых поступают членские взносы. Совет имеет штат и организационную структуру в виде Комитета Президентов этнических общин. В составе комитета работают пять комиссий: 1) единства Канады; 2) по связям с другими учреждениями и организациями; 3) по экономике и вопросам труда; 4) по соблюдению равенства при трудоустройстве; 5) по социальным, культурным и образовательным вопросам [7. С. 61–62].

Значительную роль в реализации политики мультикультурализма играет Министерство культуры. В 1992 г. в его структуре был создан Департамент по культурному наследию и мультикультурализму, занимающийся вопросами поддержки и сохранения культурной самобытности этнических общин. В структуре министерства функционируют секторы по канадскому наследию и канадской идентичности, которые с помощью средств массовой информации формируют канадскую идентичность и гражданское участие в многокультурности [7. С. 62–63]. Министерство культуры стремится достигнуть решения социальных вопросов и тех этнических общин, которые оказались вне участия в Этническом Совете Канады, привлекая его бюджет в 18 млн канадских долларов. Объектами такой деятельности являются, например, негритянская община г. Галифакса, характеризующаяся плохим образованием и низкими доходами, аборигенное население г. Виннипега, составившее к 2000 г. 25% всей рабочей силы, составляющее большинство неанглоязычное и нефранкоязычное население пригорода Ванкувера – Ричмонда. В связи с тем,

что полиэтничность становится главной характеристикой не только городов, но и сельской местности, в каждой провинции существуют программы по многокультурности. Этническим общинам выделяются гранты для того, чтобы они сами проводили эти программы [7. С. 64].

Таким образом, рассмотрение опыта реализации канадской модели мультикультурализма позволяет прийти к следующим выводам. Во-первых, декларации о признании культурного многообразия получали гарантированную поддержку государства, в том числе выражающуюся в социально-экономическом содействии меньшинствам; во-вторых, признание и обеспечение многокультурности заключается в реальных политических действиях, направленных на поддержание и развитие взаимодействия между различными культурами.

Как показал опыт ряда постиндустриальных стран, политики неоконсервативного направления осуществили попытку формирования равенства диаспор с автохонным населением, а также этнорасовых меньшинств и титульного большинства посредством создания условий для «самореализации личности», которая должна зависеть от индивидуальных способностей и возможностей личности. Важнейшим направлением такой политики стало поощрение развития частного предпринимательства представителей этнорасовых меньшинств и привлечение их в сферу управления. Однако неоконсервативная этнополитика столкнулась с проблемами неравных возможностей «цветного» населения по сравнению с возможностями белых в получении образования, недостатка у «цветных» предпринимателей капиталов, жесточайшей конкуренции со стороны крупных корпораций. Вследствие этого в среде этнорасовых меньшинств и диаспор стали активизироваться процессы усиления этноцентризма и изоляционизма, выразившиеся в сепарации, обособлении от принимающего общества, в попытках защиты этнокультурной самобытности.

В таких условиях Европейское сообщество демонстрирует рост опасения утраты национальной идентичности, растворения в мультикультурном потоке. Со всей остротой встала проблема, формулируемая вопросом: «Сумеет ли западная цивилизация культурно ассимилировать десятки миллионов представителей других цивилизаций и рас, не прибегая к насилию и соблюдая права человека? Приведет ли это к взаимообогащению культур и творческому переосмыслению и усложнению «проекта» нации или породит новые конфликты?» [1. С. 238]. Поэтому неслучайно политика мультикультурализма подверглась критике со стороны как либеральных, так и консервативных направлений. Консерваторы главный изъян мультикультурализма усмотрели в утверждении новоявленных форм «обратного фанатизма», создания новых форм расовых сегрегаций, которые обязательно выльются в кровопролитие, подобное югославскому [12. С. 26].

Либеральная критика полагает существенным недостатком мультикультуралистской модели увековечивание культурных различий и границ посредством их институционализации и неспособность признать наряду с этническим плюрализмом культурную гибридность и формирование космополитических и смешанных идентичностей. Кроме того, либералы оспаривают мультикультуралистскую политику доминирования коллективных прав и интересов над либеральными принципами приоритета прав индивидов [12. С. 28].

Вместе с тем, несмотря на различия в идеологической тональности дискурса, консервативное и либеральное направления сходятся в следующих критических замечаниях. По их мнению, мультикультуралистская модель:

- 1) подпитывает идеологию «политической корректности», которая является формой цензуры и идейной несвободы (либерализм), а также дисциплинирующей и репрессивной «полицией мультикультурализма»;

2) ведет к неполной и непоследовательной реализации принципа культурного плюрализма;

3) подвергает критике историю страны и устои общества;

4) препятствует дальнейшей ассимиляции, усиливает межгрупповое и межрасовое недоверие, становится угрозой национальному единству [12. С. 27];

5) оправданно отвергая конкурентный (конфликтогенный) вариант культурного многообразия, приводит к модели параллельного равнодушного существования, таящего большие опасности [12. С. 26].

Декларируемое мультикультурализмом культурное многообразие само по себе нейтрально и не является фактором этнополитического конфликта. Более того, реальные примеры Канады и постсоветской России, принявшей определенные мультикультуралистские ориентиры, свидетельствуют о возможности сохранения национального единства при проведении политики мультикультурализма: «в первом случае – сдержать возможную сецессию Квебека, а во втором – предотвратить повторение судьбы распавшегося СССР через подтверждение федеративного устройства новой России» [12. С. 28]. Именно поэтому к несомненным достоинствам мультикультурализма следует отнести:

1) сохранение и поддержание культурного плюрализма;

2) признание и защиту национальных меньшинств, зачастую находящихся на периферии социальной жизни;

3) воспитание толерантности, отказ от шовинизма и ксенофобии;

4) ориентацию на «включение» и интеграцию, отказ от создания культурных и социальных барьеров;

5) систему мультикультурного образования, инкорпорирующую культуры меньшинств наряду с доминирующей культурой в учебные программы (например, национально-региональный компонент в учебных планах образовательных организаций, предполагающий фокусированное изучение национально-специфических страниц истории и

литературы, языков народов РФ) [12. С. 21–22];

6) легитимацию коллективных прав, прежде выведшихся за рамки либерального дискурса: интересы, признания, идентичности, языка и культурного членства [12. С. 22];

7) прагматическое и утилитарное преимущество мультикультурализма, состоящее в том, что апелляция к этнокультурным и региональным интересам и потребностям является прибыльным коммерческим и маркетинговым инструментом, позволяющим физическим лицам и организациям извлекать дополнительные прибыли (развитие этнической рекламы, FM-радиовещания на языках этнических меньшинств и других рыночных практик без протекционистского вмешательства государства) [12. С. 23].

Вместе с тем, следует отметить, что либеральные демократии, достигшие относительно большого успеха в управлении этнополитическими конфликтами с использованием в том числе и мультикультуралистской модели, так и не смогли найти оптимального варианта сочетания политического единства и этнокультурного (этнорасового) многообразия. Особенно с учетом того, что «нигде политика мультикультурализма не осуществлялась в чистом виде. Везде мультикультурные практики практически неизбежно (в той или иной степени) сочетаются с эпизодами ассимиляции или сегрегации представителей иных этнических и религиозных сообществ» [3. С. 390]. В этой связи целесообразно согласиться с известным российским этнополитологом В.А. Ачкасовым, полагающим, что «политика мультикультурализма не способна предотвратить «коррозию» западных наций-государств и дать адекватный ответ на вызовы транснациональной иммиграции» [2. С. 230]. Общим правилом является то, что угроза формирования национализма этнического большинства и сепарации этнических меньшинств является угрозой всех полиэтничных государств, даже тех, в которых утверждается

принцип нации-согражданства. Конечно, как считает З. Сикевич, формирование доминирующей национальной идентичности снизило бы негативное содержание межэтнического взаимодействия, однако пока еще это остается отдаленной перспективой [14. С. 68]. В самом деле, необходимым условием окончательной национальной интеграции является полное принятие этническими меньшинствами, состоящими в гражданстве данного государства, культуры доминантного этнического большинства. Однако согласны ли будут сохраняющие свою идентичность представители меньшинств принять эту культуру как собственную? Вряд ли на этот вопрос можно ответить утвердительно, особенно если речь идет о сообществах, образующихся в процессе иммиграционной экспансии – «новых» и «старых» диаспорах. Члены диаспор, подчиняясь нормам принимающего общества, могут при этом не разделять его ценностей. Более того, «они вряд ли будут идентифицировать себя с тем государством, в рамках которого оказались, особенно если это произошло недавно и/или не вполне добровольно» [1. С. 293].

Видимо, следует согласиться с В.А. Ачкасовым, полагающим, что выход «может быть найден где-то между политикой «плавильного котла» и политикой мультикультурализма» [2. С. 230]. В разрешении противоречия между перечисленными стратегиями, вероятно, и заключается сущность современной позитивной этнополитики как оптимального варианта управления многосоставными в этническом и конфессиональном плане государствами. Однако демонстрирует ли Европа как либеральный эталон этнополитики попытки конструктивного выхода из «петли» миграционного коллапса, приводящего к беспрецедентным этническим и культурно-религиозным последствиям? Представляется весьма обоснованной точка зрения В.А. Ачкасова, что «нет полной уверенности в том, что к признанию права на различие и к мирному сосуще-

ствованию различных культурных идентичностей готовы как политические элиты, так и большая часть населения Европы» [3. С. 394]. Что касается России, то с большой долей вероятности можно предположить, что в процессе утверждения в России модели нации-государства следует ожидать поисков идентичности как большинства, так и меньшинств, в том числе и в форме конфликтов, которые будут с большим или меньшим успехом разрешаться в зависимости от взаимоисключающих друг друга вариантов этнополитики. Либо государство придает этнополитике позитивную направленность, разрешая различными средствами проблемы этнической конфликтности, либо конструирует и формирует новые меньшинства, провоцируя и усиливая их дискриминацию, а значит, тягу к самоизоляции и сепаратизму.

В этой связи остается открытым вопрос о том, насколько возможно в условиях современного российского общества использование позитивного потенциала мультикультурализма. Основания отказа от последнего коренятся зачастую не только в обсуждении его негативных последствий из опыта западноевропейской и североамериканской этнополитических практик, но и в утверждениях о небезупречной по результатам попытке его реализации в СССР [12. С. 16]. Однако, стратегическая цель советской этнополитики была несовместима с ориентацией на сохранение культурного плюрализма, хотя и предполагала из тактических соображений закрепление этнических идентичностей на ранних этапах развития советского государства [12. С. 16]. Более того, как уже отмечалось выше при характеристике институционализации советской этнополитики, культивирование этничности в годы советской власти имело ярко выраженные негативные аспекты, несовместимые с мультикультурализмом.

С учетом вышеизложенных обстоятельств, вполне уместно предположить, что угроза повторения Россией

судьбы СССР, но в уже новых исторических условиях – прежде всего в условиях давления этнической миграции из стран «ближнего зарубежья», отсутствия общенациональной идеологии и утверждения в России заимствованной от Запада модели нации-государства, будет продуцировать ориентацию на традиционную для России имперскую систему регулирования межнациональных отношений. О приверженности ей заявляют некоторые российские исследователи, видящие одной из главных целей своего творчества «реабилитацию» категорий «нации», «национализма», «империи» и обоснование необходимости возвращения российского общества на изначально присущий России имперский путь развития [6. С. 4–5].

Однако среди российских исследователей есть и такие, кто полагает, что сообщения о «смерти» мультикультурализма кажутся преувеличенными по причине того, что, перестав быть официальным политическим курсом, он, тем не менее, по-прежнему продолжается в целом ряде практик. Так, по мнению Л.Р. Низамовой, «Теперь он выступает и в качестве весомого компонента политических решений и действий (и даже как самостоятельный политический проект), журналистского дискурса и деятельности массмедиа, новаций в мире литературы и искусства, системы воспитания и образования, языка повседневного общения, т.е. буквально всех сфер жизни общества, стремящегося к рефлексивному осмыслению существующих проблем и исправлению несправедливостей рубежа XX и XXI вв.» [12. С. 12]. Разница лишь в том, что теперь для ситуации культурного разнообразия используются такие новые категории как «политика различия» (И.М. Янг), «трансформирующая политика признания» (Н. Фрейзер), «интеркультурализм» (Т. Модуд) [4. С. 129]. Кроме того, следует учитывать различия в интерпретации категории «мультикультурализм» в среде самих западных исследователей. В этой связи целесообразно согласиться с российским социологом Р.Э. Бараш,

которая ссылается на известную западную исследовательницу С. Бенхабиб, заключающую, что кризис мультикультурализма был связан именно с утратой первоначального смысла явлениями, для определения которых он использовался [4. С. 128]. Как справедливо считает Р.Э. Бараш, «Сегодня можно говорить как минимум о четырех проблемных векторах интерпретации категории «мультикультурализм»: это проблемы его культурологического и социологического измерения, его эпистемологической интерпретации, а также прагматики его реализации» [4. С. 130]. Таким образом, в силу актуальности решения проблемы культурной неоднородности России не следует отворачиваться от восприятия мультикультурализма и как системы мер, и как дискурса социального существования [4. С. 130].

Литература

1. Ачкасов, В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 337 с.
2. Ачкасов, В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности : монография / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – 232 с.
3. Ачкасов, В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 495 с.
4. Бараш, Р.Э. Мультикультурализм как (не)реализуемый проект: вопросы к теории и методологии / Р.Э. Бараш // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования : монография / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 127–143.
5. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : принята Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2, ст. 22.
6. Елишев, С.О. Основы национальной политики : сборник статей / С.О. Елишев. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 352 с.
7. Замогильный, С.И. Этносоциология и этнопедагогика мультикультурных обществ : монография / С.И. Замогильный. – Саратов : ИЦ «Наука», 2006. – 202 с.

8. Зотов, Г. Салам алейкум, Европа! / Г. Зотов // Аргументы и факты. – 2015. – № 38 (1819). – С. 6.
9. Иноземцев, В. В поисках идентичности: европейская социокультурная парадигма / В. Иноземцев, Е. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 6. – С. 3–14.
10. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким; под научн. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
11. Малахов, В. Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза / В. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 77–87.
12. Низамова, Л. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России / Л. Низамова // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах : материалы конференции (Казань, 2–3 июня 2004 г.) / под ред. А. Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. – М. : Гендальф, 2005. – С. 9–30.
13. Погорельская, С.В. Прощание с мультикультурализмом, или новая германская иммиграционная политика / С.В. Погорельская // Иммигранты в Европе: проблемы социальной и культурной адаптации : сборник научных трудов / Т.С. Кондратьева и др. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – 225 с.
14. Сикевич, З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе / З.В. Сикевич. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2012. – 207 с.
15. Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки : монография / Ж.Т. Тощенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.
16. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М. : Практис, 2002. – С. 364–380.

Глава 3. Институционализация национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России

3.1. Этнополитика на Дальнем Востоке России в ракурсе институционализации мультикульту- рализма

Как мы увидели, современный мультикультурализм, давно выйдя за рамки академического дискурса, переставая быть официальным политическим курсом целого ряда европейских государств, тем не менее, продолжает существовать как устойчивое явление, с которым ассоциируются культурное разнообразие и групповые культурные идентичности. В пользу этого говорит широкое зарубежно-региональное распространение мультикультурализма, проявляющееся в распространении его установок и практик, его институционализации в Северной Америке и Западной Европе. Вопрос заключается в том, что степень исследованности соотношения общего и особенного в регионально-страновых проявлениях институционализации мультикультурализма сравнительно невысока.

Что касается России, то следует учитывать, что в ее составе есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родинами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия), ибо заселялись преимущественно иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. Именно поэтому представляется рациональным проанализировать институционализацию мультикультурализма в США как социального дискурса и политической практики в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России.

Так, в Хабаровском крае, по данным Федеральной миграционной службы, насчитываются представители 145 на-

родов и этнических групп. На предприятиях региона, только по официальным данным, трудятся около 30–35 тыс. иностранных мигрантов. В основном, это приехавшие в Дальневосточный регион граждане стран СНГ. На их долю приходится 41 % прибывающих в край иностранных рабочих [8. С. 85]. Большинство иностранных граждан зарегистрировано по месту пребывания в Хабаровске – 71,1 % и Хабаровском районе – 8 %. В первом полугодии 2013 г. на миграционный учет в Хабаровском крае было поставлено 67024 иностранных граждан и лиц без гражданства. По данным миграционной службы, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года рост численности мигрантов составил 7,3 % [9].

В 2014 г. на миграционный учет стало 131181 чел. (-0,2 %) [9], за 11 месяцев 2015 г. – 117022 чел. (-3,1 %), в том числе зарегистрировано по месту жительства 3055 чел. (+82,9 %), из них прибывших в визовом порядке – 52776 чел. (+4,5 %) [9]. При этом сохраняется тенденция преобладания в составе приезжающих граждан среднеазиатских стран СНГ. Таким образом, по своим динамическим характеристикам иммиграционные потоки не претерпевают значительных изменений, и в целом следует отметить, что миграционная ситуация остается сложной с точки зрения усиливающейся этноконфессиональной многосоставности населения Хабаровского края.

Вышеуказанные данные целесообразно рассматривать с точки зрения понимания этномиграционной ситуации как совокупности протекающих в рассматриваемый период этнических миграционных процессов, представляющих собой социальные взаимодействия, приводящие к социально-территориальным и социально-статусным изменениям в положении различных этнических групп, формирующихся в результате иммиграции. С этой точки зрения целесообразно согласиться с мнением коллектива дальневосточных исследователей под руководством И.Ф. Ярулина, которые провели масштабное социологическое изучение межэтнических

и межконфессиональных отношений в Дальневосточном федеральном округе. Как следует из их исследования, «даже в таком немногочисленном, но полиэтническом массиве, как Дальний Восток, взаимодействие коренных и пришлых этносов и этнических групп создает межэтническую среду и потенциально – источник конфликтных ситуаций» [8. С. 80]. Именно поэтому «внутреннее этнорегиональное положение страны, внешние и внутренние миграционные процессы требуют изучения и обобщения с научной точки зрения» [8. С. 80], что необходимо для их научно обоснованного регулирования. А это, в свою очередь, требует объективного анализа зарубежного опыта управления этномиграционными процессами, одним из видов которого является модель мультикультурализма.

По сути дела, анализ реализации североамериканской мультикультуралистской модели позволяет выявить предпосылки, источники и механизмы определенного типа институционализации процессов межкультурного и межэтнического взаимодействия, характерного именно для данного национального сообщества, т.е. США. Данные процессы по умолчанию включают в себя и деятельность по регулированию этномиграционных и этноконфессиональных отношений посредством реализации определенной этномиграционной политики. Применительно к институционализации мультикультуралистской политики, следует отметить, что, во-первых, импульсы «входа» в политическую систему характеризуются теми требованиями, которые вызваны процессами межэтнических, этномиграционных и этноконфессиональных отношений. Во-вторых, внутри политической системы осуществляется взаимодействие (нередко конфликтное) различных ее акторов по «переработке» этих требований. В-третьих, могут исчезать «старые» (прежние) и появляться новые акторы – субъекты политики мультикультурализма. В-четвертых, созревают, формируются и активно используются (применяются) различные культурные

основания мультикультурализма в виде мировоззренческих ценностей, идеологических взглядов, лозунгов, программ, деклараций. В-пятых, отмирают, возникают, формируются, функционируют и развиваются соответствующие институциональные структуры, вызванные к жизни потребностями реализации различных интересов и ценностей в сфере миграционных, межэтнических и национально-этнических отношений. Все вышеперечисленное, собственно, и образует основное содержание институционализации мультикультурализма.

Мультикультурализм как понятие появился в академическом и социально-политическом лексиконе Канады и США в конце 1960-х гг. для обозначения новых интеграционных проектов, кардинально отличавшихся от классической модели «плавильного котла» (melting pot), которая ранее стихийно сложилась в этих государствах. В отличие от ассимиляционного проекта, мультикультурная модель концентрируется на усилиях принимающего общества по созданию благоприятных условий для интеграции иммигрантов. С точки зрения мультикультуралистского дискурса, наложение принципиальных социально-экономических различий на этнические, конфессиональные и расовые создает мультипликативный эффект социального неравенства, которое невозможно преодолеть без реализации определенных мер, инициированных властными институтами. Как отмечает В.В. Сахарова, к такого рода мерам, примененным в североамериканских государствах, относились:

- «- направление инвестиций и субсидий для развития групп и территорий их компактного проживания;
- разработка специальных программ, стимулирующих развитие такого рода регионов и групп;
- предоставление членам неблагополучных/дискриминируемых групп возможности получения образования и трудоустройства на льготных условиях» [10. С. 35].

По мнению американского исследователя В.Л. Хесли, вы-

шеперечисленные меры должны рассматриваться как временные, направленные на достижение в будущем равенства возможностей и равного отношения ко всем членам общества [15].

Вышеуказанная версия мультикультурализма определила политику, направленную на обеспечение устойчивого развития демократического общества, претерпевающего поликультурную трансформацию в расовом, этническом и конфессиональном отношении. Как полагают западные политологи Дж. Страттон и И. Энг, в историческом плане мультикультурализм «можно рассматривать как следствие неудачи, которую потерпел модерный проект национально-го государства, во главу угла ставивший единство и однородность» [20. Р. 138]. Принятая Соединенными Штатами доктрина мультикультурализма определила специфический дискурс восприятия прав и свобод личности в рамках национального государства. Права групп стали декларироваться как часть и продолжение прав личностных, а гражданская идентичность представляться как одна из ряда идентичностей человека и совсем не обязательно – главная [2. С. 384–385]. С этой точки зрения можно выделить такие общие классические особенности мультикультурализма, как:

- отказ от универсальной концепции гражданских прав, реализующийся в предложении о предоставлении разного объема прав различным группам людей;

- требование дифференциации гражданства в виде особых прав дискриминируемых и маргинальных меньшинств, разрушающее основное содержание классической модели гражданства национального государства, состоящее в единстве места жительства, административного подчинения, демократического участия и культурной принадлежности;

- декларирование множественности и равенства культурных идентичностей, передачи все больших властных полномочий регионам и группам, ослабления связи между длительностью проживания на территории определенного государства и гражданской ответственностью [3. С. 216].

Чем же предопределена ситуация зарождения мультикультуралистского дискурса в США? При ответе на этот вопрос следует выяснить исторические особенности складывания американской модели национальной интеграции. Во-первых, приток иммигрантов в США на протяжении всего XX в. постоянно увеличивался, вследствие чего государство вынуждено было постоянно регулировать миграционные потоки, устанавливая определенные квоты и противодействуя нелегальной иммиграции. В национальной идеологии США вплоть до начала 1970-х гг. доминировало представление о «плавильном котле». Существовал постулат о том, что в стране равных возможностей для представителей всех этносов, рас, религий и различных субкультур формировалась единая американская нация со своей идентичностью и культурой. При этом «наряду с этой официальной точкой зрения в США прочно сохранялась неофициальная, но не менее значимая идея различного социального статуса разных этнических, расовых, религиозных, тендерных, возрастных и прочих групп. Так, главным носителем американской культуры и ее героем считался взрослый белый мужчина протестантского вероисповедания. Существовала в обществе и неофициальная «этническая шкала», наверху которой оказывались англосаксы и их потомки, ниже – выходцы из Южной и Восточной Европы, а в самом низу – латиноамериканцы, азиаты, индейцы и негры» [1. С. 10].

Вышеупомянутая неформальная «этническая стратификация» весьма существенно влияла на сферы занятости, образования, политическую и духовную подсистемы общественной жизни. Именно поэтому выходцы из Европы (хотя бы во втором-третьем поколении), как правило, легче интегрировались в общество, становясь просто «белыми американцами» с различными этническими корнями. Для представителей же Азии, Африки и Латинской Америки успешная интеграция была существенно затруднена вследствие их фенотипических отличий от европейцев, а браки

и другие межличностные связи между «белыми» и «цветными» зачастую порицались. «Еще в 60-е годы XX века во многих штатах США имели место существенные проявления расовой дискриминации, например, отдельные места в транспорте, отдельные кафе и рестораны «только для белых» и «только для негров (цветных)» [1. С. 11].

Американский «плавильный котел» реализовывался на основе английского языка как государственного, что предполагало определение полноценности гражданина только по критериям полного овладения и использования этого языка во всех базовых сферах общественной жизни, с учетом мультиэтничности населения Соединенных Штатов. Английский язык служил не только необходимым инструментом межэтнического общения, но и важнейшим способом межкультурной коммуникации, что по умолчанию для своих носителей формировало общую специфическую систему социокультурных ценностей и установок, на базе которой осуществлялся «сплав» различных иммигрантских субкультур. Вся система образования носила явно англосаксонский характер с точки зрения изучения литературы, истории, культуры. Таким образом, «переплавка» различных этнических культур имела результатом культурные формы, содержание которых в значительной степени определялось англосаксонскими культурными корнями.

Но к концу XX в. демографическая ситуация в стране существенно изменилась: американцы европейского происхождения, все еще сохраняя ведущие позиции в экономике и политике, перестали доминировать по количеству. Так, сегодня в США, где по-прежнему население увеличивается ежегодно на 1 %, в основном за счет притока иммигрантов, последние составляют уже более 10 % населения страны. При этом, если в 1910 г. среди стран, «поставлявших» наибольшее количество переселенцев, неевропейскими были всего две, то к 1990 г. все десять относятся к Восточной Азии и Карибскому бассейну (Филиппины, Южная Корея,

Индия, Китай, Вьетнам, Ямайка, Гаити, Куба, Мексика, Доминиканская Республика), то есть к регионам, где традиции, ценностные ориентации и образ жизни существенно отличаются от североамериканских [10. С. 42–43]. Показательна и динамика роста иммиграции из этих регионов. Только за 1940–1980-е гг. число иммигрантов из Латинской Америки возросло в 27,1 раза, а из Азии – в 88 (!) раз. В начале нового века иммигранты из Мексики составляли 27,6 % от общего числа, намного превосходя ближайших соперников – китайцев (4,9 %) и филиппинцев (4,3 %) [14. С. 351]. «В самые ближайшие годы каждый четвертый американец будет принадлежать к этническому меньшинству», – констатировали в начале 1990-х гг. М. Бернал и Г. Найт [16. Р. 1]. Однако реальность превзошла все прогнозы, поскольку число американцев европейского происхождения уменьшалось гораздо более стремительными темпами: если в 1980 г. они составляли 80 % населения США, то в 2000 г. – уже 70 % [17. Р. 12].

Несмотря на вышеперечисленные обстоятельства, до 1960-х гг. США как самое крупное иммигрантское государство оставались относительно однородными в расовом и культурном плане – среди населения преобладали англосаксонская культура и европейские фенотипические качества. Сказались не только исторические условия формирования населения США, но и политика квотирования по этнорасовым основаниям при приеме иммигрантов. Экономический подъем в США привел к тому, что эти основания посчитали нецелесообразными. Именно поэтому в 1965 г. в новом «Иммиграционном акте», принятом в США, была провозглашена постепенная отмена расово-национального принципа отбора иммигрантов: всем странам предоставлялись равные доли, однако доля выходцев из каждой страны не должна была превышать 20 тыс. мигрантов. Отличительной чертой вышеуказанного правового акта было то, что преимуществом въезда в США пользовались не только ближайшие родственники граждан страны, проживающие за

рубежом, но и ученые, врачи и представители других дефицитных специальностей, включая высококвалифицированных рабочих. Одновременно впервые в истории США были введены ограничения для иммигрантов из стран Латинской Америки [4. С. 15].

Вышеизложенное совпало по времени с достижением успехов в многолетней борьбе за гражданские права так называемого «цветного» населения США. Конгресс США принял в 1964 г. «Акт о гражданских правах», в котором запрещалась дискриминация при найме на работу и получении образования по признаку расы, пола, религиозных убеждений и этнического происхождения, а также сама по себе дискриминация, обусловленная местом рождения конкретного лица, его происхождением, культурой или языком, квалифицировалась как противоправное деяние [10. С. 44].

Итак, исходя из характеристики вышеперечисленных условий, становится ясным, что мультикультурализм в США оказался востребованным в силу развития экономики и гражданского общества. Именно поэтому, начиная с середины 1970-х гг., стало постепенно происходить замещение интеграционных концепций, основанных на ассимиляционных установках, концепцией мультикультурности, в основе которой находятся положения выдвинутой еще в 1915 г. Х. Калленом теории, известной как концепция салата. Х. Каллен полагал, что иммиграция «растворила в себе прежнюю американскую национальность, превратила Америку в «федерацию национальностей»» [13. С. 171]. Именно поэтому данную теорию точнее было бы назвать концепцией «этнического плюрализма». И она оказалась весьма актуальной с учетом того, что вышеупомянутый «Акт о гражданских правах» 1964 г. в известной степени ослабил англосаксонское этнокультурное и этнорасовое доминирование в США, а благодаря «Иммиграционному акту» 1965 г. в США был обеспечен массовый приток иммигрантов из стран «третьего мира».

Специфика политики мультикультурализма в США со-

стоит в том, что в процессе своей реализации она с неизбежностью вышла на необходимость утверждения на практике принципа толерантности. Это было обусловлено в первую очередь тем, что особую проблему для США представляли исторические обстоятельства взаимодействия американцев европейского происхождения (белых) с индейцами и афроамериканцами. Попытки «восстановить справедливость» проявились, в частности, в замене прежнего, имеющего в американской культуре негативную окраску, названия «негр» на «афроамериканец», появление негров в ролях положительных героев в кино и т.д. Следует отметить, что особую значимость имело введение в 1980 гг. так называемой политики «утвердительно действия» (affirmative action), или «позитивной дискриминации». Она заключалась в составлении и применении этнических и расовых квот при приеме в вузы и при занятии престижных должностей [1. С. 11–12].

Вышеуказанные мероприятия первоначально считались временными (в перспективе обреченными на отмену), так как предполагалось, что по мере ликвидации фактического неравенства, в состоянии которого пребывали различные этнорасовые группы, будет происходить постепенная интеграция этих меньшинств в единое политическое сообщество. Однако после двух десятилетий практики аффирмации оказалось, что отказ от нее в настоящее время невозможен в силу следующих причин. Во-первых, этнорасовые меньшинства, для которых позитивная дискриминация обернулась значительным выигрышем, резко воспротивились свертыванию данной программы. Во-вторых, многие проблемы современного общества связаны с борьбой за свои права не только расовых и этнических, но и других самых разных меньшинств, ранее подвергавшихся дискриминации; наиболее значительными ныне являются феминистские и молодежные движения [1. С. 11–12].

В то же время, несмотря на определенные позитивные изменения, этносоциальная и этнорасовая напряженность

в значительной степени не были преодолены. Получение льгот меньшинствами вызвало недовольство общностей, лишенных этих льгот, которые расценили аффирмативную практику как «расизм наоборот». Кроме того, следует отметить, что вместе с притоком дешевой рабочей силы этно-расовые проблемы, вспышки ксенофобии и национализма стали неизбежными издержками масштабной иммиграции. Данному процессу сопутствовали увеличение числа безработных, рост преступности, формирование диаспор и этнических гетто, что не могло не вызвать отрицательную реакцию старожильского населения [6. С. 89–90].

Исходя из вышеизложенного, можно с достаточной уверенностью полагать, что в США с большим или меньшим успехом начиная с 1970-х гг. реализуется модель мультикультурной демократии. Основным содержанием ее идеологии, политики и социального дискурса выступает постулат о возможности длительного параллельного сосуществования различных расовых и этнических групп в рамках единого национального государства с сохранением многообразия и разноликости культурных форм (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ). Таким образом, мультикультуралистская версия в США – это признание правомерности и ценности культурного плюрализма, уместность и значимость последнего в рамках общегражданской национальной идентичности.

Сложившаяся модель мультикультурной демократии обусловлена в решающей степени системными факторами, вызванными спецификой политической истории США.

Во-первых, следует отметить, что Движение за гражданские права формально искоренило практику сегрегации и полностью трансформировало американскую политическую культуру. Это движение «полностью изменило идею гражданства в США: здесь утвердились нормы либерального республиканизма и концепция инклюзивного гражданства. До 60-х годов минувшего века механизмы гражданского

включения, построенные на идеологии «черно-белого» расизма, были крайне ограничительными» [5. С. 65–66]. «Акт о гражданских правах» 1964 г. отменил все ограничительные цензы для участия в федеральных выборах. Публичное пространство стало формально инклюзивным для всех этнокультурных меньшинств, что естественным образом не замедлило сказаться на характере и направленности иммиграционной политики, которая стала претерпевать существенную либерализацию. Так, сразу после принятия «Акта о гражданских правах» был введен в действие «Иммиграционный акт», упразднивший квотную систему для иммигрантов по национальному и расовому признаку и аннулировавший запрет на иммиграцию из стран Азии [19]. Реализация этого нормативного акта, собственно, и вызвала третью и четвертую мощную волну иммиграции в истории США: так, если в 1950-х гг. прибыло 2,5 млн иммигрантов, в 1960-х – 3,8 млн, то в 1970-х – 7 млн, а в 1980-х – более 10 млн [18].

Во-вторых, спецификой формирования американской нации является принцип «гражданского национализма». Сердцевиной этого принципа стала приверженность политическим идеалам республиканской демократии. Новый американский «либеральный республиканизм» представлял собой универсалистскую концепцию гражданства. Она была основана на следующих двух принципах: 1) принцип формально культурного нейтралитета со стороны государства; 2) принцип индивидуальных прав и свобод в ущерб групповым привилегиям. В этом смысле целесообразно сослаться с К. Зайка, полагающей, что абстрактные «гражданские принципы стали в США национальной доктриной и определили смысловое поле, в котором формируется национальная идентичность» [5. С. 66]. Именно в этом состоит принципиальное отличие американской версии национального сообщества от французской модели, предполагающей сильное давление в плане культурной ассимиляции на гражданскую концепцию нации. В Соединенных Штатах, несмо-

тря на популяризацию до 1960-х гг. концепции «плавильного котла», реальная интеграция постоянно прибывающих иммиграционных потоков проходила в условиях политики невмешательства. Многообразие культур не вытеснялось в частную сферу, а находило свое выражение в публичном пространстве, например, на уровне конфессиональных ассоциаций. Культурная ассимиляция в американском обществе ограничилась только лишь языковой гомогенизацией по вполне прагматическим причинам [5. С. 66].

В-третьих, в отличие от классических национальных государств Западной Европы, где политическое сообщество предполагает существование этнокультурного «ядра» нации, в которую затем стали «включаться» иммигранты, в США в политическом дискурсе отсутствует само представление об этнокультурном ядре. Данное обстоятельство предопределило такую доктринальную особенность американского республиканизма, как самопризнание на официальном уровне Соединенных Штатов Америки иммиграционным государством. Именно поэтому можно полагать, что в последнем, собственно, и заключается источник кардинальных изменений в публичном дискурсе США, что проявилось, прежде всего, в утрате легитимности европоцентричного (основанного ранее на доминировании англосаксонской культуры) концепта «плавильного котла».

В-четвертых, следует отметить, что парадигма либерального республиканизма легла в основу дискурсивных политических практик, сделавших правовую процедуру в США основой общенационального консенсуса и гражданской интеграции. Кроме того, именно на базе правовой процедуры складываются взаимоотношения между государством и гражданами [5. С. 66]. Отсюда проистекает такая особенность политической культуры США, как исключительно значимая роль судебных инстанций в регулировании деятельности и взаимодействия политических институтов. Так, решения исполнительной и законодательной власти на всех

уровнях проходят обязательный контроль со стороны судебных органов. Именно поэтому политическая система в США носит ярко выраженный легалистский характер, что обусловило, в том числе, следующие особенности процессов институционализации этнической и иммиграционной политики.

1. В условиях резкого увеличения легальной иммиграции нормы гражданского равноправия стали применяться для интеграции иммигрантов из всех стран мира, а процесс натурализации стал единообразен для выходцев из любых государств вне зависимости от этнического происхождения.

2. Либерализация гражданских прав иммигрантов активизировала политическую деятельность этнокультурных групп по реализации гражданских и политических прав и свобод, сопровождавшуюся ростом значимости судебных инстанций в этом процессе. Например, суд первой инстанции в Техасе обязал правительство штата позволить детям нелегальных иммигрантов посещать государственные школы [5. С. 66].

Какие же выводы следует сделать на основе вышеприведенного анализа с точки зрения учета последствий американской публичной политики мультикультурализма в управлении этномиграционной ситуацией на Дальнем Востоке России?

Во-первых, радикальная либерализация иммиграционной политики резко увеличит и без того пестрое этнокультурное многообразие региона, а последовательная институционализация мультикультуралистских ценностей позволит иммигрантам различного этнокультурного происхождения добиваться признания групповых интересов в публичной сфере. Как цепной реакции следует ожидать политизации культурных различий, прежде всего, в виде трансформации института гражданства, этнополитической мобилизации диаспор, направленной на инкорпорирование в системы власти.

Во-вторых, появление новых многочисленных групп иммигрантов приведет не только к этнокультурной гибридизации принимающего общества, но и к добровольной се-

парадии некоторой части как старожильческого населения, так и приезжих. Формирование диаспор, члены которых не принимают правила местного общежития и не разделяют базовых гражданских и культурных ценностей страны приема, чревато масштабными конфликтными ситуациями. На примере США можно увидеть добровольную сегрегацию иммигрантов второго и третьего поколений. «В последние десятилетия это особенно характерно для урбанизированных районов. В школьных кафетериях компании складываются по принципу общего этнокультурного происхождения их родителей. В школах существуют студенческие ассоциации для афро-американцев, выходцев из Латинской Америки и стран Азии» [5. С. 67].

В-третьих, практически неизбежным последствием «мультикультуризации» этномиграционной политики будет возникновение конфликтующих в политическом отношении этнокультурных групп, борющихся за введение законов, благоприятствующих их интеграции. Это обстоятельство можно наблюдать на примере США – «в Майами присутствует общественно-политическое напряжение между испаноязычным сообществом и афро-американцами. Этот феномен возникает в результате геттоизации, а также как следствие растущего желания иммигрантов репрезентировать себя в этнической и расовой перспективе» [5. С. 67].

В-четвертых, на Дальнем Востоке России, пусть и в отличной от других федеральных округов форме, присутствует признание этнокультурного ядра российской нации – русской культуры, ставшей одновременно национальной культурой России. Данное обстоятельство не вписывается в формат модели североамериканских «иммиграционных» государств, а следовательно, делает невозможным принятие исходных установок на радикализацию этномиграционной политики в версии мультикультурализма. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года настраивает на укрепление

единства российской нации посредством развития интеграции народов России путем сочетания этнокультурной самобытности и гражданской идентичности. Следовательно, иммиграционные группы должны интегрироваться в российское общество, а не продуцировать формирование диспоральных сетей и сообществ [11]. Что касается поддержания культурного своеобразия приезжих, то оно должно быть в приватной сфере и поддерживаться за счет их собственных усилий. Государство же не должно запрещать публичное выражение своеобразия в формах, не противоречащих закону.

Сохранение национальной и региональной идентичностей, отсутствие угрозы национальной и региональной безопасности являются главными условиями заимствования некоторых полезных с точки зрения рационального развития регионов России компонентов мультикультурализма. При выполнении этого условия возможны следующие направления их вероятной интеграции в практики регионального менеджмента – в частности, в регулирование этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России.

1. В условиях усиления этнической миграции заслуживают внимания «аффирмативные» (утверждающие, позитивные) практики, нацеленные на обеспечение прав меньшинств с точки зрения рациональных усилий государства по аккультурации иммигрантов и их потомков, направленных на обеспечение их функциональной социальной мобильности посредством системы образования [12. С. 144–145]. Эта задача весьма актуальна в свете того, что за 25 лет постсоветского развития в странах СНГ выросли новые поколения, слабо владеющие русским языком или практически не знающие его, практически не знакомые с российской культурой.

2. С учетом необходимости позитивной интеграции в принимающее общество, требуют изучения практики применения норм гражданского равноправия в процессе натурализации иммигрантов. С этой точки зрения интересно было бы исследовать опыт деятельности судебных инстан-

ций США в сфере реализации иммигрантами полных гражданских прав, а также активизацию политической деятельности этнокультурных групп, вызванную либерализацией гражданских прав. Следовало бы также изучать деятельность институтов, сформировавшихся в результате развития Движения за гражданские права, которые позволили иммигрантам добиваться признания групповых интересов в публичной сфере [5. С. 66–67].

3. Наконец, необходимо изучать опыт конфликтных ситуаций и конфликтов, возникающих как между иммигрантами и старожильческим населением, так и между различными этнокультурными группами самих приезжих. В условиях Дальнего Востока это весьма актуально, поскольку в конфликты могут быть вовлечены представители этносов, которые являются коренными или давно проживающими на территории Российской Федерации. Мультипликация конфликтного потенциала, вызванная наложением различных конфликтогенных факторов, включает в себя в том числе и целый спектр проблем, связанных с усложнением этноконфессиональной структуры населения Дальневосточного региона.

К сожалению, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обуславливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик. Тем более, что мультикультурализм при всех его изъянах и недостатках объективно утвердился в мире и как идеология, и как социальный дискурс, и как институциональная практика, признающие правомерность и ценность культурного плюрализма и культурной самобытности. А Россия в целом и ее регионы в частности, по понятным причинам, не могут

находиться вне влияния мировых трендов. Мультикультурализм же, как один из них, предполагает, по справедливому замечанию В. Малахова, то, что «интегрировать тех мигрантов, которые отделены от старожилов существенной культурной дистанцией, без учета их культурных особенностей невозможно» [7. С. 85]. Однако такой учет «требует от властей целого ряда шагов, встречающих со стороны местных жителей в лучшем случае непонимание и раздражение, а зачастую и противодействие» [7. С. 85]. Именно поэтому решение вопроса о возможности адаптирования практик мультикультурализма к регулированию этномиграционной ситуации на российском Дальнем Востоке требует тщательной конфликтологической экспертизы, необходимой для выстраивания региональной системы мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Литература

1. Арутюнова, Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Л.В. Арутюнова. – М., 2009. – 23 с.
2. Ачкасов, В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 495 с.
3. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; пер. с англ. ; под ред. В.И. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 350 с.
4. Богина, Ш.А. Иммигрантское население США 1865–1900 гг. / Ш.А. Богина. – М. : Наука, 1976. – 276 с.
5. Зайка, К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков / К. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 59–70.
6. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
7. Малахов, В. Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза / В. Малахов // Мировая экономика и междуна-

родные отношения. – 2015. – № 1. – С. 77–87.

8. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.

9. Официальный сайт Управления ФМС России по Хабаровскому краю. – URL: <http://www.27.fms.gov.ru/about/Statistic>.

10. Сахарова, В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада : монография / В.В. Сахарова. – СПб. : Златоуст, 2011. – 176 с.

11. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52, ст. 7477.

12. Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки : монография / Ж.Т. Тощенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.

13. Травина, Е.М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире : учебное пособие / Е.М. Травина. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 256 с.

14. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон ; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 640 с.

15. Хесли, В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий / В.Л. Хесли // Полис. – 1996. – № 6. – С. 39–51.

16. Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities / ed. by M.E. Bernal, G.P. Knight. – Albany : State University of New York Press, 1993. – 311 p.

17. Frum, D. Comeback: Conservatism That Can Win Again / D. Frum. – N.Y. : Broadway Books, 2009. – 240 p.

18. Hollifield, J.F. The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model / J.F. Hollifield // Migration Ethniziät Konflikt / Bade Klaus J., ed. Osnabrück. – 1996. – 375 p.

19. Massey, S.D. The New Immigration and Ethnicity in the United States / S.D. Massey // Population and Development Review. – 1995. – vol. 21. – no. 3. – pp. 631–652.

20. Stratton, J. Multicultural Imagined Communities: Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia / J. Stratton, I. Ang // Multicultural States: Rethinking Difference and Identity / D. Bennett (ed.). – L. : Routledge, 1998. – P. 135–162.

3.2. Процессы институционализации региональной этнической и миграционной политики на Дальнем Востоке России (на примере Хабаровского края)

Дальневосточный регион в настоящее время рассматривается в системе приоритетов государственного развития России. «Только в самые последние годы в обществе и в руководстве страны стало формироваться понимание истинной особой роли Дальнего Востока в судьбе будущей России. Начали появляться серьезные политические заявления, проекты различных программ, попытки разработки долгосрочной стратегии развития этого региона» [18. С. 79]. Однако, как справедливо полагает известный дальневосточный политолог И.Ф. Ярулин, «возрастающий интерес продолжает по инерции реализовываться преимущественно в системе устаревших представлений, оценок, решений, которые приходят в острое противоречие с тем, что в действительности происходит во всей стране и на Дальнем Востоке» [18. С. 79]. Именно поэтому «Если Россия действительно заинтересована в том, чтобы и в XXI в. оставаться азиатско-европейской страной, максимально использующей выгоды территориально-пространственного, природоресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика. Основой этой политики должны стать оценки и решения, освобожденные от груза устаревших представлений и основанные на принципах реалистичности и прагматизма» [18. С. 79].

Важнейшей составляющей эффективной региональной политики является этническая политика (этнополитика). Этнический фактор весьма значим и актуален для всех уровней власти, особенно для органов местного самоуправления, ибо последние призваны осуществлять непосредственную регуляцию межэтнических взаимодействий на локальном уровне регионального пространства. Посколь-

ку во многих государствах, в том числе и в России, трудно отыскать моноэтнический состав населения, то несомненно, что сфера этнополитики – это не только забота территориально-национальных образований, выстроенных по этническому признаку, но и повседневная деятельность всех без исключения управленческих институтов и институтов гражданского общества. Именно поэтому для интеграции их совместных усилий разработана Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, введенная в действие Указом Президента РФ в декабре 2012 г., определяющая деятельность органов государственной власти в российских регионах по управлению национально-этническими процессами [23].

Между тем, успешная реализация Стратегии предполагает совершенствование старых и формирование новых институтов национальной (этнической) политики. Применительно к национально-этническим процессам, предметом политической институционализации является совокупность связей и отношений, содержанием которых выступают проблемы институционализации политической власти, определяющие ее функционирование, изменение и модернизацию применительно к управлению межэтническими отношениями. Этнополитика, как и политика в целом, является контрольно-регулятивной сферой, придающей направленность жизнедеятельности национальных и этнических общностей, а также их отношениям между собой (согласие, подчинение, господство и конфликт). К этнической политике также относятся и способы взаимодействия между людьми различной национальной и этнической принадлежности (культура, язык, менталитет, традиции и обычаи).

С учетом вышеизложенного, целесообразно рассмотреть ту ситуацию, которая складывается с точки зрения последствий политики, проводимой государственной властью на Дальнем Востоке России. С одной стороны, конечно же,

реальность свидетельствует о наличии весьма серьезных объективных предпосылок для формирования национально-этнической напряженности. Так, одной из ее составляющих является демографический фактор, последствия воздействия которого возникают в виде резкого уменьшения численности старожильческого населения на фоне этнического сдвига, ведущего к заметному увеличению численности этнических мигрантов [18. С. 79–90].

Что касается советского периода, то миграция была подчинена задачам расширения геополитического пространства и подъема народного хозяйства, что проявлялось преимущественно в перемещении населения из сельской местности в городскую и из трудоизбыточных западных районов страны – в трудодефицитные северные и восточные районы. С началом рыночных преобразований, как отмечает известный дальневосточный исследователь Е.Л. Мотрич, демографический потенциал российского Дальнего Востока, сформированный в советское время, подвергся необоснованному разрушению. «Нынешний кризис воспроизводства населения в регионе проявился одновременно в двух проекциях: в депопуляции (естественной убыли) населения вследствие превышения смертности над рождаемостью и миграционном оттоке населения» [21. С. 81]. «Максимальная численность населения на Дальнем Востоке – 8 056,6 тыс. чел. – была зафиксирована на 1 января 1991 г. С этого времени численность дальневосточников стабильно снижается. За период 1991–2008 гг. регион потерял 1 596,5 тыс. чел., или 19,8 % собственного населения. Ни один из федеральных округов России до этой отметки не опускался. Лидирующую роль в процессе сокращения численности населения сыграл миграционный отток населения, многократно превышающий его естественную убыль. Это уже был тревожный сигнал, свидетельствовавший о начале крушения населенческой политики на Дальнем Востоке России [18]. В Дальневосточном федеральном округе на 1 января

2015 г. проживало 6211,4 тыс. чел., что на 1,3 % меньше, чем в 2010 г. После Всероссийской переписи населения 2010 г. убыль населения продолжалась только в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах. За весь период, то есть от начала стабильного сокращения численности населения (1991–2014 гг.), число жителей в ДФО уменьшилось на 22,9 % – 1845,2 тыс. чел., таким образом, за эти годы регион потерял более чем каждого пятого своего жителя [20. С. 6].

В этих условиях происходит этническая миграция. Вследствие оттока населения, который сказывается на обеспечении народнохозяйственного комплекса рабочей силой, возникает необходимость ее замещения привлеченными трудовыми ресурсами из стран СНГ и дальнего зарубежья. Как указывает Е.Л. Мотрич, «В общем миграционном потоке в Россию из стран СНГ на долю ДФО приходится по прибывшим 3,7 %, по выбывшим – 5,7 %. Наиболее популярными для представителей стран СНГ являются Камчатский, Приморский и Хабаровский края ... Результативность миграционных связей Дальнего Востока высокая со странами СНГ – Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией. Соотношение прибывших из них к выбывшим составляет 10:1. Их численность за межпереписной период 2002–2010 гг. увеличилась: таджиков – в 2,3 раза, узбеков – 3,4 раза, киргизов – 3,8 раза. Таким образом, миграция становится все более инокультурной: славянской миграции, которую имел регион, уже нет и, как показывает практика, не будет» [20. С. 12]. Как справедливо полагает И.Ф. Ярулин, процессы этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды [18. С. 89]. В таком контексте целесообразно согласиться с А.М. Кузнецовым, обращающим внимание на то, что «сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно,

даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ» [15. С. 75].

Итак, разнообразные по видам и содержанию этномиграционные процессы в Дальневосточном регионе, характеризующиеся интенсивным и масштабным притоком этнических мигрантов, приводят к возникновению комплекса противоречий, разрешение которых становится неотложной практической задачей социальной и этнической политики на федеральном и региональном уровнях. Вследствие этого возникает вопрос о том, каков характер этнополитического реагирования органов государственной власти на Дальнем Востоке России на вызовы этнической миграции.

Институционализация миграционной политики в Дальневосточном федеральном округе обуславливается содержанием складывающихся практик социального взаимодействия по поводу миграции на различных уровнях общественной жизни региона. В этом смысле можно согласиться с дальневосточным исследователем Л.Е. Бляхером и иркутским ученым К.В. Григоричевым, которые полагают, что существуют различные уровни таких практик, в том числе «своего рода «народная миграционная политика», формирующаяся в ходе обыденных взаимодействий ...» [4. С. 35]. Именно на уровне повседневного взаимодействия происходит «материализация» миграционной политики, лишь отчасти совпадающая (или совсем не совпадающая) с рамочными условиями, задаваемыми на иных уровнях» [4. С. 35]. Как справедливо полагают Л.Е. Бляхер и К.В. Григоричев, значимость повседневного уровня определяется тем, что именно на нем «вырабатывается репертуар практик, рождаются иррациональные (или рациональные) страхи

и предпочтения, которые фиксируются на более высоких уровнях концептуализации миграционной политики, нередко закрепляясь в виде правовых норм» [4. С. 35]. С последним утверждением согласуется и мнение известного российского этноконфликтолога А.Р. Аклаева. Он отмечает, что «опыт всех без исключения развитых западных стран показывает, что неизменным политическим последствием публичной политики мультикультурализма по отношению к постоянно и в массовом масштабе возрастающему числу этнических мигрантов является рост этнической интолерантности и контрмобилизации членов доминирующих групп...» [1. С. 371].

Именно страхи, воплощенные в различных мифах и стереотипах общественного сознания, зачастую находят прямое отражение в соответствующих документах и действиях властей по управлению миграционными и этническими процессами. Так, например, еще на рубеже 1990-х – 2000-х гг. происходила концептуализация новых ощущаемых угроз для Дальнего Востока России посредством переосмысления старых. На данное обстоятельство справедливо указывают Л.Е. Бляхер и К.В. Григоричев, характеризуя сюжеты, связанные с «демографическим давлением» Китая, «бегством населения» с дальневосточных территорий [4. С. 43–44]. Исследователи обращают внимание на две ключевые мифологемы, ставшие детерминантами дальневосточной миграционной политики. Первая – стремительное сокращение населения «богатого региона», отток, внутренняя миграция. Вторая – нарастающая угроза заселения опустевшего региона внешними мигрантами, падение форпоста. Именно поэтому следует ужесточить миграционный контроль и режим пересечения государственной границы. Кроме того, необходимо удержать местное население и заселить регион новыми, но «своими» людьми, соотечественниками. Данные установки и были воплощены в миграционных программах, а следовательно,

в действиях по миграционной политике в конце 1990-х гг. и середине 2000-х гг. [4. С. 45–46].

Итак, мы видим наглядные примеры того, как различные мифы и стереотипы, оформляясь в совокупность когнитивных схем, смыслов и значений, составляют культурные основания процесса институционализации. На их базе возникают и воспроизводятся достаточно устойчивые институциональные практики миграционной политики. Однако, они могут быть основаны не только на ценностях и представлениях «угрозы», но и на установках и концептах консенсуса.

В Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Президентом РФ 13 июня 2012 г., в качестве одной из важных задач декларируется содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом. В рамках реализации этой задачи определяется такое направление, как содействие развитию в обществе культуры межнациональных и межрелигиозных отношений, формирование у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости [13]. Отвечая на федеральный посыл, власти дальневосточных территорий на общественно-политическом уровне стимулируют образование и функционирование институтов национально-культурной автономии, а также автономных некоммерческих организаций, выступающих формами самоопределения этнических меньшинств [8. С. 149].

Так, в 2011 г. тринадцать национальных объединений образовали филиал Ассамблеи народов России в Хабаровском крае, подписав совместный документ – декларацию с признанием в качестве приоритетов своей деятельности защиту прав каждого жителя на свое этнокультурное развитие и во имя противостояния национально-экстремист-

ским проявлениям [25]. В 2012 г. на базе данной структуры организована Ассамблея народов Хабаровского края [28. С. 297], объединяющая общественные организации представителей как местных этнических общностей, так и диаспор, сформировавшихся из граждан среднеазиатских стран СНГ. Такого типа объединения декларируются властями как институты гражданского общества, являющиеся главным партнером региональной исполнительной власти в части реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Их значимость «состоит в ... возможностях по воспитанию этнических индивидов как граждан единого и целостного национального сообщества, налаживанию межкультурного диалога и межэтнической интеграции» [9. С. 170]. Справедливости ради следует отметить, что есть примеры, подтверждающие это. Так, в рамках деятельности Ассамблеи народов Хабаровского края проводятся различные этнокультурные мероприятия, крупные мероприятия полиэтнического характера, акции предупреждения межэтнической напряженности и конфликтов. Здесь следует обратить внимание на одну из наиболее заметных акций – участие в проведении обряда примирения узбекской и киргизской диаспор «Плов примирения» [28. С. 298].

Сходная с Хабаровским краем по направленности деятельность проводится и в соседней Еврейской автономной области. «Действенным фактором развития в области культуры межэтнических отношений является проводимая в этом направлении региональными органами государственного и муниципального управления политика. При губернаторе ЕАО создана и функционирует комиссия по вопросам гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, информационному противодействию экстремизму и терроризму. В состав комиссии наряду с госслужащими входят представители всех зарегистрированных в области национальных общин, работники сферы культуры

и образования, ученые, религиозные и общественные деятели. Подобные комиссии действуют и при органах местного самоуправления области. На заседаниях комиссий обсуждаются актуальные для различных диаспор вопросы, вырабатываются предложения и рекомендации в адрес органов, компетентных принимать и осуществлять решения, направленные на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений» [22. С. 90].

Кроме того, в процессе согласованной деятельности существующих национальных общин, других общественных организаций, государственных органов управления и местного самоуправления представители различных этнических групп региона получают возможность для удовлетворения своей самобытности в сферах предпринимательской деятельности, культуры и самоуправления. Стали популярными регулярные фестивали еврейской культуры, «Русь многолика», «В семье единой», спортивные соревнования команд, сформированных из представителей разных национальностей. По инициативе студентов Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхе-ма в 2015 г. проведен фестиваль «Этносфера», на котором была представлена этническая самобытность различных диаспор. Массовыми стали мусульманские праздники «Курбан-байрам», «Навруз» и другие. Власти автономной области через СМИ официально поздравляют жителей области с Новым годом, Рождеством Христовым, еврейскими праздниками Пейсах и Ханука, Новым годом по лунному календарю. Таким образом, сочетание властями региона различных форм межэтнического взаимодействия способствует установлению в Еврейской автономной области позитивных межэтнических отношений [22. С. 91].

В институциональном плане, в Еврейской автономной области на позитивное решение вопросов этнической политики влияет и деятельность структур управления миграцией. Как отмечает исследователь Приамурского государ-

ственного университета им. Шолом-Алейхема Е.В. Титова, «В Еврейской автономной области сложилась и достаточно полноценно функционирует система органов власти, занимающихся вопросами нормативно-правового регулирования трудовой миграции» [30. С. 86]. Вместе с тем, по мнению Е.В. Титовой, существует ряд проблемных задач, для решения которых необходимо построить систему механизмов регулирования процессов адаптации трудовых мигрантов в области. Как полагает вышеупомянутый ученый из Еврейской автономной области, основную роль в формировании и реализации миграционной политики играют две группы механизмов.

Первую из них составляют механизмы административно-правового контроля, предполагающие совершенствование миграционного законодательства, наведение порядка в сфере трудовой миграции посредством сокращения теневого использования иностранных работников и максимального обеспечения потребностей экономики в местных трудовых ресурсах, переход к организованной системе использования иностранной рабочей силы путем привлечения в Россию квалифицированных трудовых мигрантов, обеспечение полномасштабного контроля за исполнением миграционного законодательства [5].

Вторую группу составляют этнокультурные механизмы (например, приобщение трудовых мигрантов к культурным традициям региона проживания; воспитание чувства культурной и этнической идентичности; развитие образовательных, языковых программ по улучшению уровня адаптации трудовых мигрантов и гармонизации межэтнических отношений; приобщение местной молодежи к проблемам адаптации и интеграции мигрантов; увеличение количества этнокультурных мероприятий в области; создание локальных функциональных центров, занимающихся вопросами адаптации и интеграции трудовых мигрантов) [30. С. 86].

Таким образом, как в Хабаровском крае, так и в Еврейской автономной области происходит системная увязка управления этническими и миграционными процессами, что позволяет сделать вывод о формировании в регионе институциональной системы этномиграционной политики. Рассмотренные региональные сюжеты свидетельствуют об объективном учете органами государственной власти и местного самоуправления вызовов этнической миграции, обуславливающих в известной степени межэтническую напряженность.

Вместе с тем, как справедливо полагает Е.Л. Мотрич, анализ динамики населения в Дальневосточном регионе позволяет сделать вывод, «что на восточных рубежах страны не все спокойно» [20. С. 12–13]. По ее мнению, «необходимо решить вопрос о том, рассматриваются ли восточные районы страны как территория, откуда не просто намерены выкачивать природные ресурсы и которые используются как стратегический плацдарм в бассейне Тихого океана, но как район, с которым связываются серьезные и длительные надежды в смысле организации нормальной жизни людей, как район, на который будет приходиться значительная часть интересов общества» [20. С. 13].

Нерешенность вышеобозначенного вопроса свидетельствует об определенной рассогласованности федеральных и региональных институтов национальной (этнической) и миграционной политики. По сути дела, органы региональной и местной власти вынуждены формировать политико-общественные институты, во многом исходя из реалий так называемого «этнического сдвига», вызванного миграционными процессами и негативной демографической ситуацией. Что касается федерального центра, то, с одной стороны, он принимает определенные меры по развитию дальневосточных территорий. Речь идет, например, об утверждении на заседании подкомиссии Правительства РФ в начале 2015 г. параметров первых трех территорий

опережающего социально-экономического развития (ТО-СЭР), что свидетельствует о признании необходимости масштабных проектов по социально-экономическому развитию Дальнего Востока [9. С. 168–169]. Кроме того, Правительство РФ своим распоряжением № 2193-р от 28 октября 2015 г. утвердило Концепцию развития приграничных территорий субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (речь идет о Приморском и Хабаровском краях, Амурской области и Еврейской автономной области). На сертификаты для переезда на Дальний Восток из бюджета выделяют 450 млн руб., предпринимателям упростят процедуру выдачи земли. Предполагается, что переселенцы будут развивать туризм, заниматься сельским хозяйством, пчеловодством, создавать новые рабочие места [16].

С другой стороны, как справедливо полагает директор Института международного бизнеса и экономики Владивостокского государственного университета экономики и сервиса А. Латкин, закономерно возникает вопрос о том, заработает ли программа. «Ведь сколько проектов по развитию региона уже провалилось!» [16]. По предложению А. Латкина в 2015 г. была создана экспертная группа, которая посетила Приморский и Хабаровский края. В результате было выявлено, что в настоящее время для приграничного сотрудничества с российской стороны не сделано ничего и ситуация стала даже хуже, чем 20 лет назад. Хотя с каждым годом на таможенных переходах идет увеличение туристического потока [16]. Реальные примеры показывают наличие серьезных бюрократических барьеров на пути реализации Концепции развития приграничных территорий. Так, в Хасанском районе Приморья предприниматели провели научную экспертизу проекта предприятия по выращиванию женьшеня, которая подтвердила благоприятность условий для выращивания женьшеня. Однако предприятие не было запущено по причине невозможности оформления земли.

Подобные ситуации, по мнению экспертной группы, имеют широкое распространение. Поэтому программа должна не только привлекать рабочих, но и позволить талантливым и предприимчивым людям без помех войти в сельскохозяйственный и производственный процесс. Нужны высокие гарантии для того, чтобы все вложенное или созданное завтра не было отнято новыми указами, чтобы не изменялись условия налогообложения [16].

Недостаточность гарантийных механизмов реализации проектов развития Дальнего Востока, инициированных федеральной властью, приводит, в свою очередь, к тому, что Стратегия государственной национальной политики в данном регионе осуществляется преимущественно в тех направлениях, которые в большей степени связаны с реакцией на этническую миграцию, а не с регулированием отношений между русским и другими народами, проживающими на Дальнем Востоке России. Именно формирующееся вследствие вышеупомянутой рассогласованности противоречие и составляет, на наш взгляд, основное противоречие институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России. При этом «на большинстве территорий Дальнего Востока России нет внутренних базовых факторов, воспроизводящих этническую и культурно-религиозную основу созревания межнациональных конфликтов. Уже в XIX в. здесь стало складываться особое дальневосточное полиэтнокультурное пространство, которое основывалось на российской национально-государственной общности. В приращении Дальнего Востока к России, его освоении как российской территории заключалась значимость пребывания и жизнедеятельности переселенцев. Данное обстоятельство является ... идентификационной основой, интегрирующей российское дальневосточное полиэтнокультурное сообщество» [7. С. 57].

Следует иметь в виду, что «на Дальнем Востоке практически не ощущается феномена титульного, коренного

этноса, что обусловлено полиэтнично-миграционным со времен царской России и СССР составом его населения. Представители коренных этносов (нанайцы, удэгейцы, орочи, эвены, эвенки и др.) в силу своей малочисленности и проживания в труднодоступных районах традиционного природопользования не занимают в системе региональной социально-экономической и политической стратификации значимых диспозиций. Поэтому применительно к Хабаровскому краю, как и ко всему российскому Дальнему Востоку, уместно говорить не об автохонном, а о старожильческом (местном) населении, которое вследствие этноассимиляционного происхождения (пусть и преимущественно на основе славянского субстрата) в известной степени обладает толерантными установками» [11. С. 214–215]. Следовательно, не приходится говорить о сложившихся этнополитических элитах как преобладающего русского населения, так и коренных малочисленных народов и этнических меньшинств, проживающих в составе местного населения. А раз так, то нет оснований говорить о наличии объективных предпосылок для институционализации напряженности, генерируемой политизированной этнической идентичностью.

Вместе с тем, демографический фактор, несомненно, негативно влияющий на социально-экономическое развитие Дальнего Востока, представляет и серьезную угрозу с точки зрения формирования конфликтных ситуаций, связанных с возможностью институционализации возрастающих по численности миграционных потоков. Местное население, убывающее как по абсолютной, так и относительной численности, перестает быть фактором поддержки гражданской и культурной идентичности российской территории. На фоне оттока «старожилов» вероятны значительные изменения в статусных и ролевых позициях, формирование компактного и анклавного этнического расселения, этническая монополизация различных сфер предпринимательской деятельности.

Диаспоризация миграции, проявляющаяся в закрытости этнических общин, этноклановой организованности и сплоченности, воспроизводит отличные от местного населения интересы и ориентации, что, в конечном счете, приведет к трансформации миграционных сообществ в институты поддержки этнокультурной идентичности и возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала. И неудивительно, что может возникнуть ситуация, когда группы «новоселов» начнут требовать не только использования своих языков и традиций, но и «новых» институциональных систем права и политики. В вышеохарактеризованном обстоятельстве заключается, на наш взгляд, конфликтный потенциал институционализации региональной национальной (этнической) политики, формирующийся в результате известной расхолаженности последней с действиями федеральной власти по стратегическому развитию Дальневосточного региона.

Между тем, конфликтологический мониторинг межэтнических отношений и раннее предупреждение конфликтных ситуаций являются одними из ключевых аспектов реализации Стратегии государственной национальной политики [27]. Разработка методологии конфликтологического мониторинга должна реализовываться с учетом специфики регионов в контексте увязки превентивной деятельности с экономической и социально-культурной инфраструктурой, а в случае с дальневосточными территориями – необходимостью опережающего развития. Конфликтологический аспект реализации государственной национальной политики на региональном уровне предполагает, прежде всего, определение основного содержания потенциальных и реальных рисков, возникающих в процессе развития региона в сфере национально-этнических отношений.

Как уже отмечалось выше, на большинстве территорий Дальнего Востока России отсутствуют базовые факторы, воспроизводящие основу созревания национально-этни-

ческих конфликтов. Дальневосточники всегда осознавали себя и свой регион как неотъемлемую часть российской территории, и, следовательно, то, что происходило в России западнее Дальнего Востока, всегда находилось в поле зрения его жителей и находило отклик в их общественном сознании. Именно поэтому, с точки зрения потенциала межэтнической напряженности, риски возникновения последней носят зеркальный характер: отражают то, что происходит в других регионах РФ. Следовательно, необходима деятельность по компетентному мониторингу информационных потоков в условиях открытого информационного пространства. Регулирование информационных потоков предполагает конфликтную аналитику – анализ и прогнозирование возможного воздействия их структуры и содержания на формирование общественного мнения, а также оперативное реагирование с целью профилактики и противодействия распространению радикальных и экстремистских установок.

С этой точки зрения интересен положительный опыт реализации конфликтологического мониторинга межэтнических отношений, появившийся в Хабаровском крае. В сентябре 2013 г. Межвузовским конфликтологическим центром при поддержке АНО «Аналитический центр по рациональному разрешению социальных проблем «АБВГД» был проведен анкетный опрос по проблематике профилактики этнополитических конфликтов студентов следующих ведущих вузов Хабаровского края: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, N=108), Хабаровской государственной академии экономики и права (ХГАЭП, N=119), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС, N=97) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КнАГТУ, N=201). В феврале 2014 г. в тех же вузах был проведен повторный анкетный опрос в рамках проекта «Высшие учебные заведения Хабаровского края – территория межнациональ-

ного согласия: профилактика этнического экстремизма». Были опрошены студенты: Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ, N=259), Хабаровской государственной академии экономики и права (ХГАЭП, N=267), Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС, N=266) и Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (КнАГТУ, N=241). В общей сложности было опрошено 1558 респондентов, доверительная вероятность составила 95%, доверительный интервал $\pm 3,9\%$; выборка была случайная на этапе отбора респондентов. На основе полученных результатов в ведущих высших учебных заведениях Хабаровского края с февраля по май 2014 г. была проведена серия научно-образовательных семинаров и интерактивных образовательно-воспитательных мероприятий по проблемам межэтнических отношений (мастер-классов, дебатов, общественных дискуссий) [26. С. 8–9].

Таким образом, выявленные в процессе изучения настроений студенческой молодежи болевые точки, а также сопоставленные с ними результаты мониторинга информационных потоков на предмет прогнозирования экстремистского воздействия были максимально учтены при проведении специальных превентивных мероприятий, направленных на снижение предпосылок восприятия радикально-националистической идеологии. В вышеуказанном примере видно положительное решение проблемы формирования региональной и муниципальной систем мониторинга межэтнических отношений и предупреждения конфликтных ситуаций в части перехода от наблюдения и противодействия к раннему предупреждению – работе на опережение.

Ключевым моментом при определении алгоритмов реализации Стратегии национальной политики является интеграция национальной политики в общую систему управленческого воздействия на предпосылки и факто-

ры регионального развития. Следует учитывать, что даже самые перспективные проекты с острой потребностью в миграционных ресурсах и мощными инвестиционными притоками должны всесторонне рассматриваться не только с экономической стороны, но и проходить этноконфликтологическую экспертизу. Все это в совокупности должно составить основы стратегии «глубокого» [11. С. 17, 77] предупреждения этнополитических конфликтов.

Рассмотрим данный тезис в контексте необходимости опережающего социально-экономического развития Дальнего Востока России. Политическая воля должна подкрепляться колоссальными инвестициями, поскольку речь идет о масштабных проектах, связанных со строительством крупных предприятий, электроэнергетических, газовых, водоснабжающих и водоотводящих объектов создаваемой инфраструктуры, развитием транспортной сети в условиях огромного территориального пространства и природных богатств. К началу 2015 г. на заседании подкомиссии Правительства РФ окончательно утверждены параметры первых трех территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), в числе которых две в Хабаровском крае – «Хабаровск» (28,52 млрд. руб. частных и 1,8 млрд. руб. бюджетных инвестиций; 3905 создаваемых рабочих мест) и «Комсомольск» (6,73 млрд. руб. частных и 3,2 млрд. руб. бюджетных инвестиций; 1630 создаваемых рабочих мест). Кроме того, одобрен отдельный список из шести инвестиционных дальневосточных проектов, которые не входят в состав ТОСЭР, но также получают существенную государственную поддержку. Два из них относятся к Хабаровскому краю. Это – комплексный инвестиционный проект развития угледобычи и углеобогащения (инвестор – ОАО «Ургалуголь»; 15,92 млрд. руб. осуществленных частных и 2,37 млрд. руб. бюджетных инвестиций; 2451 создаваемое рабочее место) и строительство в морском порту Ванино на северном берегу бухты Мучке транспортно-перегрузочного комплекса для

перевалки угля (2,49 млрд. руб. осуществленных частных и 3,28 млрд. руб. бюджетных инвестиций; 450 создаваемых рабочих мест) [3].

На Дальнем Востоке особенно важно сопряжение такого развития с социальными программами и социальной инфраструктурой для закрепления постоянного населения и привлечения нового. Между тем, кризисная ситуация не обошла стороной и Хабаровский край. Так, в середине февраля 2015 г. стало известно, что финансирование программы по развитию Дальнего Востока сокращено в 5 раз. Однако, как заверил губернатор Хабаровского края В. Шпорт, программы, от которых зависит социально-экономическая жизнь и безопасность людей, свернуты или урезаны не будут [29].

Для обеспечения показателей регионального социально-экономического развития необходим соответствующий демографическим и квалификационным требованиям состав миграционных потоков. Между тем, в миграционной убыли Дальневосточного федерального округа каждый пятый в 2002 г. (21,5 %) и более чем каждый третий (37,7 %) в 2010 г. имел высшее профессиональное образование. Регион теряет специалистов с учеными степенями – докторов и кандидатов наук. Кроме того, идет потеря людей, имеющих среднее специальное образование. В общем миграционном оттоке населения в 2010 г. их доля составляла 26,1 %, а превышение выбывших над прибывшими в этой категории составляло в 2002 г. 21%, в 2010 г. – 24,5 % [19. С. 204]. Помимо этого, около половины (45,1 %) опрошенных в 2012 г. выпускников вузов Хабаровского края, Еврейской автономной области и Камчатского края настроены уезжать с территории Дальнего Востока «в целях профессиональной самореализации» [2. С. 22]. Таким образом, Дальневосточный регион в целом и Хабаровский край в частности теряют свой научно-образовательный потенциал, столь необходимый для обеспечения темпов роста экономики.

С точки зрения этноконфликтологической экспертизы, вышеприведенные данные следует рассматривать в сочетании с информацией о тех, кто прибывает на Дальний Восток. Так, за 2002 – 2010 гг. число прибывших из стран СНГ и Балтии увеличилось в 1,1 раза, а число выбывших сократилось в 1,9 раза. При этом самая высокая результативность миграционных связей наблюдается у региона с Таджикистаном, Узбекистаном и Киргизией, на десять прибывших из которых в обратном направлении выбывает 1 человек. Это гораздо выше, чем с культурно близкими Белоруссией и Украиной [19. С. 202]. Конечно, введение обязательного для мигрантов экзамена по русскому языку и истории России привело в начале 2015 г. к определенному сокращению доли выходцев из Средней Азии, однако это существенно не изменило картину этнической миграции. Так, даже в пик заезда в Хабаровский край украинских беженцев их численность по состоянию на 15 сентября 2015 г., когда губернатор края В. Шпорт подписал распоряжение о введении на его территории чрезвычайного положения, составила всего 1399 человек [31], в то время как из среднеазиатских и закавказских республик уже в 2010 г. въехало почти 3000 человек [19. С. 201–202].

Таким образом, утрата научно-образовательного потенциала, квалифицированных работников сопровождается прибытием низкоквалифицированного контингента, который в этнокультурном отношении значительно отличается от старожильческого населения, но при этом представлен многими видами деятельности, которыми занимаются и местные жители – сферой услуг, торговлей, мелким и средним бизнесом. Нередко доходы иммигрантов и представителей диаспор, например, занятых в торговле, выше, чем у местных россиян, занятых в социальной, производственной и жилищно-коммунальной сферах. По мнению Д. Коулмена, в случае, если последующие поколения мигрантов в большей степени будут определять себя как нечто отлич-

ное от местного населения, убывающего как по абсолютной численности, так и относительно, то это может повлиять на идентичность той или иной страны, на социальную сплоченность ее населения. Может возникнуть ситуация, когда разные группы людей захотят говорить на разных языках, начнут требовать, чтобы использовались различные системы права. У этих групп могут оказаться различные ориентации с точки зрения внешней политики страны, в которой они живут и т.п. [14].

Именно поэтому в контексте конфликтологического мониторинга этнической миграции следует предпринимать управленческие усилия по нейтрализации таких социальных явлений, как: изменения в статусных диспозициях, компактное и анклавное расселение этносов, этническая монополизация некоторых сфер предпринимательской деятельности и в торговле, нелегальность пребывания и трудовой деятельности, вовлечение части этнических мигрантов в криминальную деятельность, закрытость этнических общин, этническая (клановая) организованность и сплоченность, возможности быстрой мобилизации всех факторов этнического потенциала [17. С. 133–134].

Таким образом, в Хабаровском крае наблюдаются проявления всех основных тенденций конфликтогенности этномиграционных процессов, имевших место как в западных странах в период деколонизации, так и проявляющихся сейчас в других российских регионах. В то же время, экспортно-сырьевой характер российской экономики и неразвитость наукоемких и высокотехнологичных производств обусловили преобладание временной трудовой миграции. Поэтому в отличие от постиндустриальных стран, на российском Дальнем Востоке пока отсутствует социальный раскол между старожильческим населением и иммигрантами на основе разделения на класс работников интеллектуального производства высокодоходной продукции (конструкторские разработки, высокие техно-

логии, программное обеспечение и т.п.) и так называемый «underclass». В отличие от западных обществ, где на основе приезда иммигрантов на постоянное место жительства сложились сообщества рожденных в принимающих странах их потомков, в Дальневосточном регионе отсутствует проблема взаимоотношений «старых» и «новых» граждан. Это обстоятельство не позволяет пока рассматривать формы взаимодействия основной массы иммигрантов со старожильческим населением как проявления межэтнического конфликта. Данное взаимодействие не является конфликтным хотя бы по той причине, что пока в большинстве случаев иммиграционные сообщества – это не системные, а внесистемные элементы, они еще не стали так называемыми «этноклассами» дальневосточной социальной структуры. Они еще в достаточной степени не инкорпорировались в институты регионального сообщества, их этнокультурное отличие не признано институтом гражданства.

Вместе с тем, вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют скорее о наличии «форы во времени», нежели о серьезном структурном преимуществе в управлении миграционными процессами. Речь идет о том, что перед Дальневосточным регионом стоит задача, решение которой имеет в условиях этого региона определенную специфику. Оно состоит в том, что главным условием рационализации как миграционной политики, так и всей национальной политики в целом, является реализация курса на опережающее социально-экономическое развитие на основе диверсификации экономики и технологической модернизации. Как показал опыт западных индустриальных обществ, включенность в производственные процессы способствовала успешной интеграции мигрантов. При этом создавался мощный стимул для повышения личной конкурентоспособности, культурного уровня, для овладения новыми знаниями и навыками. Индустриальный труд способствовал тесным контактам с местным населением и иммигрантами,

прибывшими из других стран [12. С. 66].

Интеграция прибывших этносов предполагает сочетание этнической идентичности с признанием национальной культуры принимающего общества и гражданской лояльности «новой» родине. Именно в этом состоит принципиальное различие между интеграцией и сепарацией, которая характеризуется отрицанием культуры принимающего социума, приводящего к этнокультурной изоляции. В этой связи можно отметить позитивные примеры усилий по поддержанию межнационального согласия и этнополитического консенсуса в условиях усиления потоков этнической миграции. Необходимо сказать, что важнейшим условием эффективности этноконфликтологического мониторинга на региональном уровне является включение экспертных сообществ в управленческую деятельность по национальной политике. Ни одно управленческое решение не должно быть реализовано, если оно, по прогнозам экспертов, может повлечь за собой ухудшающее воздействие на сферу межэтнических и этноконфессиональных отношений. В состав экспертно-аналитических групп должны входить конфликтологи, социологи, политологи, психологи и специалисты других смежных дисциплин [10. С. 102].

С этой точки зрения жизненно необходима специализированная экспертиза решений и программ в области национальной политики, готовящихся региональными органами государственной власти, на предмет их конфликтогенности по следующим приоритетным направлениям.

1. Регулирование этнической миграции, приводящей к этническому и религиозному сдвигу в социально-экономической и социокультурной структуре дальневосточного социума.

2. Мониторинг влияния этномиграционных процессов на социальное самочувствие старожильческого населения, его способность к приему мигрантов и межкультурной коммуникации.

3. Деятельность по недопущению использования социального напряжения в условиях экономического кризиса в целях мобилизации этнического фактора в общественно-политическом процессе (особенно в период выборов).

4. Формирование системы информационного и образовательно-воспитательного предупреждения проявлений этнического и религиозного экстремизма в образовательных организациях.

5. Совершенствование региональных и муниципальных механизмов мониторинга межэтнических отношений и оперативного реагирования на конфликтные ситуации.

Однако при всей сложности ситуации вселяет надежду деятельность Правительства Хабаровского края по активизации работы его новой структуры – Управления по реализации государственной национальной политики в составе Главного управления внутренней политики [24] и его решение об учреждении с 2016 г. автономной некоммерческой организации «Краевой научно-практический центр по мониторингу этноконфессиональных отношений и раннему предупреждению конфликтных ситуаций» [6]. Представляется, что данные шаги, сделанные органами государственной власти субъекта Российской Федерации, послужат формированию научно обоснованной региональной этнической политики.

Литература

1. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент : учебное пособие / А.Р. Аклаев. – М. : Дело, 2008. – 480 с.
2. Байков, Н.М. Миграционные намерения выпускников вузов на Востоке России: объективные и субъективные детерминанты / Н.М. Байков // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 18–25.
3. Бирюков, В. На один государственный рубль инвесторы добавляют еще

семь / В. Бирюков // Хабаровский край сегодня. – 2015. – № 6 (12). – С. 2.

4. Бляхер, Л.Е. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке / Л.Е. Бляхер, К.В. Григоричев // Политика. – 2011. – № 4. – С. 35–60.

5. Здоровец, Я.И. Миграционная проблематика и развитие российского законодательства / Я.И. Здоровец // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ № 22 (339) «Национальная и миграционная политика: зарубежный и отечественный опыт» (декабрь 2007 г.). – С. 35–46.

6. Итоговая резолюция Дальневосточного гражданского форума от 15 ноября 2015 г. : направлена врио начальника департамента по реализации общественных проектов Аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе А.И. Веденяпиной заместителю Председателя Правительства Хабаровского края – руководителю Аппарата Губернатора и Правительства края А.Н. Мкртычеву письмом от 29 декабря 2015 г. № А56-5138 : п. 9 // Официальный сайт Общественной палаты Хабаровского края. – Режим доступа: <http://www.opkhv.ru/civilforum27/2015/materials/1597>.

7. Ким, А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики / А.С. Ким // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (35). – С. 52–59.

8. Ким, А.С. Миграционная политика в Дальневосточном регионе: институционализация социальных практик как фактор воздействия на социальную адаптацию мигрантов / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (47). – С. 146–153.

9. Ким, А.С. Реализация стратегии государственной национальной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) / А.С. Ким, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (46). – С. 167–171.

10. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтогенность студенческой среды: анализ исследований на региональном уровне / А.С. Ким, В.Ю. Стадник // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 94–102.

11. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.

12. Константинов, В.В. Проблема интеграции мигрантов в при-

нимающее общество в постиндустриальных странах и в России / В.В. Константинов, М.В. Зелев // Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 64–70.

13. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г. // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3ghQn8szv>.

14. Коулмен, Д. Третий демографический переход / Д. Коулмен // Демоскоп Weekly. – 2007. – 3–16 сентября. – № 299–230. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>.

15. Кузнецов, А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы / А.М. Кузнецов // Ойкумена. – 2012. – № 1. – С. 67–79.

16. Латкин, А. Теряем восток? / А. Латкин // Аргументы и факты. – 2015. – № 47 (1828). – 18–24 ноября. – С. 4.

17. Лобода, О.В. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига / О.В. Лобода, И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 128–135.

18. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин и др. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.

19. Мотрич, Е.Л. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России / Е.Л. Мотрич // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 196–208.

20. Мотрич, Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е.Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 6–14.

21. Мотрич, Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока со странами ближнего и дальнего зарубежья / Е.Л. Мотрич // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 74–95.

22. Никитенко, В.Н. Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области / В.Н. Никитенко, Ю.Н. Аверина // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 2. – С. 86–92.

23. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.

24. Положение о главном управлении внутренней политики Губернатора и Правительства Хабаровского края : утверждено постановлением Губернатора Хабаровского края от 28 ноября 2014 г. № 88 // Собрание законодательства Хабаровского края. – 2015. – № 11 (часть I).

25. Соловьева, Т. Хабаровский край – территория гражданского мира. Как предупредить проявления национального и религиозного экстремизма / Т. Соловьева // Приамурские ведомости. – 2013. – 24 мая. – № 53 (7648). – С. 4.

26. Стадник, В.Ю. Этнополитическая конфликтогенность студенческой молодежи Хабаровского края: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22. 00. 04 / Стадник Владислав Юрьевич. – Хабаровск, 2014. – 135 с.

27. Стенографический отчет о заседании Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации : 22.10.2013. – Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/council/28/news/19475>.

28. Сулейманов, С.Ш. Роль общественных организаций в реализации государственной национальной политики в Хабаровском крае / С.Ш. Сулейманов // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 294–299.

29. Терентьева, Ю. Зубы кризиса. Экономим и зарабатываем / Ю. Терентьева // АИФ – ДАЛЬИНФОРМ. Региональное приложение. – 2015. – № 7 (1093). – С. 2.

30. Титова, Е.В. Механизмы регулирования процессов адаптации этнической трудовой миграции в Еврейской автономной области / Е.В. Титова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 82–87.

31. Штольц, Я. Помощь переселенцам / Я. Штольц // Амурский меридиан. – 2015. – № 1 (796). – С. 2.

Заключение

Рассмотренные примеры разнообразия возникающих и воспроизводящихся институциональных практик этнической и миграционной политики являют собой как культурные основания процесса институционализации, так и его организационно-структурные компоненты. В ракурсе общей постановки проблемы политической институционализации исследованные в работе процессы свидетельствуют о потребностном характере формирования политических практик. Объективная необходимость формирования новых политических институтов обусловлена как новыми общественными вызовами, так и заинтересованностью определенных групп реагировать на них, исходя из своих интересов. Следовательно, природа политической институционализации общества не исчерпывается только лишь стремлением к регулированию групповых интересов. Немаловажное значение имеет и потребность в достижении определенного качества управления социальными процессами, которое необходимо для установления и поддержания социального порядка.

Методологическая значимость раскрытия в работе сущности политической институционализации заключается в следующем.

1. Формируется основа выявления различных акторов институционализации этнополитики, что позволяет изучить широкий спектр их интересов. Кроме того, становится возможным проанализировать взаимодействие этих интересов как с точки зрения согласованности, интеграции, так и с позиции рассогласованности и конфликтогенности.

2. Появляется возможность изучения взаимодействия культурных оснований и институциональных (социальных) практик этнополитики, а следовательно, эвристическая основа рассмотрения степени влияния различного

рода компонентов политической культуры, проявляющихся на разных уровнях общественной жизни, на складывание и развитие соответствующих этнополитических практик.

3. Институты этнополитики характеризуются как результаты соответствующих институциональных практик. Это позволяет рассматривать формирование и реализацию функций данных институтов с точки зрения адекватности управленческим потребностям общества в регулировании национально-этнических отношений. Именно поэтому в пространство такого исследования попали как предпосылки, так и причины и факторы возможных дисфункций институтов этнополитики.

4. Этнополитические институты необходимо изучать с точки зрения иерархии политических институтов общества в целом. При этом неизбежно подвергаются изучению вопросы места и роли институтов этнополитики в политической системе общества, их взаимодействия с другими политическими институтами.

На основе решения перечисленных исследовательских задач умножаются возможности для раскрытия сущности институционализации этнополитики как сложного процесса формирования практик социального взаимодействия в поле межэтнических, национально-этнических и этномиграционных процессов как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Рассмотрение институционализации национально-этнической политики привело к выводу о том, что она во многом приобрела характер этнической политики, поскольку в настоящее время во многих странах процессы актуализации и мобилизации этнической идентичности становятся значимым (а нередко и определяющим) фактором социально-политического развития. Анализ неомодернистской парадигмы институционализации этнополитики мультиплицируется обращением к неoinституционалист-

скому подходу, который, как было отмечено, базируется на парадигме социального конструктивизма и трактует социальные институты как относительно устойчивые социальные практики, признавая совокупность когнитивных схем, смыслов и значений как важную составляющую процесса институционализации, которая представлена не институтами как таковыми, а «культурными основаниями» процессов институционализации. Различение институциональных практик и культурных оснований институционализации позволяет полагать, что на базе последних могут воспроизводиться достаточно устойчивые социальные практики применительно и к управлению этнополитическими процессами. Так произошло, в частности, с опытом этнополитики в западноевропейских и североамериканских государствах, воспринявших и реализовавших ценности мультикультурализма. Последний выступает как идеология и социальный дискурс, на основе которых реализовывались институциональные практики признания культурного плюрализма (например, этнических культур, религиозных и расовых сообществ).

Проведенный в работе анализ дает возможность сформулировать следующие представления об институционализации этнополитики как виде политической институционализации.

1. Институты этнической политики формируются и развиваются под влиянием доминирования в правящих элитах определенных «культурных оснований» институционализации в виде мировоззренческих ценностей, рациональных подходов и знаний, под влиянием которых складываются определенные смыслы, представления и поведенческие установки.

2. Постмодернистская парадигма содействует пониманию феномена «этнического предпринимательства», которое включает в себя акции по воспроизводству в том числе и институтов, необходимых для поддержания конструиру-

емой этнополитической реальности. В таком случае этническая политика институционализируется в большей степени не как ответ на общественные вызовы, но как корпоративный вариант этнополитической мобилизации, осуществляемой в интересах самосохранения и самовоспроизводства политических элит. Именно поэтому наблюдается несоответствие объективным интересам этнических общностей, дисбаланс идентичностей (прежде всего, гражданской и этнической), а также огромный массив этнополитической конфликтности, порождаемый дискриминацией, сепарацией и этническим национализмом.

3. Формирование новых этнополитических институтов определяется тем, что властные группы зачастую вынуждены разрабатывать и реализовывать соответствующие политические практики в связи с объективной необходимостью реагировать на новые общественные вызовы при всей заинтересованности этих групп исходить, прежде всего, из своих корпоративных интересов. Следовательно, в известном смысле, политические элиты нередко заинтересованы в достижении соответствующего качества управления национально-этническими процессами. Именно поэтому целесообразно предположить, что одним из основных противоречий, процесс разрешения которого служит источником развития этнополитической институционализации, является противоречие между стремлением к воспроизводству и самосохранению политических элит и необходимостью их реагирования на общественные вызовы в сфере национально-этнических взаимодействий.

Исключительно важное значение для формирования и развития институциональных практик этнической политики имеют доминирующие в научном и общественном дискурсах, как в правящих элитах, так и в широких слоях общества, концептуальные подходы и ценностные установки, рациональные взгляды и представления в сфере познания национально-этнических процессов. Они,

будучи составной частью культурно-гносеологических оснований институционализации этнополитики, в значительной степени обуславливают формирование смыслов, мировоззренческих и поведенческих установок, определяющих характер и направленность развития как институциональных практик, так и самих политических институтов. С этой точки зрения необходимо учитывать их значимость как основ формирования соответствующих парадигм этнополитики.

Последнее обстоятельство предполагает значимость дальнейшей разработки этнополитических концепций современного уровня, преодолевающих устаревшие догмы и парадигмы этнического национализма. Речь идет, прежде всего, об инновационном, согласующемся с реалиями современного мира взгляде на концепт этничности, разграничении национального и этнического, преодолении застарелой традиции примордиалистского толкования этнической идентичности, заключающегося в автоматическом приписывании индивида к определенной этнической группе по факту его происхождения. Формирование научных представлений о феномене этничности будет способствовать размыванию ментальной основы этнонационалистической парадигмы, а следовательно, препятствовать ее укоренению в сознании масс и элит, от настроений которых в значительной степени зависит характер и направленность формирования институциональных практик и самих институтов этнической политики. Это в решающей степени зависит от того, какую политико-идеологическую платформу закладывает государство в управление национально-этническими отношениями. Содержанием этой платформы должна стать пришедшая на смену интернационалистской идеологии система ценностей, на основе которых, собственно, и должно происходить объединение различных народов в единое полиэтничное государство, формироваться демократическая этнополитика и культу-

ра межэтнического общения в условиях формирования российской гражданской нации.

Ввиду вышеизложенного, огромное научное и практически-политическое значение имеет продолжение творческо-критического анализа и учета в управленческой практике зарубежного опыта регулирования социальных процессов. В этой связи весьма актуально рассмотрение реализации мультикультуралистской модели, которая весьма значима для России не только в связи с ее полиэтничностью, но и давлением глобальной этнической миграции. Как мы увидели, современный мультикультурализм, давно выйдя за рамки академического дискурса, переставая быть официальным политическим курсом целого ряда европейских государств, тем не менее, продолжает существовать как устойчивое явление, с которым ассоциируются культурное разнообразие и групповые культурные идентичности. В пользу этого говорит широкое зарубежно-региональное распространение мультикультурализма, проявляющееся в распространении его установок и практик, его институционализации в Северной Америке и Западной Европе. Вопрос заключается в том, что степень исследованности соотношения общего и особенного в регионально-страновых проявлениях институционализации мультикультурализма сравнительно невысока.

В силу актуальности решения проблемы культурной неоднородности России не следует отворачиваться от восприятия мультикультурализма и как системы мер, и как дискурса социального существования. Видимо, следует согласиться с тем, что целесообразна стратегия сочетания политики «плавильного котла» и политики мультикультурализма. В разрешении противоречия между перечисленными институциональными практиками, вероятно, и заключается сущность современной позитивной этнополитики как оптимального варианта управления многосоставными в этническом и конфессиональном плане государствами. Что

касается России, то с большой долей вероятности можно предположить, что в процессе утверждения в России модели нации-государства следует ожидать поисков идентичности как большинства, так и меньшинств, в том числе и в форме конфликтов, которые будут с большим или меньшим успехом разрешаться в зависимости от взаимоисключающих друг друга вариантов этнополитики. Либо государство придает этнополитике позитивную направленность, разрешая различными средствами проблемы этнической конфликтности, либо конструирует и формирует новые меньшинства, провоцируя и усиливая их дискриминацию, а значит, тягу к самоизоляции и сепаратизму.

Следует учитывать, что в составе России есть регионы Дальнего Востока, которые по способу формирования населения имеют много общего со странами – «родами» мультикультурализма (США, Канада, Австралия), ибо заселялись преимущественно иммиграционными потоками при малочисленности аборигенного населения. Именно поэтому представляется рациональным проведенный в работе анализ институционализации мультикультурализма в США как социального дискурса и политической практики в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России. Более того, дефицит трудовых ресурсов в Дальневосточном регионе, сопровождающийся неблагоприятной демографической ситуацией, обуславливает отток русскоязычного населения и растущий приток этнических мигрантов, что с неизбежностью приводит к постоянному воспроизводству интереса к классической мультикультуралистской модели, а следовательно, к увеличению вероятности институционализации ее практик. Однако, решение вопроса о возможности адаптирования практик мультикультурализма к регулированию этномиграционной ситуации на российском Дальнем Востоке требует тщательной конфликтологической экспертизы, необходимой для выстраивания региональной системы мо-

нитинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.

Итак, применительно к национально-этническим процессам, предметом политической институционализации является совокупность связей и отношений, содержанием которых выступают проблемы институционализации политической власти, определяющие ее функционирование, изменение и модернизацию применительно к управлению межэтническими отношениями. Таким образом, институционализация этнической политики есть не что иное, как процесс формирования соответствующих институтов, практик и политико-культурных компонентов, задающих характер и направленность процессов межэтнического взаимодействия и их регулирования.

Применительно к современной России речь идет о двух типах институционализации этнической политики: 1) этническо-ограничительной; 2) гражданско-национальной. В результате формируются два тренда этнополитической институционализации: 1) институциональные практики и институты этнического ограничения и исключения, ведущие, в конечном счете, к этнической сепарации и продуцирующие межэтнические конфликты; 2) институциональные практики и институты согласия и конфликтопредупреждения, нацеленные на формирование взаимного доверия в кроссэтнической коммуникации на основе конструкции общегражданской идентичности.

Список литературы

1. Абдулатипов, Р.Г. Ленинская политика интернационализма в СССР: история и современность / Р.Г. Абдулатипов, Т.Ю. Бурмистрова. – М. : Мысль, 1982. – 266 с.
2. Абдулатипов, Р.Г. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос : монография / Р.Г. Абдулатипов, В.А. Михайлов. – М. : Международный издательский центр «Этносоциум», 2016. – 102 с.
3. Аклаев, А.Р. Этнополитическая конфликтология. Анализ и менеджмент : учебное пособие / А.Р. Аклаев. – М. : Дело, 2008. – 480 с.
4. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
5. Аминов, И.Р. Государственная национальная политика как способ поддержания этнополитической стабильности в современной России / И.Р. Аминов // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 4 (38). – С. 26–28.
6. Анциферова, И.В. Общее и особенное в менталитете российского электората в разрезе кластерного анализа / И.В. Анциферова, В.М. Ермаков // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 1 (91). – С. 37–42.
7. Арутюнова, Л.В. Мультикультурализм и его модели в современном мире : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Л.В. Арутюнова. – М., 2009. – 23 с.
8. Ачкасов, В.А. «Мобилизованная этничность»: этническое измерение политической культуры современной России / В.А. Ачкасов, С.А. Бабаев; С.-Петербург. гос. ун-т; С.-Петербург. философское общество. – СПб., 2000. – 144 с.
9. Ачкасов, В.А. Политика идентичности мультиэтничных государств в контексте решения проблемы безопасности : монография / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. – 232 с.
10. Ачкасов, В.А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России / В.А. Ачкасов // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: природа, причины и пути устранения : междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2007 г.) / науч. ред. В.А. Ачкасов, Д.З. Мутагиров. – СПб., 2007. – С. 43–49.
11. Ачкасов, В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2005. – 337 с.
12. Ачкасов, В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2015. – 495 с.

13. Байкальский регион: правовое поле этнополитической ситуации (1992 – 2001) / авт.-сост. Ю.Н. Пинигина. – М.; Иркутск, 2002. – 311 с.

14. Байков, Н.М. Миграционные намерения выпускников вузов на Востоке России: объективные и субъективные детерминанты / Н.М. Байков // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 18–25.

15. Бараш, Р.Э. Мультикультурализм как (не)реализуемый проект: вопросы к теории и методологии / Р.Э. Бараш // Этнос, нация, ценности: социально-философские исследования : монография / науч. ред. К.Х. Момджян, А.Ю. Антоновский. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. – С. 127–143.

16. Бейсенбин, К.А. Проблемы совершенствования государственной национальной политики в постсоветской России / К.А. Бейсенбин, П.В. Летуновский // Этносоциум и межнациональная культура. – 2016. – № 5 (95). – С. 9–14.

17. Бенхабиб, С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб ; пер. с англ. ; под ред. В.И. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 350 с.

18. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Руткевич. – М. : Медиум, 1995. – 336 с.

19. Бирюков, В. На один государственный рубль инвесторы добавят еще семь / В. Бирюков // Хабаровский край сегодня. – 2015. – № 6 (12). – С. 2.

20. Бисмарк, Отто фон. Мысли и воспоминания / Отто фон Бисмарк ; перевод с немецкого. – М. : Бизнеском, 2009. – 286 с.

21. Блау, Питер М. Исследования формальных организаций / Питер М. Блау // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / пер. В.В. Воронин, Е.В. Зиньковский; ред. Г.В. Осипов. – М. : Прогресс, 1972. – 392 с. – С. 93–105.

22. Бляхер, Л.Е. Мигранты и миграционная политика в постсоветской Сибири и на Дальнем Востоке / Л.Е. Бляхер, К.В. Григоричев // Политика. – 2011. – № 4. – С. 35–60.

23. Бовин, А. Кризис социализма и национальный вопрос / А. Бовин // Известия. – 1991. – 11 мая. – С. 4.

24. Богина, Ш.А. Иммигрантское население США 1865–1900 гг. / Ш.А. Богина. – М. : Наука, 1976. – 276 с.

25. Бредихин, А.В. Донецко-Макеевская агломерация: пути развития приграничного сотрудничества / А.В. Бредихин // Альманах «Казачество». – 2016. – № 19. – С. 12–17.
26. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – 418 с.
27. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114690>.
28. Гердер, И.Г. Мысли, относящиеся к философической истории человечества, по разумению и начертанию Гердера / И.Г. Гердер. – СПб. : Типография Н. Греча, 1829. – 302 с.
29. Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев ; под ред. В.С. Жекулина. – Л. : Гидрометеиздат, 1990. – 526 с.
30. Даль, Р. Полиархия, плюрализм и пространство / Р. Даль // Вопросы философии. – 1994. – № 3. – С. 37–48.
31. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики : принята Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня 1990 г. № 22-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. – 1990. – № 2, ст. 22.
32. Дзарасов, С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм / С.С. Дзарасов. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1994. – 335 с.
33. Дзуцев, Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-кавказского федерального округа Российской Федерации / Х.В. Дзуцев. – М., РОССПЭН, 2012. – 734 с.
34. Дункан, Джек У. Основополагающие идеи в менеджменте / Джек У. Дункан. – М. : Дело, 1996. – 272 с.
35. Дятлов, В.И. Диаспора: экспансия термина в общественную практику современной России / В.И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–138.
36. Елишев, С.О. Основы национальной политики : сборник статей / С.О. Елишев. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2012. – 352 с.
37. Зайка, К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков / К. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 59–70.
38. Замогильный, С.И. Этносоциология и этнопедагогика мультикультурных обществ : монография / С.И. Замогильный. – Саратов : ИЦ «Наука», 2006. – 202 с.
39. Зборовский, Г.Е. Общая социология : учебник для вузов / Г.Е. Зборовский. – Екатеринбург, 2003. – 720 с.
40. Здоровец, Я.И. Миграционная проблематика и развитие российского законодательства / Я.И. Здоровец // Аналитический вестник Со-

вета Федерации ФС РФ № 22 (339) «Национальная и миграционная политика: зарубежный и отечественный опыт» (декабрь 2007 г.). – С. 35–46.

41. Зотов, Г. Салам алейкум, Европа! / Г. Зотов // Аргументы и факты. – 2015. – № 38 (1819). – С. 6.

42. Иммигранты в Европе: проблемы социальной и культурной адаптации : сборник научных трудов / Т.С. Кондратьева и др. – М. : ИНИОН РАН, 2006. – 225 с.

43. Иноземцев, В. В поисках идентичности: европейская социокультурная парадигма / В. Иноземцев, Е. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. – № 6. – С. 3–14.

44. Истон, Д. Категории системного анализа политики / Д. Истон // Антология мировой политической мысли / отв. ред. Т.А. Алексеева. – В 5 т. – Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX в. – М. : Мысль, 1997. – 830 с. – С. 629–642.

45. Итоговая резолюция Дальневосточного гражданского форума от 15 ноября 2015 г. : направлена врио начальника департамента по реализации общественных проектов Аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе А.И. Веденяпиной заместителю Председателя Правительства Хабаровского края – руководителю Аппарата Губернатора и Правительства края А.Н. Мкртычеву письмом от 29 декабря 2015 г. № А56-5138 : п. 9 // Официальный сайт Общественной палаты Хабаровского края. – Режим доступа: <http://www.opkhv.ru/civilforum27/2015/materials/1597>.

46. Ким, А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики / А.С. Ким // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 3 (35). – С. 52–59.

47. Ким, А.С. Миграционная политика в Дальневосточном регионе: институционализация социальных практик как фактор воздействия на социальную адаптацию мигрантов / А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (47). – С. 146–153.

48. Ким, А.С. Реализация стратегии государственной национальной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) / А.С. Ким, Т.В. Пономаренко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (46). – С. 167–171.

49. Ким, А.С. Сочетание конфликтогенной и консенсусной парадигм в этнополитологическом исследовании диаспор : монография / А.С. Ким. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2008. – 241 с.

50. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтогенность студенческой среды: анализ исследований на региональном уровне / А.С. Ким, В.Ю. Стадник // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 94–102.
51. Ким, А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика : монография / А.С. Ким ; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.
52. Константинов, В.В. Проблема интеграции мигрантов в принимающее общество в постиндустриальных странах и в России / В.В. Константинов, М.В. Зелев // Политические исследования. – 2007. – № 6. – С. 64–70.
53. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утверждена Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 г. // Справочно-правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3ghQn8szv>.
54. Костиков, В. Мигранты: быть или не быть? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2006. – № 15. – С. 8.
55. Костюков, А.Л. Особенности экспорта российских образовательных услуг / А.Л. Костюков // Альманах «Казачество». – 2016. – № 20. – С. 51–65.
56. Коулмен, Д. Третий демографический переход / Д. Коулмен // Демоскоп Weekly. – 2007. – 3–16 сентября. – № 299–230. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0299/tema05.php>.
57. Кузнецов, А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы / А.М. Кузнецов // Ойкумена. – 2012. – № 1. – С. 67–79.
58. Латкин, А. Теряем восток? / А. Латкин // Аргументы и факты. – 2015. – № 47 (1828). – 18–24 ноября. – С. 4.
59. Лескин, Д. Русский мир: историческая миссия / Д. Лескин // Межконфессиональная миссия. – 2016. – № 14. – С. 6–13.
60. Лобода, О.В. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига / О.В. Лобода, И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 4 (40). – С. 128–135.
61. Малахов, В. Интеграция мигрантов как административная проблема: опыт Евросоюза / В. Малахов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 77–87.
62. Малинова, О.Ю. Как возможно невозможное: взгляд на пере-

стройку двадцать лет спустя / О.Ю. Малинова // Политические исследования. – 2007. – № 5. – С. 167–171.

63. Маркарян, В.Р. Этнос и этническая идентичность в современной науке / В.Р. Маркарян, М.И. Смирнова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 4 (82). – С. 81–87.

64. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований) : препринт / И.Ф. Ярулин и др. – Хабаровск : Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. – 96 с.

65. Мескон, М.Х. Основы менеджмента / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М. : Дело, 1997. – 704 с.

66. Мотрич, Е.Л. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России / Е.Л. Мотрич // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 196–208.

67. Мотрич, Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа / Е.Л. Мотрич // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 6–14.

68. Мотрич, Е.Л. Трансформация миграционных связей Дальнего Востока со странами ближнего и дальнего зарубежья / Е.Л. Мотрич // Пространственная экономика. – 2010. – № 2. – С. 74–95.

69. Национальная политика партии в современных условиях (платформа КПСС) : принята Пленумом ЦК КПСС 20 сентября 1989 г. // Правда. – 1989. – 24 сентября. – № 267.

70. Низамова, Л. Идеология и политика мультикультурализма: потенциал, особенности, значение для России / Л. Низамова // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах : материалы конференции (Казань, 2–3 июня 2004 г.) / под ред. А. Малашенко ; Моск. Центр Карнеги. – М. : Гендальф, 2005. – С. 9–30.

71. Никитенко, В.Н. Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области / В.Н. Никитенко, Ю.Н. Аверина // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 2. – С. 86–92.

72. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.

73. О национально-культурной автономии : федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2965.
74. О свободном национальном развитии граждан СССР, проживающих за пределами своих национально-государственных образований или не имеющих их на территории СССР : закон СССР от 26 апреля 1990 г. // Правда. – 1990. – 7 мая. – № 127.
75. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52. – Ст. 7477.
76. Официальный сайт Управления ФМС России по Хабаровскому краю. – URL: <http://www.27.fms.gov.ru/about/Statistic>.
77. Пак, М.Н. История и историография Кореи. Избранные труды / М.Н. Пак. – М. : Вост. лит., 2003. – 911 с.
78. Панарин, А.С. Политология : учебник / А.С. Панарин. – М. : ТК Велби, 2004. – 440 с.
79. Пан Беннюль. Слободка Синханчхон и корейская община в России // 1937 год. Российские корейцы: Приморье – Центральная Азия – Сталинград (Депортация) : матер. науч. конф. «60 лет депортации корейцев России с Дальнего Востока в Казахстан и Среднюю Азию» (Москва, август – сентябрь 1997 г.). – М., 2004. – С. 53–91.
80. Панов, П.В. Электоральные практики: проблемы концептуализации и варианты институционализации / П.В. Панов // Власть в России: элиты и институты : материалы седьмого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки; Социологический институт РАН. – СПб. : Интерсоцис, 2009. – С. 36–56.
81. Парсонс, Т. Введение / Т. Парсонс // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / пер. В.В. Воронин, Е.В. Зиньковский; ред. Г.В. Осипов. – М. : Прогресс, 1972. – 392 с. – С. 25–36.
82. Парсонс, Т. Система современных обществ : монография / Т. Парсонс; пер. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; под ред. М.С. Ковалевой. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
83. Поздняков, А. Прописано законом, изменено жизнью / А. Поздняков // Российские корейцы. – 2008. – Май. – № 103. – С. 4.
84. Политология : учебник / под ред. В.А. Ачкасова, В.А. Гуторова. – М. : Высшее образование, 2009. – 692 с.
85. Политология : учебник / под ред. В.И. Буренко. – М. : КНОРУС, 2013. – 392 с.
-

86. Положение о главном управлении внутренней политики Губернатора и Правительства Хабаровского края : утверждено постановлением Губернатора Хабаровского края от 28 ноября 2014 г. № 88 // Собрание законодательства Хабаровского края. – 2015. – № 11 (часть I).
87. Пусько, В.С. Российское общество и его идеология / В.С. Пусько // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 4 (82). – С. 15–20.
88. Россия – для кого? // Аргументы и факты. – 2011. – № 7. – С. 6–7.
89. Рябова, Е.Л. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: Этносоциум, 2015 : рецензия на монографию / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – №10 (88). – С. 175–179.
90. Рябова, Е.Л. Дискуссия о стратегии межнациональных отношений (редакционная статья) / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – № 5 (47). – С. 7–8.
91. Рябова, Е.Л. Межэтнические конфликты: к вопросу о причинах и путях преодоления / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2012. – № 1 (43). – С. 10–15.
92. Рябова, Е.Л. Национальные отношения и культура конфликтного взаимодействия / Е.Л. Рябова // Вестник Башкирского института социальных технологий. – 2012. – № 1 (13). – С. 63–68.
93. Рябова, Е.Л. Целостный подход в науке и его перспективы / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 4 (70). – С. 187–189.
94. Рябова, Е.Л. Экономика и миграция / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 2 (68). – С. 9–15.
95. Рябова, Е.Л. Экономика и миграция / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 3 (69). – С. 9–15.
96. Рябова, Е.Л. Экономика России: сопряжение космополитических и национальных проблем / Е.Л. Рябова // Этносоциум и межнациональная культура. – 2014. – № 1 (67). – С. 9–11.
97. Сахарова, В.В. Мультикультурализм и политика интеграции иммигрантов: сравнительный анализ опыта ведущих стран Запада : монография / В.В. Сахарова. – СПб. : Златоуст, 2011. – 176 с.
98. Сикевич, З.В. Этнические парадоксы и культурные конфликты в российском обществе / З.В. Сикевич. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. – 207 с.
99. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер; пер. З.П. Вольской. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.
100. Соловьева, Т. Хабаровский край – территория гражданского

мира. Как предупредить проявления национального и религиозного экстремизма / Т. Соловьева // Приамурские ведомости. – 2013. – 24 мая. – № 53 (7648). – С. 4.

101. Стадник, В.Ю. Этнополитическая конфликтогенность студенческой молодежи Хабаровского края: социологический анализ : дис. ... канд. социол. наук : 22. 00. 04 / Стадник Владислав Юрьевич. – Хабаровск, 2014. – 135 с.

102. Сталин, И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / И.В. Сталин. – М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1938. – 232 с.

103. Стенографический отчет о заседании Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации : 22.10.2013. – Режим доступа: <http://state.kremlin.ru/council/28/news/19475>.

104. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года : утв. указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 52, ст. 7477.

105. Суздалева, Т.Р. Миграционная политика: практика XXI века / Т.Р. Суздалева // Этносоциум и международная культура. – 2015. – № 1 (79). – С. 9–15.

106. Сулейманова, Ш.С. Миграционные процессы и международные межконфессиональные отношения в России: взаимовлияние и роль СМИ / Ш.С. Сулейманова, Е.Л. Рябова // Этносоциум и международная культура. – 2016. – № 2 (92). – С. 9–20.

107. Сулейманов, С.Ш. Роль общественных организаций в реализации государственной национальной политики в Хабаровском крае / С.Ш. Сулейманов // Миграционная ситуация и миграционная политика – российские проблемы и мировой опыт : сборник научных трудов по итогам международной научной конференции / под ред. Н.Б. Москвиной, Л.Н. Фарафоновой, Е.В. Сафоновой, Е.В. Кулеш. – Хабаровск : Изд-во ДВГГУ, 2013. – С. 294–299.

108. Султанов, К.К. Пределы этноцентризма в полиэтничном обществе / К.К. Султанов // Независимая газета. – 1997. – 29 июля.

109. Тейлор, Ф.У. Принципы научного менеджмента / Ф.У. Тейлор; пер. А.И. Зак. – М. : Контроллинг, 1991. – 104 с.

110. Терентьева, Ю. Зубы кризиса. Экономим и зарабатываем / Ю. Терентьева // АИФ – ДАЛЬИНФОРМ. Региональное приложение. – 2015. – № 7 (1093). – С. 2.

111. Титова, Е.В. Механизмы регулирования процессов адаптации этнической трудовой миграции в Еврейской автономной области / Е.В.

Титова // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 82–87.

112. Тишков, В.А. О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – 2006. – № 1 (24). – С. 150–168.

113. Тишков, В.А. Этнология и политика : статьи 1989–2004 гг. / В.А. Тишков. – М. : Наука, 2005. – 240 с.

114. Тощенко, Ж.Т. Этнократия: история и современность. Социологические очерки : монография / Ж.Т. Тощенко. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.

115. Травина, Е.М. Этнокультурные и конфессиональные конфликты в современном мире : учебное пособие / Е.М. Травина. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. – 256 с.

116. Фадеичева, М.А. Диаспора и состояния этнического индивида / М.А. Фадеичева // Диаспоры. – 2004. – № 2. – С. 140–154.

117. Фадеичева, М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России / М.А. Фадеичева // Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 53–60.

118. Файоль, А. Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер., науч. ред. и предисл. Е.А. Кочерина. – М. : Контроллинг, 1992. – 111 с.

119. Хабермас, Ю. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства / Ю. Хабермас // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; пер. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М. : Праксис, 2002. – С. 364–380.

120. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; пер. с англ. А. Башкирова. – М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. – 640 с.

121. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон; пер. В.Р. Рокитянского. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

122. Хесли, В.Л. Национализм и пути разрешения межэтнических противоречий / В.Л. Хесли // Полис. – 1996. – № 6. – С. 39–51.

123. Хюбнер, К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М. : Канон+, 2001. – 400 с.

124. Цепляев, В. Станет ли Россия одной большой Кондопогой? / В. Цепляев // Аргументы и факты. – 2006. – № 38. – С. 8.

125. Штольц, Я. Помощь переселенцам / Я. Штольц // Амурский меридиан. – 2015. – № 1 (796). – С. 2.

126. Эндрайн, Ч.Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные

преобразования / Ч.Ф. Эндрейн; пер. И.И. Мюрберг. – М. : ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. – 318 с.

127. Ярулин, И.Ф. Концепт «доверие» при анализе этнических миграций / И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49). – С. 128–133.

128. *A New Handbook of Political Science* / ed. by Robert E. Goodin and Hans-Dieter Klingemann. – Oxford, New York : Oxford University Press, 1998. – 829 p.

129. Bates, F. *Social Institution* / F. Bates, P. Harvy. – N.Y., 1973. – 220 p.

130. Brown, A. *Seven Years that Changed the World: Perestroika in Perspektive* / A. Brown. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 372 p.

131. Dahl, Robert A. *Modern Political Analysis* / Robert A. Dahl. – Englewood Cliffs, New Jersey : Prentice Hall, 1991. – 157 p.

132. *Ethnic identity: Formation and transmission among Hispanics and other minorities* / ed. by M.E. Bernal, G.P. Knight. – Albany : State University of New York Press, 1993. – 311 p.

133. Frum, D. *Comeback: Conservatism That Can Win Again* / D. Frum. – N.Y. : Broadway Books, 2009. – 240 p.

134. Gurr, T.R. *Minorities at Risk: A Global View of Ethnopolitical conflicts* / T.R. Gurr. – Washington, DC. : USIP Press Books, 1993. – 448 p.

135. Hollifield, J.F. *The Migration Crisis in Western Europe: the Search for a National Model* / J.F. Hollifield // *Migration Ethniziät Konflikt* / Bade Klaus J., ed. Osnabrück. – 1996. – 375 p.

136. Johnson, A.G. *Human Arrangements. An Introduction to Sociology* / A.G. Johnson; ed. by R. K. Merton. – N.Y., 1992. – 754 p.

137. Massey, S.D. *The New Immigration and Ethnicity in the United States* / S.D. Massey // *Population and Development Review*. – 1995. – vol. 21. – no. 3. – pp. 631–652.

138. Parsons, T. *Essays in Sociological Theory* / T. Parsons. – N.Y., London : Free Press, Macmillan, 1964. – 460 p.

139. Stratton, J. *Multicultural Imagined Communities: Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia* / J. Stratton, I. Ang // *Multicultural States: Rethinking Difference and Identity* / D. Bennett (ed.). – L. : Routledge, 1998. – P. 135–162.

140. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* / ed. by Paul J. DiMaggio, Walter W. Powell. – Chicago : University of Chicago Press, 1991. – 486 p.

Ким А.С.
Довгополов Е.Ю.

**Институционализация
этнической политики
в современной России
(на примере
Дальневосточного региона)**

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: 8 (495) 708-3000
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен
Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии
Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин
Корректор Е.А. Белоусова
Дизайн и верстка Т.А. Брик
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro R/9/10.
Формат 60x90/16. Тираж экз. 500 Усл. п. л. 39

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЭТНОСОЦИУМ»**

Журнал «ЭТНОСОЦИУМ и межнациональная культура»
входит в перечень ВАК РФ

В составе редакционного совета ведущие государственные, общественные деятели, выдающиеся российские и зарубежные ученые. В работе журнала участвуют все регионы России, страны Латинской Америки, Китая, Европы. Журнал распространяется во всех органах государственной власти России (во всех регионах), в посольствах зарубежных стран и за рубежом.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ:

создание, регистрацию, издание и продвижение журналов и альманахов; помощь во всех вопросах, в том числе в юридических, бухгалтерских, арендных, кадровых.

Редакционная подготовка

(литературное и техническое редактирование), дизайн.

Рецензенты и оппоненты, доктора наук и профессора.

Издаем книги, монографии, авторефераты, учебные пособия и др. на высоком уровне, нужным тиражом!

В процесс выпуска книги входит:

- * допечатная доработка (по желанию автора);
- * редактирование;
- * корректура;
- * подготовка электронного макета;
- * присвоение ISBN;
- * присвоение кодов УДК, ББК и авторского знака;
- * разработка дизайна обложки;
- * печать тиража (различными способами: офсет, цифра);
- * передача 16 экземпляров в Книжную палату;
- * рассылка готового тиража по территории РФ.

Все изданные нами книги проходят рецензирование и квалифицированную предпечатную подготовку.

www.etnosocium.ru
тел: +7 (495) 708-30-00
e-mail: etnosocium@mail.ru